ISSN 2686-9764

Том 14, № 1
2020

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

scientific and practical journal
of the Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penal Service

Volume 14, № 1
2020

PENITENTIARY SCIENCE

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

ISSN 2686-9764
Том 14, № 1
2020

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

Издается с 2007 года, до августа 2019 года выпускался под названием «Вестник института: преступление, наказание, исправление»

Выходит четыре раза в год

Учредитель:
ВИПЭ ФСИН России

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-76598 от 15.08.2019
ISSN 2686-9764

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), научная электронная библиотека «КиберЛенинка»

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала. Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

Адрес редакции:
160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:
160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
160010, г. Вологда, ул. Кубинская, д. 16, кв. 74

Телефоны:
(8172) 51-82-50, 51-46-12
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru

Подписной индекс 41253 по Объединенному каталогу «Пресса России»
Розничная цена:
270 руб. за 1 экз.

© ВИПЭ ФСИН России

Дата выхода в свет:
29.04.2020
Формат 60x90/8. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17.
Заказ № 7458. Тираж 1000 экз.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Караваева Ю. И. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонян Ю. М. – профессор кафедры уголовного права Московского государственного областного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор, профессор криминологии;

Поздняков В. М. – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Стоянов В. – проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), доктор психологических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Букалерова Л. А. – заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Голодов П. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного правоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е. П. – заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Ковтуненко Л. В. – доцент кафедры уголовно-исполнительного и уголовного права Воронежского института ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Козаев Н. Ш. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Малышев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Санташов А. Л. – професор кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Сочивко Д. В. – профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Хатуаева В. В. – заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент;

Шаталов А. С. – профессор департамента дисциплин публичного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по научным специальностям: 12.00.01; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.12; 12.00.14; 13.00.01; 19.00.06

PENITENTIARY SCIENCE

ISSN 2686-9764
Volume 14, № 1
2020

scientific and practical journal
of the Vologda institute of Law and Economics
of the Federal Penal Service

Published since 2007,
until August 2019
issued under the title
«Bulletin of the Institute:
crime, punishment,
correction»

It comes out four times a year

Founder:
VILE FPS of Russia
Journal is registered
in the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media

Certificate of registration
of mass media
PI No. FS77-76598
from 15.08.2019
ISSN 2686-9764

The journal is in the
following abstract and full-
text databases: Russian
Science Citation Index
(RSCI), Scientific Electronic
Library «CyberLeninka»

All rights reserved.
Reprint of materials only
with the permission of the
publisher. Copyrighted
materials are reviewed
and do not returned.
The editor reserves the right
to make reductions
and editorial changes
to the manuscript

Opinions and judgments
expressed in articles may
not coincide with the
point of view of the editor.
Responsibility for the
selection and presentation
of materials is on the
authors of publications

Editor address:
160002, Vologda,
ul. Shchetinina, 2

Publisher address:
160002, Vologda,
ul. Shchetinina, 2

Printing address:
160010, Vologda,
ul. Cubinskaya,
d. 16, apt. 74

Phones:
(8172) 51-82-50, 51-46-12
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru

Subscription index 41253
in the unified catalog
«Press of Russia»
Retail price:
270 rub for 1 copy

© VILE FPS of Russia

Release date: 29.04.2020
Format 60x90/8
Offset printing.
Conv. oven p. 17.
Order No. 7458.
Circulation 1000 copies

EDITOR-IN-CHIEF:
Kharkovsky E. L. – Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D.in Law, Associate Professor.

EXECUTIVE SECRETARY:
Karavaeva Yu. I. – Scientific Secretary of the Scientific Council of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Sociology.

EDITORIAL COUNCIL:
Antonyan Yu. M. – Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow State Regional University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;
Belyaeva L. I. – Professor of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dsc. in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;
Zautorova E. V. – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Professor;
Kruglikov L. L. – Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Yaroslavl State after P. G. Demidov University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of the International Higher Education Academy Of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences;
Mesko G. – Professor of the Department of Criminal Justice and Security ofv the University of Maribor (Slovenia), Doctor, Professor of Criminology;
Pozdnyakov V. M. – Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology of the Moscow State Psychological and Pedagogical University, Dsc. in Psychology, Professor;
Seliverstov V. I. – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow State M. V. Lomonosov University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;
Stoyanov V. – Deputy Rector for Academic Affairs of the Varna Free University «Chernorizets Hrabar» (Bulgaria), Dsc. in of Psychology;
Chukmaitov D. S. – Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of Zhetysu State I. Zhansugurov University (Republic of Kazakhstan), Doctor of Law, Professor;
Shabanov V. B. – Head of the Department of Criminology of the Law Faculty of the Belarusian State University, Dsc. in Law, Professor.

EDITORIAL TEAM:
Bukalerova L. A. – Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Peoples' Friendship University of Russia, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia (part-time work), Dsc. in Law, Professor;
Gavrilov B. Ya. – Head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Investigation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Full Member of the Peter Academy of Sciences and Arts;
Golodov P. V. – Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor;
Zubkova V. I. – Senior Researcher of the Laboratory for Social Studies and Comparative Law of the Moscow M. V. Lomonosov State University, Dsc. in Law, Professor;
Ishchenko E. P. – Head of the Department of Criminology of the Moscow State O.E. Kutafin Law University (Moscow State Law Academy), Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;
Kozayev N. Sh. – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dsc. in of Law, Associate Professor;
Kovtunenko L. V. – Associate Professor of the Department of Penal and Criminal Law of the Voronezh Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor;
Kozachenko I. Y. – Head of the Department of Criminal Law of the Ural State Law University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;
Kuzminykh A. L. – Professor of the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in History, Associate Professor;
Malyshev K. B. – Professor of the Department of Sociology of the Vologda State University, Dsc. in Psychology, Associate Professor;
Nagornykh R. V. – Professor of the Department of Administrative Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;
Panova O. B. – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor;
Panteleeva N. V. – Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Mogilev State A. A. Kuleshov University (Republic of Belarus), PhD in Law, Associate Professor;
Ponikarov V. A. – Professor of the Department of Administrative and Financial Law, of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. inLaw, Associate Professor;
Romashov R. A. – Professor of the Department of State Law Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;
Santashov A. L. – Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;
Sochivko D. V. – Professor of the Department of General Psychology of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Psychology, Professor;
Starostin S. A. – Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of the Moscow State Law O. E. Kutafin University (Moscow State Law Academy), Professor of the Department of Administrative Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor;
Hatuaeva V. V. – Head of the Department of Criminal Procedure of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Dsc. in Law, Associate Professor;
Shatalov A. S. – Professor of the Department of Public Law Disciplines of the National Research University "Higher School of Economics", Dsc. in Law, Professor.

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of PhD., for the degree of Dsc. should be published of the following scientific specialties: 12.00.01; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.12; 12.00.14; 13.00.01; 19.00.06

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ 5

ЗАЙНУТДИНОВ Д. Р.

Трансформация института прокуратуры в период Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны 1918–1922 гг. в России 5

ЛАПШИН В. Е., ШАХАНОВ В. В.

К осознанию необходимости философии отраслей права (размышления над некоторыми дискуссионными вопросами, поставленными в монографии С. А. Бочкарёва «Философия уголовного права: постановка вопроса») 12

КУЗЬМИН С. И., ЯКУШИНА Е. С.

Иерархическая структура в криминальном сообществе 18

СИЛКИН В. П.

О некоторых аспектах уголовной ответственности за насильственные действия сексуального характера в отношении лиц, не достигших двенадцатилетнего возраста 24

ТЕРЕЩЕНКО Т. Г., ЛЕГКИЙ А. О.

Криминологическая характеристика пенитенциарной преступности в Республике Беларусь 31

БАБАЯН С. Л., ГАРИБЯН К. К.

История развития института условно-досрочного освобождения в России 38

БЫКОВ А. В., СМИРНОВ А. М.

Криминальный самосуд в среде осужденных к лишению свободы: характеристика и меры профилактики 43

АНТОНОВ А. Г.

К вопросу об освобождении от уголовной ответственности при совершении преступлений против общественной безопасности 48

СЕЛИВЕРСТОВ В. И.

Социальная адаптация лиц, освобожденных из исправительных учреждений, в оценке общественного, правозащитного и профессионального мнения 54

РУМЯНЦЕВ Н. В.

Правовые и организационные основы противодействия религиозному экстремизму и террористической угрозе на современном этапе 65

БУКАЛЕРОВА Л. А., УТОРОВА Т. Н., СИЗОВ Д. О.

К вопросу о значении искусственного интеллекта в уголовном праве 70

СУХОНДЯЕВА Т. Ю., САНТАШОВ А. Л.

Проблемы унификации военно-уголовного и процессуального законодательства XIX – начала XX вв. . . . 75

ДЕРБИНА О. В., КАЛАЧЕВА А. В.

Об опыте организации зонального контроля за деятельностью подразделений дознания территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне 81

ДЕЧКИН О. М.

Данные о свойствах личности преступника, совершившего умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в условиях исправительного учреждения 86

ПОНИКАРОВ В. А.

Предмет и пределы доказывания по делам об административных правонарушениях в деятельности исправительных учреждений и следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы 93

ШАРКОВА Е. А.

Особенности законодательства Республики Беларусь, регулирующего правовое положение несовершеннолетних, отбывающих наказание. 98

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 104

МАЛЫШЕВ К. Б., МАЛЫШЕВА О. А., СОБОЛЕВ Н. Г.

Системно-базисное определение и измерение духовности личности курсанта ведомственного вуза 104

КОВАЛЕВ С. В., ЧИРКОВ А. М.

Идеи консерватизма в методологии юридической психологии и психотерапии осужденных 110

ВОРОБЬЕВ С. М., СКРИПКИНА Т. П.

Современные формы профилактики суицидального поведения осужденных в практике Общественного совета при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы 118

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ 125

КЕВЛЯ Ф. И.

Формирование здорового образа жизни у несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы 125

ЗАУТОРОВА Э. В.

Характеристика нравственно-эстетической воспитанности осужденных женщин 130

ВИЛКОВА А. В., ЛИТВИШКОВ В. М., ШВЫРЕВ Б. А.

Встроенное обучение как элемент непрерывного обучения информационной безопасности 135

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ 142

КРУГЛИКОВ Л. Л., САНТАШОВ А. Л.

Отзыв ведущей организации на диссертацию Э. В. Рыжова на тему «Уголовная ответственность за доведение до самоубийства», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» (научный руководитель – доктор юридических наук профессор Ю. В. Голик) 142

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ 146

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 147

CONTENT

JURISPRUDENCE 5

ZAINUTDINOV D. R.

Transformation of the institution of the prosecutor's office during the October Revolution of 1917 and the Civil War of 1918–1922 in Russia 5

LAPSHIN V. E., SHAKHANOV V. V.

To the realization of the need for the philosophy of the law branches (reflections on some debatable issues posed in the monograph by S. A. Bochkarev "Philosophy of criminal law: questioning") 12

KUZMIN S. I., YAKUSHINA E. S.

Hierarchical structure in the criminal community 18

SILKIN V. P.

On some aspects of criminal liability for sexual battery in relation to persons under the age of twelve 24

TERESHCHENKO T. G., LEGKY A. O.

Criminological characteristics of penal crime in the Republic of Belarus. 31

BABAYAN S. L., GARIBYAN K.K.

The history of the development of the parole institute in Russia . . 38

BYKOV A. V., SMIRNOV A. M.

Criminal lynching among convicts sentenced to imprisonment: characteristics and preventive measures. 43

ANTONOV A. G.

On the issue of relief from criminal liability for crimes against public safety 48

SELIVERSTOV V. I.

Social adaptation of persons released from correctional institutions in assessing public, human rights and professional opinion 54

RUMYANTSEV N. V.

Legal and organizational basis for counteraction religious extremism and the terrorist threat at the present stage 65

BUKALEROVA L. A., UTOROVA T. N., SIZOV D. O.

On the problem of artificial intelligence in criminal law 70

SUKHONDYAEVA T. YU., SANTASHOV A. L.

Problems of unification of the military-criminal and procedural legislation in the XIX – early XX centuries 75

DERBINA O. V., KALACHEVA A. V.

On the experience of organizing zonal control over the inquiry units of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation at the district level 81

DECHKIN O. M.

Data on the personality characteristics of convicts committed the grievous bodily injury in a correctional facility 86

PONIKAROV V. A.

The subject and scope of evidence in cases of administrative offenses in the activities of correctional institutions and pre-trial detention facilities of the penal system 93

SHARKOVA E. A.

Features of the legislation of the Republic of Belarus regulating the legal status of minors serving sentences 98

PSYCHOLOGY 104

MALYSHEV K. B., MALYSHEVA O. A., SOBOLEV N. G.

System-based definition and measurement of spirituality of personality of a cadet of a departmental university 104

KOVALEV S. V., CHIRKOV A. M.

The ideas of conservatism in the methodology of legal psychology and psychotherapy of convicts 110

VOROBYOV S. M., SKRIPKINA T. P.

Modern forms of prevention suicidal behavior of convicts in the practice of the Public Council at the Federal Penal Service on the problems of the penal system 118

PEDAGOGY 125

KEVLYA F. I.

The formation of a healthy lifestyle among juvenile prisoners in imprisonment 125

ZAUTOROVA E. V.

Characteristic of moral and aesthetic breeding of convicted women 130

VILKOVA A. V., LITVISHKOV V. M., SHVYREV B. A.

Integrated training as an element of extended learning of information security 135

SCIENTIFIC REVIEWS 142

KRUGLIKOV L. L., SANTASHOV A. L.

The response of the leading organization to the dissertation of E. V. Ryzhov on the topic «Criminal responsibility for bringing to suicide», submitted for the degree of PhD. in Law 12.00.08 «Criminal law and criminology; criminal executive law» (supervisor – Dsc. in Law, Professor Yu. V. Golik) 142

INFORMATION, ADVERTISMENTS 146

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 147

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.24411/2686-9764-2020-10023
УДК 343.163

Трансформация института прокуратуры в период Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны 1918–1922 гг. в России

Д. Р. ЗАЙНУТДИНОВ – доцент кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова, руководитель юридического отдела Института социальных и гуманитарных знаний, кандидат юридических наук, доцент

Реферат

В статье рассматривается проблема развития института прокуратуры и прокурорско-надзорного права в период Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны 1918–1922 гг. на территориях антибольшевистского правосоциалистического режима (деятельность комитета членов Всероссийского Учредительного собрания). Целью работы является исследование процесса трансформации института прокуратуры. В качестве основного частноправового метода был использован сравнительно-правовой метод, который позволил сопоставить воззрения правосоциалистических лидеров с позицией сторонников советской власти по вопросу о развитии института прокуратуры, а также метод юридической герменевтики, который позволил проанализировать юридические тексты (законодательство Российской империи, нормативно-правовые акты Советской России, Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания) как источники, отражающие конкретную идеологию. Новизна исследования заключается в том, что рассмотрен определенный период становления современного прокурорско-надзорного права, который ранее не затрагивался в теоретико-правовых изысканиях. В результате был сделан вывод, что прокурорский надзор выступает необходимым институтом обеспечения законности, ее восстановления в случае нарушения, а также пресечения попыток незаконного лишения свободы вне зависимости от социально-политического положения в стране (революционная обстановка, война). Развитие прокурорско-надзорного права должно гарантировать совершенствование существующих и возникновение новых механизмов защиты прав и свобод личности. Автором установлено, что в условиях глубоких общественных перемен 1917–1922 гг. институт прокуратуры не смог должным образом осуществить трансформацию от обвинительно-надзорного к надзорно-обвинительному типу.

Ключевые слова: прокуратура; прокурорский надзор; прокурорско-надзорное право; Временное правительство; Октябрьская революция 1917 г.; Гражданская война 1917–1922 гг.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Transformation of the institution of the prosecutor's office during the October Revolution of 1917 and the Civil War of 1918–1922 in Russia

D. R. ZAINUTDINOV – Associate Professor of the Department of State and Law Theory and Public Law Disciplines of the Kazan Innovation V. G. Timiryasov

University, Head of the Legal Department of the Institute of Social and Humanitarian Knowledge, PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

The article considers the problem of developing the institution of prosecutor's office and prosecutorial-supervisory law during the October Revolution of 1917 and the Civil War in 1918 in the territories of the anti-bolshevik right-wing socialist regime (the activities of a committee of members of the All-Russian Constituent Assembly). The aim of the work is to study the process of transformation of the prosecutor's institution. As the main private legal method the comparative legal method was used, which made it possible to compare the views of the right-wing socialist leaders with the legal position of supporters of the Soviet government on the development of the prosecutor's institution. Also in the work the method of legal hermeneutics was used, which allowed to interpret the meaning of legal texts (legislation of the Russian Empire, regulatory legal acts of Soviet Russia, the Committee of members of the All-Russian Constituent Assembly) and comprehend them as sources reflecting a specific ideology. The novelty of the study lies in the fact that a certain period of the formation of modern prosecutorial and supervisory law, which was not previously addressed in the theoretical and legal research, is considered. As a result of the study we came to the conclusion that prosecutor's supervision acts as a necessary institution for ensuring the rule of law, restores it in case of violation as well as suppresses attempts at unlawful deprivation of liberty regardless of the socio-political situation in the country (revolutionary situation, war). The development of prosecutorial and supervisory law should guarantee the continuous improvement of existing and the emergence of new mechanisms for protecting individual rights and freedoms. The author found that in the midst of deep social changes of the 1917-1922 the institution of the prosecutor's institute was not able to properly carry out the transformation from the accusatory-supervisory to the supervisory-accusatory type.

Key words: prosecutor's office; prosecutor supervision; prosecution law; Interim government; October Revolution of 1917; Civil War of 1917–1922.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of studies of law and state

Неоднозначность отношения к прокурорско-надзорному праву обусловлена историей развития данной отрасли права и ее зависимостью от исполнительной власти. Если обратиться к научной литературе по истории становления отечественного прокурорско-надзорного права, можно отметить исторический скачок из имперского периода (1917 г.) в советский (1922 г.). Практически отсутствуют исследования, изучающие институт прокуратуры в 1917–1920 гг., то есть в период Временного правительства и антибольшевистских государственных образований. Среди незначительного числа имеющихся исследований можно отметить работы А. Г. Короткова, Ю. С. Гусаковой, И. М. Ликстанова, Д. Р. Тимербулатова, С. П. Звягина [3; 5; 9; 12; 19]. В то же время трансформация органов прокуратуры и ее контрольно-надзорных функций в антибольшевистских государственных образованиях, существовавших в период Гражданской войны 1918–1922 гг., представляется весьма важным моментом для развития всей правовой модели. Именно в этот период под влиянием демократической динамики, заданной в 1917 г., наблюдалось изменение типа прокуратуры и преобразование прокурорско-надзорного права.

Безусловно, реформы Александра II явились важным событием в истории государства и права России. Однако на некоторых отраслях права реформы сказались двояко. В частности, проведенная Судебная реформа 1864 г. привела к изменению типа прокуратуры: с одной стороны, усилилась роль прокуроров в суде, с другой – из органа надзора она была трансформирована, по сути, в орган уголовного преследования. «При проведении реформы во многом изменились функции, положение и полномочия прокуратуры, изменилась ее модель, тип прокуратуры. Она стала обвинительно-надзорной» [17, с. 129]. С. В. Пономаренко также отмечает смену типа прокуратуры, указывая, что «из надзорной она превратилась в судебную» [16, с. 124], что также говорит об усилении ее роли в процессе отправления правосудия. Приход к власти Александра III лишь усугубил ситуацию в прокурорской деятельности. Таким образом, «прогрессивные теоретические положения Судебной реформы, касающиеся деятельности прокурорского надзора, очень серьезно отличались от результатов их практической реализации» [13, с. 62].

В период правления Николая II еще больше усилилась реакционная сущность проку-

рорского надзора, выраженная в уголовном преследовании. К 1917 г. «по мере усиления политической напряженности прокуроры стали наделяться контрольными полномочиями за должностными лицами судебного ведомства; прокуратура была переориентирована на борьбу с политической преступностью и нарастающим революционным движением» [3, с. 19]. Прокуратура трансформировалась в орган государственного обвинения, все дальше отдаляясь от своей главной функции – надзора за соблюдением законов, прав и свобод. Прокурорско-надзорное право стало пополняться нормами, регламентирующими порядок выявления, пресечения и привлечения к ответственности виновных в правонарушении лиц, в то время как нормы, направленные на предупреждение правонарушений и восстановление нарушенной законности, вообще не создавались. Более того, в Своде законов Российской империи нормы прокурорско-надзорного права не представляли четкой структуры, что принижало значение органов прокуратуры в целом. Закон о прокуратуре как об особом правоохранительном органе отсутствовал. Так, в 1913 г. обширное перечисление проблем прокуратуры и прокурорско-надзорного права дал В. К. Случевский [18, с. 196–310].

Октябрьская революция 1917 г. существующей правовой модели задала динамику демократического преобразования, которое затронуло все правовые отрасли и институты. Немалую роль в этом процессе сыграл А. Ф. Керенский, находившийся в должности министра юстиции и генерал-прокурора (с 15 марта по 5 мая 1917 г.). «За это время он, надо признать, провел титаническую работу по созданию новых органов власти и управления, преобразованию старых судебных установлений, обновлению административного, уголовного и гражданского процессуального и материального законодательства» [6, с. 259]. Однако наступивший 5 мая 1917 г. правительственный кризис привел к смене ряда министров, и А. Ф. Керенский получил должность военного и морского министра, а должность министра юстиции и генерал-прокурора занял П. Н. Переверзев. После этого, вплоть до октябрьского переворота 1917 г., происходит ряд замен генерал-прокуроров: И. Н. Ефремов, А. С. Зарудный, П. А. Александров, А. А. Демьянов, П. Н. Малянтович [6, с. 255–268].

Процесс демократических преобразований в правовой сфере не мог не коснуться прокуратуры. Так, хотя и медленно, но изменилась система органов прокуратуры, прокурорско-надзорное право дополнилось новыми нормами. Революционная динамика в сфере прокурорско-надзорного права, заданная в период Временного правительства, неизбежно двигала его в сторону большей демократизации и смягчения репрессивно-карательной сущности. Лучшим образом это направление отражает циркулярное распоряжение министра юстиции генерал-прокурора А. Ф. Керенского председателям и прокурорам судебных мест от 04.04.1917, в котором было указано: «Принятие против обвиняемого строжайшей меры обеспечения личности, т. е. взятие под стражу, требует особенно осмотрительного и вдумчивого отношения со стороны следственной власти. Личное задержание поражает обвиняемого в одном из самых главных его жизненных благ, а потому подобная мера может быть применима при крайней и неизбежной в том надобности, когда окажется, что принятие какой-либо иной, более мягкой меры представляется недопустимым с точки зрения интересов правосудия» [6, с. 275]. Последующие генерал-прокуроры также следовали тенденции демократизации прокурорско-надзорного права. В частности, Циркулярное распоряжение управляющего министерством юстиции А. А. Демьянова прокурорам судебных палат и окружных судов от 19.09.1917 предписывало следующее: «Взывая к гражданскому мужеству чинов прокурорского надзора и одушевляющему их деятельность сознанию долга перед родиной и законом, обращаюсь к прокурорам судебных палат и окружных судов с настоятельным требованием осуществлять всю полноту предоставленной им по закону власти в борьбе со всеми нарушениями закона и порядка, откуда бы таковые ни исходили, и при первых же попытках, направленных к колебанию установленного ныне порядка управления или правильного течения общественной и экономической жизни страны, а также во всех случаях посягательств на личную и имущественную неприкосновенность граждан – немедленно делать распоряжения о возбуждении против виновных уголовного преследования, с принятием против них установленных законом мер пресечения способов уклоняться от следствия и суда» [6, с. 278]. Со стороны либерально-демократической политики и общественности требовались колоссальные усилия, чтобы прокурорско-надзорное право избавилось от своей исключительно карательной направленности. В идейном

плане репрессивно-карательная сущность уже стала медленно, но неизбежно отходить на второй план, функция надзора за законодательством вновь становилась актуальной.

Таким образом, трансформация направленности прокуратуры и ее функций в период Российской империи и Временного правительства позволяет говорить о переходе данного института из надзорного типа (1722–1864) к обвинительно-надзорному (1864–1917) [14, с. 58]. Затянувшаяся Первая мировая война не позволила Временному правительству осуществить смену типа прокуратуры, в указанный период она продолжала быть с обвинительно-надзорным уклоном.

Может сформировать представление, что в 1917–1922 гг. прокурорского надзора в России не существовало. Однако это не так. Система органов прокуратуры и нормативно-правовая база прокурорско-надзорного права Временным правительством были сохранены и продолжали существовать в антибольшевистских государственных образованиях до 1922 г. При этом в России на протяжении революционного периода 1917 г. и на территории, где был установлен антибольшевистский режим в период Гражданской войны 1918–1922 гг., в результате роста революционно-демократических настроений репрессивно-карательный характер прокурорско-надзорного права несколько смягчился. Спад революционно-демократических настроений на территории «белых» государственных образований в 1920–1922 гг. вызвал деградацию органов прокуратуры, а в Советской России, наоборот, их возрождение. Поэтому временной отрезок 1917–1922 гг. для прокуратуры и прокурорско-надзорного права следует считать переходным, когда происходила смена типа данного института и пересмотр его нормативно-правовой базы. Прокуратура находилась в поиске собственного места в системе правоохранительных органов.

Гражданская война поставила перед правовой системой России выбор дальнейшего пути развития. В этот период формировались три правовые модели: советская (коммунистическая), правосоциалистическая, либерально-демократическая. Две последние модели являлись антибольшевистскими, где роль прокуратуры и прокурорско-надзорного права была различна и зависела от идеологического вектора. В частности, политическая направленность правосоциалистических антибольшевистских государственных образований в развитии прокурорско-надзорного права не продолжила той динамики, которая была задана еще Временным правительством в 1917 г. Социал-демократы вообще не занимались проблемами института прокуратуры, тем самым отрицали необходимость его существования в будущем социалистическом государстве. Представители социалистических партий (эсеров, меньшевиков, энесов, трудовиков) как в дореволюционный, так и в постреволюционный и эмигрантский периоды деятельность органов прокуратуры оценивали достаточно негативно. Например, это подтверждает исследование меньшевика П. Б. Аксельрода, посвященное революционной деятельности народовольцев в период правления Александра II [1, с. 13]. Нелестно отзывался о прокурорах и В. М. Чернов, указывая, что прокуратура преследовала исключительно карательные цели [20, с. 110, 155, 275]. Кроме того, анализируя «Дело Бейлиса» (судебный процесс по обвинению еврея Менделя Бейлиса в ритуальном убийстве 12-летнего ученика в марте 1911 г.), юрист, правовый эсер М. В. Вишняк указывал, что прокуратура только препятствовала осуществлению защиты подсудимого [2, с. 164].

Негативное отношение к прокуратуре у социалистов во многом было связано с тем, что в имперский период (1905–1917 гг.) прокуратура занималась реализацией своей главной функции – уголовным преследованием и обвинением. Уже в период Первой русской революции 1905–1907 гг. «прокуратура действовала в тесной связи с полицией и жандармерией, создав совместную систему оповещения (информирования) о совершенных и предупреждения о готовящихся преступлениях, в которой были широко задействованы представители низовой волостной и сельской власти, а также немедленной неотвратимой репрессии, направленной на пресечение деятельности революционных агитаторов, аграрных беспорядков и забастовок, что позволило достаточно быстро преодолеть массовые сельские беспорядки» [9, с. 176]. Негативное отношение к прокуратуре складывалось и по той причине, что сами социалисты выступали непосредственными жертвами прокурорского бездействия, то есть их пренебрежительного отношения к своей обязанности по надзору за законностью, к правам и свободам личности, находящейся в местах лишения свободы, ссылках, каторгах. Например, описывая свою первую ссылку в 1885 г., правый эсер Е. Е. Лазарев отмечает пас-

сивность прокуратуры в разбирательстве по своему делу [10, с. 246, 250]. Тем не менее были и иные оценки. В частности, энес А. В. Пешехонов, описывая деятельность прокурорских работников, отмечал их неоднозначное отношение к утвердившемуся порядку и происходящим событиям, указывая, что, с одной стороны, прокуратура действовала строго в рамках норм репрессивного законодательства, а с другой – относилась сочувственно к идущему на преступления из-за нужды народу [15, с. 48].

Начавшаяся гражданской война не изменила отношение социалистических групп к прокуратуре и прокурорско-надзорному праву. Если на территории Советской России органы прокуратуры, как и все имперское законодательство, посвященное прокурорско-надзорному праву, были сразу отменены, то в правосоциалистических антибольшевистских образованиях дело обстояло не так однозначно. Так, в соответствии с п. 3 Декрета № 1 от 24.11.1917 «О суде» в большевистской России упразднялись «доныне существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно и институты присяжной и частной адвокатуры». В 1917–1922 гг. у «советской власти еще не было такого органа, основную задачу которого составляло бы наблюдение за точным проведением этих указаний в жизнь (укрепление революционной законности. – *Д.З.*). Надзор за законностью выполняли Рабоче-крестьянская инспекция, суды, отделы юстиции исполкомов Советов. Но это не относилось к числу их главных функций» [7, с. 392]. Таким образом, в Советской России «был мучительный поиск форм, необходимых для осуществления указанных функций. Наряду с подготовкой УПК РСФСР 1922 г. развернулись многочисленные научные дискуссии… В УПК РСФСР 1922 г. впервые в советский период времени упоминается прокуратура как орган государства, осуществляющий уголовное преследование. 26 мая 1922 г. сессия ВЦИК приняла Положение о прокурорском надзоре. По Положению о НКЮ 1923 г. нарком являлся одновременно и Прокурором Республики, а прокуратура учреждена в составе НКЮ» [8, с. 29].

Параллельно формированию советской системы обвинения и надзора в 1918 г. определялась роль прокуратуры и в правосоциалистической правовой модели. Хотя репрессивно-карательная направленность прокуратуры в правосоциалистических образованиях была смягчена, но обвинительно-надзорный тип прокуратуры не был сменен на иной. Политики и правоведы предпочитали развивать судебную систему, нежели органы прокуратуры. Тем не менее на территориях, подконтрольных Комитету членов Всероссийского Учредительного собрания (далее – Комуч), Верховному управлению Северной области, Временному Сибирскому правительству, произошло восстановление органов прокуратуры. В частности, уже через месяц после установления в Самаре власти Комуча был учрежден военно-прокурорский надзор: военным прокурором был назначен товарищ прокурора Самарского окружного суда поручик П. А. Воробьев, помощниками прокурора – штабс-капитан А. И. Зотов, поручик Е. Ф. Качурин, прапорщик А. Д. Санько (Гос. арх. Самар. обл. Ф. Р402. Оп. 1. Д. 2. Л. 31–31об.). 16 июля 1918 г. приказом № 109 товарищ прокурора Пензенского окружного суда Б. Н. Невдачин был утвержден в должности помощника прокурора Самарского суда [4, с. 192]. 29 июля 1918 г. по инициативе общего собрания чинов судебного ведомства в Самаре была образована объединенная судебная комиссия из представителей магистратуры, прокуратуры, адвокатуры, нотариата, судебных следователей и мировых судей, которая сыграла важную роль в развитии системы правоохранительных органов Комуча. Прокуратуре вручались прежние функции, хотя несколько усиливалось и надзорное направление. Так, согласно ст. 33 Положения «Учреждение Министерства охраны государственного порядка» (29 августа – 4 сентября 1918 г.) по делам лиц, задержанных Штабом охраны, должно было испрашиваться беззамедлительное заключение прокурорского надзора, и в случае отсутствия достаточных причин к задержанию арестованный должен был быть освобожден не позднее трех суток со дня ареста. На первый план деятельности прокуратуры стал выходить надзор за законностью в рамках уголовно-следственных мероприятий в целях недопущения разгула военщины.

«Параллельно с гражданским судом происходил процесс становления военного суда. 9 июля 1918 г. Приказом 95 Комуч утвердил Военный суд Народной Армии в составе В. Н. Аристова (председатель), А. М. Алашеева и С. Н. Эдельмана (военные судьи), А. А. Хвастунова (следователь) и М. С. Сувалова (секретарь). На основании этого же приказа для осуществления контроля за деятельностью Военного суда

была сформирована Военная прокуратура во главе с поручиком П. А. Воробьевым» [11, с. 91]. В целом восстановление органов прокуратуры представлялось как вынужденная необходимость, как уступка представителям либерально-демократического лагеря, видевшим в системе прокуратуры один из институтов гарантии и защиты прав и свобод личности. Правоведов и идеологов правосоциалистического лагеря не интересовали какие-либо концепции о развитии прокурорско-надзорного права. Это стало главной причиной неизменности обвинительно-надзорного типа прокуратуры. Источниковая база также не претерпела существенного обновления.

Подобным нейтральным отношением к институту прокуратуры выделялся особенно Комуч, потому как социал-демократическая ориентация его правовой модели не признавала репрессивно-карательные органы имперского периода. В этом отношении проявлялась ее схожесть с формирующейся правовой моделью Советской России. Подчеркнем, что правосоциалистические круги, несмотря на борьбу с большевизмом, являлись частью единого социалистического лагеря, в связи с чем ликвидация карательных органов царского режима для них была делом чести. Поэтому нельзя исключить вероятность того, что в случае победы в Гражданской войне 1918–1922 гг. антибольшевистского правосоциалистического лагеря роль прокуроров в России была бы сведена к функции государственного обвинения, близкого к англо-американской модели прокуратуры. Также возможно и то, что правосоциалистические правоведы не предполагали наличие данного института в постбольшевистской России. В трудах правосоциалистических правоведов вообще сложно найти рассуждения на тему необходимости или совершенствования прокуратуры и, соответственно, концепции развития прокурорско-надзорного права.

Проблемы органов прокуратуры в период гражданской войны и в условиях существования правосоциалистических государственных образований (Комуча, Верховного управления Северной области) проявлялись достаточно четко. К имперской прокуратуре как органу уголовного преследования социалисты относились с недоверием. Тем не менее разгул преступности требовал укрепления, а не ослабления прокурорского надзора, что подтверждается различными сводками, поступавшими на имя Комуча от органов местной власти. Нередко органы прокуратуры сами просили о повышении своего правового статуса и наделении новыми правомочиями. Например, в представлении прокурора Уфимского окружного суда от 20.07.1918 № 633 сообщается о необходимости передачи в ведение прокуратуры окружного суда права назначения и увольнения от службы начальника, помощников начальника и надзирателей уголовно-розыскного отделения милиции (Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. Р1405. Оп. 1. Д. 6. Л. 1). Более того, в процессе формирования правосоциалистической правовой модели возникла проблема соотношения органов прокуратуры с судебной системой, и особенно с ее новым ответвлением – административной юстицией (Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. Р1405. Оп. 1. Д. 6. Л. 2–3). В период гражданской войны в массе уголовных дел резко увеличились дела о хищениях государственного имущества. Например, после расформирования ранее существовавших правосоциалистических режимов и образования Временного Всероссийского правительства стали выявляться факты хищения денежных средств и прочих ценностей (Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. Р180. Оп. 2. Д. 63. Л. 7).

Таким образом, можно сделать ряд выводов. 1917–1922 гг. для прокуратуры и прокурорско-надзорного права следует считать переходным этапом, когда происходила смена типа данного института и пересмотр его нормативно-правовой базы. Идеологическая направленность правосоциалистических антибольшевистских государственных образований, в отличие от «белых» режимов, в развитии прокурорско-надзорного права не продолжила той динамики, которая была задана Временным правительством в 1917 г. Это обстоятельство некоторым образом сближало правосоциалистические режимы с советской властью. Ни те, ни другие не видели особой необходимости в существовании органа репрессивной направленности. Тем не менее в 1922 г. данную позицию советская власть все же пересмотрела, признав необходимость существования и развития прокурорского надзора. В качестве общего вывода можно отметить, что в условиях глубоких общественных перемен 1917–1922 гг. институт прокуратуры не смог должным образом осуществить переход от обвинительно-надзорного к надзорно-обвинительному типу и стать институтом демократического правового государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аксельрод, П. Б.** Борьба социалистических и буржуазных тенденций в русском революционном движении / П. Б. Аксельрод. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Издательство М. М. Дружининой и А. Н. Максимовой, 1907. – 128 с.
2. **Вишняк, М. В.** Современные записки: воспоминания редактора / М. В. Вишняк. – Bloomington: Indiana University Press, 1957. – 333 с.
3. **Гусакова, Ю. С.** Организационно-правовые основы взаимодействия прокуратуры и органов расследования России в XVIII – начале XX вв.: историко-правовое исследование : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гусакова Юлия Сергеевна. – Курск, 2011. – 205 с.
4. Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (июнь–октябрь 1918 года) / Ответственный редактор Б. Ф. Додонов. – Москва : РОССПЭН, 2011. – 631 с. – ISBN 978-5-8243-1591-2.
5. **Звягин, С. П.** Правоохранительная политика А. В. Колчака / С. П. Звягин. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2001. – 352 с. – ISBN 5-202-00459-1.
6. **Звягинцев, А. Г.** Прокуратура России: от истоков до наших дней / А. Г. Звягинцев. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2014. – 728 с. – ISBN 978-5-373-00927-0.
7. История советского государства и права. В 3 книгах. Книга 2 / Ответственный редактор А. П. Косицын. Москва : Наука, 1968. – 622 с.
8. **Кириллова, Н. П.** Прокурорский надзор : учебник и практикум / Н. П. Кириллова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2018. – 330 с. – ISBN 978-5-534-07756-8.
9. **Коротков, А. Г.** Организационно-правовой опыт деятельности прокуратуры окружного суда в чрезвычайных условиях, 1904–1917 гг. : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Коротков Андрей Геннадьевич. – Казань, 2007. – 202 с.
10. **Лазарев, Е. Е.** Моя жизнь. Воспоминания, статьи, письма, материалы / Е. Е. Лазарев. – Прага : Легиография, 1935. – 312 с.
11. **Лапандин, В. А.** Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность (июнь 1918 – январь 1919 гг.). – Самара : СЦАИ, 2003. – 242 с. – ISBN 5-93760-001-0.
12. **Ликстанов, И. М.** Места заключения антибольшевистских правительств на территории Восточной Сибири в условиях Гражданской войны: 1918–1920 гг. : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Ликстанов Иван Михайлович. – Кемерово, 2015. – 236 с.
13. **Логачева, Н. В.** Деятельность прокурорского надзора в России во второй половине XIX в. / Н. В. Логачева // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 5. – С. 57–62.
14. **Никитин, Е. Л.** Концептуальный подход к определению функций и системы полномочий прокуратуры в России / Е. Л. Никитин // Вестник Академии Генеральной прокуратуры. – 2008. – № 6 (8). – С. 58–64.
15. **Пешехонов, А. В.** К вопросу об интеллигенции / А. В. Пешехонов. – Санкт-Петербург : Русское богатство, 1906. – 104 с.
16. **Пономаренко, С. В.** Основные этапы истории развития российской прокуратуры: исторический аспект : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Пономаренко Сергей Владимирович. – Москва, 2008. – 156 с.
17. **Рохлин, В. И.** Прокурорский надзор и государственный контроль: история, развитие, понятие, соотношение / В. И. Рохлин. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – 305 с. – ISBN 5-94201-151-6.
18. **Случевский, В. К.** Учебник русского уголовного процесса. В 2 частях. Часть 1. Судоустройство (редакция 1913 года) / В. К. Случевский ; под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. – Москва : Зерцало-М, 2014. – 398 с. – ISBN 978-5-94373-268-3.
19. **Тимербулатов, Д. Р.** Пенитенциарная система Западной Сибири при антибольшевистских правительствах: май 1918 – декабрь 1919 гг. : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Тимербулатов Дмитрий Радикович. – Кемерово, 2017. – 306 с.
20. **Чернов, В. М.** Перед бурей. Воспоминания / В. М. Чернов. – Нью-Йорк : Издательство имени Чехова, 1953. – 412 с.

REFERENCES

1. Aksel'rod P. B. *Bor'ba socialisticheskih i burzhuaznyh tendencij v russkom revolyucionnom dvizhenii* [The struggle of socialist and bourgeois tendencies in the Russian revolutinary movement]. St. Petersburg, 1907. 128 p. (In Russ.).
2. Vishnyak M. V. Sovremennye zapiski: vospominaniya redaktora [Modern Notes: Editor's Memories]. Bloomington, 1957. 333 p. (In Russ.).
3. Gusakova YU. S. *Organizacionno-pravovye osnovy vzaimodejstviya prokuratury i organov rassledovaniya Rossii v XVIII – nachale XX vv.: istoriko-pravovoe issledovanie. Diss. kand. yurid. nauk* [Organizational and legal foundations of the interaction of the prosecutor's office and the investigation authorities of Russia in the XVIII – early XX centuries: historical and legal research. Diss. PhD. in Law]. Kursk, 2011. 205 p. (In Russ.).
4. Dodonov B. F. (red.) *ZHurnaly zasedanij, prikazy i materialy Komiteta chlenov Vserossijskogo uchreditel'nogo sobraniya (iyun'–oktyabr' 1918 goda)* [Magazines of meetings, orders and materials of the Committee of members of the All-Russian Constituent Assembly (June – October 1918)]. Moscow, 2011. 631 p. (In Russ.).
5. Zvyagin S. P. *Pravoohranitel'naya politika A. V. Kolchaka* [Law enforcement policy of A. V. Kolchak]. Kemerovo, 2001. 352 p. (In Russ.).
6. Zvyagincev A. G. *Prokuratura Rossii: ot istokov do nashih dnej* [The prosecutor's office of Russia: from the beginnings to the present day]. Moscow, 2014. 728 p. (In Russ.).
7. Kosicyn A. P. (red.) *Istoriya sovetskogo gosudarstva i prava. V 3 knigah. Kniga 2* [History of the Soviet state and law. In 3 books. Book 2]. Moscow, 1968. 622 p. (In Russ.).
8. Kirillova N. P. *Prokurorskij nadzor* [Prosecutor supervision]. Moscow, 2018. 330 p. (In Russ.).
9. Korotkov A. G. *Organizacionno-pravovoj opyt deyatel'nosti prokuratury okruzhnogo suda v chrezvychajnyh usloviyah, 1904–1917 gg. Diss. kand. yurid. nauk* [The organizational and legal experience of the activities of the district court prosecutor's office in emergency conditions, 1904–1917. Diss. PhD. in Law]. Kazan, 2007. 202 p. (In Russ.).
10. Lazarev E. E. *Moya zhizn'. Vospominaniya, stat'i, pis'ma, materialy* [My life. Memories, articles, letters, materials]. Prague, 1935. 312 p. (In Russ.).

11. Lapandin V. A. *Komitet chlenov Uchreditel'nogo sobraniya: struktura vlasti i politicheskaya deyatel'nost' (iyun' 1918 – yanvar' 1919 gg.)* [Committee of Members of the Constituent Assembly: structure of power and political activity (June 1918 – January 1919)]. Samara, 2003. 242 p. (In Russ.).
12. Likstanov I. M. *Mesta zaklyucheniya antibol'shevistskih pravitel'stv na territorii Vostochnoj Sibiri v usloviyah Grazhdanskoj vojny: 1918–1920 gg. Diss. kand. ist. nauk* [Places of detention of anti-bolshevik governments in Eastern Siberia during the Civil War: 1918–1920. Diss. PhD. in History]. Kemerovo, 2015. 236 p. (In Russ.).
13. Logacheva N. V. Deyatel'nost' prokurorskogo nadzora v Rossii vo vtoroj polovine XIX v. [Activities of prosecutorial supervision in Russia in the second half of the 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Tomsk State University*, 2010, no. 5, pp. 57–62. (In Russ.).
14. Nikitin E. L. Konceptual'nyj podhod k opredeleniyu funkcij i sistemy polnomochij prokuratury v Rossii [A conceptual approach to determining the functions and powers of the prosecutor's office in Russia]. *Vestnik Akademii General'noj prokuratury – Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office*, 2008, no. 6 (8), pp. 58–64. (In Russ.).
15. Peshekhonov A. V. *K voprosu ob intelligencii* [To the question of the intelligentsia]. St. Petersburg, 1906. 104 p. (In Russ.).
16. Ponomarenko S. V. *Osnovnye etapy istorii razvitiya rossijskoj prokuratury: istoricheskij aspekt. Diss. kand. ist. nauk* [The main stages of the history of the development of the Russian prosecutor's office: historical aspect. Diss. PhD. in History]. Moscow, 2008. 156 p. (In Russ.).
17. Rohlin V. I. *Prokurorskij nadzor i gosudarstvennyj kontrol': istoriya, razvitie, ponyatie, sootnoshenie* [Prosecutorial supervision and state control: history, development, concept, ratio]. St. Petersburg, 2003. 305 p. (In Russ.).
18. Sluchevskij V. K. *Uchebnik russkogo ugolovnogo processa. V 2 chastyah. CHast' 1. Sudoustrojstvo* [Textbook of the Russian criminal process. In 2 parts. Part 1. Judicial system]. Moscow, 2014. 398 p. (In Russ.).
19. Timerbulatov D. R. *Penitenciarnaya sistema Zapadnoj Sibiri pri antibol'shevistskih pravitel'stvah: maj 1918 – dekabr' 1919 gg. Diss. kand. ist. nauk* [The penal system of Western Siberia under anti-bolshevik governments: May 1918 – December 1919. Diss. PhD. in History]. Kemerovo, 2017. 306 p. (In Russ.).
20. CHernov V. M. *Pered burej. Vospominaniya* [Before the storm. Memories]. New York, 1953. 412 p. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2020-10024
УДК 101.3:343.2/7

К осознанию необходимости философии отраслей права (размышления над некоторыми дискуссионными вопросами, поставленными в монографии С. А. Бочкарёва «Философия уголовного права: постановка вопроса»)

В. Е. ЛАПШИН – профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского юридического института ФСИН России, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент;

В. В. ШАХАНОВ – доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент кафедры публично-правовых дисциплин факультета права и управления Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук

Реферат

В статье акцентируется внимание на некоторых дискуссионных моментах, нашедших отражение в монографическом исследовании С. А. Бочкарёва «Философия уголовного права: постановка вопроса», опубликованном в издательстве «Норма» в 2019 г. Авторы проанализировали данную работу сквозь призму воспитательной, онтологической и прогностической функций философии отраслей права.

Обращается внимание на позитивную тенденцию формирования отраслей права. Высказывается опасение относительно возможности растягивания границы смыслов, разделяющей теорию юридических отраслей и их философию вследствие неправильного определения круга вопросов, которые составляют собственно философскую основу отрасли права. Поставлен вопрос о соотношении философии уголовного права и уголовно-правовой политики.

В положительном ключе рассматриваются следующие моменты: заострение автором внимания на необходимости пересечения границы уголовно-правового знания; узость подходов, использующих сугубо отраслевой набор приемов; исследование устойчивости фундаментальных ценностей права в период социальных потрясений (революций); несогласие с принижением роли правотворческой инициативы в уголовно-правовой сфере со стороны представителей законодательной ветви власти и доминированием реализованных инициатив президента и исполнительной власти; обстоятельный анализ института особого порядка с позиции ценностной нагрузки на уголовное судопроизводство; подробное освещение герменевтических проблем уголовного права и др.

Дискуссионными представляются тезисы о бытии уголовного права (то есть возможности расчленения бытия), исчерпании историей своего методологического потенциала, понимании как метанормы права, факте констатации проигрыша в борьбе с преступностью, уповании на системность как наиболее «убедительный и, вероятно, достоверный показатель, характеризующий состояние уголовного права в целом» и др.

В заключительной части статьи обращается внимание на вопросы, требующие своего осмысления, подчеркивается необходимость разработки философии уголовно-исполнительного права.

Ключевые слова: философия уголовного права; философия права; философия отраслей права; метатеория; уголовно-правовая политика; граница смыслов; философия уголовно-исполнительного права.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

To the realization of the need for the philosophy of the law branches (reflections on some debatable issues posed in the monograph by S. A. Bochkarev “Philosophy of criminal law: questioning”)

V. E. LAPSHIN – Professor of the Department of Personality Psychology and Special Pedagogy of the Vladimir State A. G. and N. G. Stoletov University, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activities of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogy, PhD. in Law, Associate Professor;

V. V. SHAKHANOV – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines of the Law and Management Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D. in Law

Abstract

The article focuses on some discussion points that are reflected in S. A. Bochkarev’s monographic study “Philosophy of criminal law: questioning,” published by Norma Publishing House in 2019. The authors analyzed this study through the prism of educational, ontological and prognostic functions of the philosophy of law branches.

Attention is drawn to the positive trend in the formation of branches of law. Concern is expressed about the possibility of stretching the boundary of meanings that separates the theory of legal branches and their philosophy due to the incorrect definition of the range of issues that make up the philosophical basis of the law branch. The question of the relationship between the philosophy of criminal law and criminal law policy is raised.

The following points are considered in the positive light: the author’s emphasis on the need to cross the border of criminal law knowledge; the narrowness of approaches using a purely industry-specific set of techniques; the study of the sustainability of the fundamental values of law in times of social upheaval (revolution); disagreement with the diminution of the role of law-making initiative in the criminal law sphere on the part of representatives of the legislative branch of government and the dominance of the implemented initiatives of the president and the executive branch; a thorough analysis of the special order institution from the position of the value load on criminal proceedings; detailed coverage of hermeneutic problems of criminal law, etc.

Controversial issues are thesis about the existence of criminal law (that is, the possibility of dismemberment of being), the exhaustion by the history of its methodological potential, understanding as a metanorm of law, the fact of ascertaining a loss in the fight against crime, the hope of consistency as the most "convincing and probably reliable indicator of the state criminal law in general» and others.

In the final part of the article attention is drawn to issues that need to be understood, and the need to develop a philosophy of penal law is emphasized.

Key words: philosophy of criminal law; philosophy of law; philosophy of law branches; metatheory; criminal law policy; boundary of meanings; philosophy of penal law.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of studies of law and state

Философия права переживает очень сложный период. Единого подхода к определению предмета данной дисциплины научное сообщество не выработало. В большей степени это обусловлено открытостью вопроса о соотношении теории права и философии права. В такой ситуации каждое новое произведение философско-правового жанра вызывает неподдельный интерес. Отдельного внимания заслуживает необходимость и возможность формирования философии отраслей права. Не приведет ли это к растягиванию границы смыслов, разделяющей теорию юридических отраслей и их философию? Здесь есть риск создания метатеории, не обладающей достаточным объяснительным потенциалом по отношению к «нижестоящей» теории. Снизить его возможно, только создав в рамках философии отраслей права специфические, весьма убедительные теоретические и методологические средства, направленные на понимание действующей правовой модели и перспектив ее совершенствования.

Изучить монографию Сергея Александровича Бочкарёва и написать статью в жанре рецензии мы решили после прочтения сходной публикации, авторство которой принадлежит доктору философских наук Сергею Георгиевичу Чукину, анонсировавшему высокий уровень философской культуры рассматриваемого произведения [6]. Забегая вперед, отметим, что наши ожидания оказались оправданы. Достаточно обстоятельно высказал свое мнение о рецензируемой монографии и доктор юридических наук Алексей Иванович Клименко [2]. Возникает закономерный вопрос: стоит ли множить сущее? Полагаем, что стоит. Уважаемые ученые в своих статьях в большей степени были сосредоточены на мировоззренческих и идеологических компонентах философии права, тогда как мы акцентируем внимание на ее воспитательной, онтологической и прогностической функциях.

Ранее мы ратовали за создание философии отраслей права, настаивая на необходимости преподавания философии уголовно-исполнительного права [3]. Становление отраслевого мировоззрения и комплексного юридического мышления невозможно без осмысления философского уровня знаний о праве. Философия отрасли права имеет не только научное значение. Она формирует внутреннюю убежденность в важности и социальной пользе соответствующей сферы деятельности. Это придает уверенность в правильности выбора соответствующей профессии, а иногда является сдерживающим фактором применительно к совершению противоправных поступков, что очень важно в условиях превалирования в общественном сознании культа материальных ценностей над нематериальными (воспитательная функция).

Во введении С. А. Бочкарёв очень глубокомысленно обратил внимание на необходимость «пересечения границы» уголовно-правового знания, а не поверхностного изменения угла зрения с «извлечением политического, экономического или иного дискурса» [1, с. 20]. Это, действительно, одна из ключевых проблем философско-правовых трактатов. Важна даже не степень рефлексии. Необходимо правильно очертить круг вопросов, которые составляют собственно философскую основу данной отрасли права, а не всего права, что, пожалуй, и определяет главную трудность философии отрасли права. В данном контексте весьма дискуссионно выглядит постановка вопроса о бытии уголовного права [1, с. 15]. Возможно ли расчленение бытия? Если нет, то что должна исследовать онтология философии уголовного права? Если исходить из того, что Аристотель разделил бытие на потенциальное и актуальное, использовав гносеологический потенциал парных категорий «возможность» и «действительность», то для углубления в «бытийную» проблематику применитель-

но к специфике философии отраслей права для полноты дискурса следует добавить еще парные философские категории «необходимость» и «случайность», которые имеют важное методологическое значение, поскольку, отражая объективный характер взаимосвязи правовых и социальных явлений, способствуют более глубокому пониманию природы и содержания закономерностей правовой действительности [5]. Онтологическая функция философии отрасли права должна иметь свой неповторимый колорит, не совпадать с аналогичной функцией философии права, хотя в формальном аспекте их функциональные матрицы могут быть идентичны.

В первой главе «Философия уголовного права: вехи истории и современность» автор не избрал для анализа философско-правовые проблемы становления отдельных правовых институтов, а осуществил обзор отдельных исторических эпох на предмет эволюционирования в основном институтов преступления и наказания. Это помешало ему успешно преодолеть предметное поле истории политических и правовых учений, хотя некоторые тезисы оказались весьма любопытны и действительно заостряют внимание на уголовно-правовых аспектах, казалось бы, уже избитых воззрений известных мыслителей. На фоне исторического экскурса (хотя бы и политико-правового окраса) вызывает некоторое замешательство высказанная автором в заключительной части монографии мысль о том, что история исчерпала себя, превратившись из источника знания в его стереотип, «т. е. в то, что уже не питает теорию и не понуждает ее к рефлексии, а лишь ее консервирует» [1, с. 388].

Автор совершенно прав, критикуя узость подхода, когда «сугубо отраслевой набор приемов» используется для объективации социального опыта специалистами-отраслевиками (в частности, криминалистами), что мешает адекватному восприятию проблем современного общества на разных уровнях его функционирования [1, с. 160].

Заслуживает одобрения предпринятая Сергеем Александровичем попытка отображения устойчивости фундаментальных ценностей права в период социальных потрясений (революций). Он обращает внимание на недостаточное теоретическое опосредование юридических процессов «сферы революции» [1, с. 161]). Считаем, что для освещения данной проблемы с философских позиций было бы логично использовать инструментальные возможности парадигмальной концепции развития науки Томаса Куна (справедливости ради следует отметить, что в исследовании других проблемных вопросов автор к ней прибегал [1, с. 132]).

В работе преобладает пессимистический настрой в отношении действующей модели уголовного законодательства. Во многих случаях это обоснованно. Вызывает негодование констатируемый «проигрыш в борьбе с преступностью» [1, с. 124]. Создается впечатление, что мы живем в разных правопорядках. Согласно давно известной истине все познается в сравнении. По отношению к ситуации с состоянием преступности в 90-х гг. прошлого столетия мы шагнули далеко вперед. Во многом именно на этом зиждется лимит доверия населения к действующей власти. Разгула криминала не наблюдается. Низовая коррупция укрощена. Диалог между населением и властью налажен. «Кровавые» преступления, будоражащие общественное мнение, носят единичный характер. Нет оснований для нагнетания обстановки. Россия стала одной из самых безопасных стран для проживания. Об этом очень часто заявляет Президент Российской Федерации, и мы солидарны с его позицией. Да, есть проблемы с преступлениями определенной направленности, об этом и надо говорить.

Кризисное состояние отечественного уголовного права, описываемое автором рецензируемой монографии [1, с. 122], очевидно, есть его перманентный статус, как и аналогичное состояние любой другой отрасли права. А в какие периоды времени ситуация кардинально отличалась от существующей? Возможно, лишь в условиях тоталитаризма, но не де-факто, а лишь на страницах научной литературы, потому что говорить о кризисе в науке в такие периоды времени недопустимо.

Упование на отсутствие системности уже можно признать своеобразной мантрой применительно к большинству юридических трактатов. Рассматривать системность как наиболее «убедительный и, вероятно, достоверный показатель, характеризующий состояние уголовного права в целом» [1, с. 126] равноценно капитуляции. Идеальных систем в сферах, опосредуемых социальными нормами, не существует. Как далекий идеал, к которому нужно стремиться, системность, безусловно, имеет право на существование, но использовать ее как достоверный показатель состояния качества отрасли права – заблуждение.

Некоторые вопросы, затронутые автором, весьма перспективны с точки зрения философско-правового опосредования (например, писхофизиологические процессы в современном человеке во взаимосвязи с субъективной стороной преступления [1, с. 128]), но не раскрыты, очевидно, по причине из постановочного характера монографического исследования. Хотя в нашем понимании этот жанр предполагает не постановку вопроса, а попытку его разрешения. Постановочный характер может носить отдельный параграф или даже целая глава монографии. Вопросы, перспективные для изучения, обычно обозначают в заключении, если они выходят за рамки предмета исследования. Автор, конечно же, обосновал, почему речь идет именно о постановке вопроса, опираясь на названия трудов великих мыслителей, но в условиях современного научного контекста подобное подражательство неуместно.

Весьма конструктивно с точки зрения ценностной нагрузки уголовного судопроизводства С. А. Бочкарёв анализирует институт особого порядка, обращая внимание на то, что «подобное упрощение не может не означать того, что суд больше не “идет”, а его справедливость более не торжествует в подлинном смысле этого слова» [1, с. 221].

Достаточно жестко, но справедливо, опираясь на анализ официальных данных, автор указывает на принижение роли правотворческой инициативы в уголовно-правовой сфере со стороны представителей законодательной ветви власти и доминирование реализованных инициатив президента и исполнительной власти [1, с. 222]. Дискурс по вопросам уголовно-правовой политики выдержан, насколько это возможно, в философско-правовом стиле. Его сущность очень точно подметил С. Г. Чукин: «Главной чертой, отличающей философско-правовой дискурс от любого другого, является то, что право в нем изначально рассматривается не как нормативная система, но как атрибут человеческого бытия. В самом общем смысле право – это притязания человека на что-то на основании того, что он – человек. Иными словами, права имплантированы в человеческую сущность, и ошибочно рассматривать их как нечто внешнее по отношению к ней, как то, что даруется какой-либо внешней инстанцией, неважно – Бог это или государство» [6, с. 45].

Значительная часть работы посвящена вопросам уголовно-правовой политики, хотя автор во введении высказывается скептически относительно философских возможностей уголовно-политического жанра [1, с. 18]. В таком случае закономерно возникает вопрос о соотношении философии уголовного права и уголовно-правовой политики. Актуальность его для исследователя подтверждается попытками рассмотрения правовой политики как самостоятельной учебной дисциплины [6]. Полагаем, что философско-правовой дискурс вполне возможен на уголовно-политическом фоне. К тому же прогностическая рефлексия всегда рассматривалась как неотъемлемый элемент философии права, а без политического дискурса она будет существенно ограничена в своих возможностях. Главное при этом – не забывать об обозначенной выше основной черте философско-правового дискурса (в интерпретации С. Г. Чукина).

Неподдельный интерес вызывает освещение в рамках отдельного параграфа герменевтических проблем уголовного права [1, с. 311–360]. Здесь автор обращает внимание на эвристический потенциал категории «понимание», которая, по его мнению, «еще не получила должной оценки» в науке уголовного права [1, с. 316]. С. А. Бочкарёв анализирует вехи истории становления герменевтики, ее психологизацию и онтологизацию, делая в заключительной части параграфа весьма неожиданный и недостаточно обоснованный вывод о том, что «уголовное право необходимо герменевтике в качестве средства принуждения к пониманию» [1, с. 360]. Полагаем, что понимание через принуждение невозможно. Понять можно только через осознание, а оно может прийти лишь под воздействием преимущественно внутренних факторов, хотя и при управляющем воздействии извне. Это воздействие не должно иметь ничего общего с принуждением и иными формами насилия над личностью.

Считаем весьма дискуссионным позиционирование понимания как метанормы права и его отраслей [1, с. 355]. Ранее один из соавторов данной статьи обращал внимание на то, что конструирование терминов с приставкой «мета» носит хаотичный характер и нуждается в научном опосредовании [7, с. 31]. Применительно к исследованию вопросов, освещаемых в рецензируемой монографии, логичнее говорить не о метанорме, а о метацели. Важно не путать телеологические моменты (о которых фактически рассуждает автор) с теоретическими и методологическими.

К числу вопросов, которые могли бы быть раскрыты в книге с философско-правовых

позиций, следует отнести синергетическую модель функционирования и развития уголовно-правовой отрасли права, определения ее энтропийного оптимума. Из всего многообразия синергетических терминов в параграфе «Синергетика уголовного права» [1, с. 360–372] Сергей Александрович рассматривает лишь хаос, что, возможно, не позволило ему сделать некоторые еще весьма полезные для науки уголовного права выводы.

Говоря о «вехах истории и современности» [1, с. 23–113] с философско-правовых позиций, автору целесообразно было бы затронуть вопрос о стиле уголовно-правового мышления применительно к каждой из анализируемых эпох, ведь в этом состоит их основное различие.

Мы согласны с пожеланиями С. Г. Чукина и А. И. Клименко в отношении дальнейшего освещения вопросов, поднятых в рецензируемой работе, и указанными ими положительными моментами.

Подводя итог, отметим, что монография в целом оставляет благоприятные впечатления и вселяет надежду на продолжение поступательного движения в направлении формирования философии отраслей права. Специалистам в области уголовно-исполнительного права мы рекомендуем внимательно ознакомиться с данной работой, учитывая близость многих правовых институтов уголовного и уголовно-исполнительного права, а также преследуя цель осознания необходимости разработки философии уголовно-исполнительного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бочкарёв, С. А.** Философия уголовного права: постановка вопроса : монография / С. А. Бочкарёв. – Москва : Норма, 2019. – 424 с. – ISBN 978-5-91768-984-5.
2. **Клименко, А. И.** Философия права и философия преступления и наказания (рецензия на монографию Бочкарёва С. А. «Философия уголовного права: постановка вопроса». М.: Норма, 2019) / А. И. Клименко // Российский журнал правовых исследований. – 2018. – № 4 (17). – С. 192–197.
3. **Лапшин, В. Е.** Философия уголовно-исполнительного права как метафеноменальная основа уголовно-исполнительной системы / В. Е. Лапшин, В. В. Шаханов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2019. – № 1. – Ч. 1. – С. 9–14.
4. Российская правовая политика : курс лекций / С. Ф. Афанасьев, В. П. Беляев, Е. В. Вавилин, А. И. Демидов и др. ; под редакцией А. В. Малько, Н. И. Матузова. – Москва : Норма, 2003. – 528 с. – ISBN 5-89123-723-7.
5. **Свинин, Е. В.** Необходимость и случайность как выражение закономерностей правовой действительности : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Свинин Евгений Валерьевич. – Владимир, 2006. – 176 с.
6. **Чукин, С. Г.** Уголовное право между преступлением и наказанием. Размышления над книгой С. А. Бочкарёва «Философия уголовного права: постановка вопроса» / С. Г. Чукин // Государство и право. – 2019. – № 10. – С. 43–48.
7. **Шаханов, В. В.** Метафеномены в праве: предназначение, критерии выделения, риски использования / В. В. Шаханов // Журнал российского права. – 2019. – № 12. – С. 30–37.

REFERENCES

1. Bochkaryov S. A. *Filosofiya ugolovnogo prava: postanovka voprosa* [Philosophy of Criminal Law: Questioning]. Moscow, 2019. 424 p. (In Russ.).
2. Klimenko A. I. Filosofiya prava i filosofiya prestupleniya i nakazaniya (recenziya na monografiyu Bochkaryova S. A. «Filosofiya ugolovnogo prava: postanovka voprosa». M.: Norma, 2019) [The philosophy of law and the philosophy of crime and punishment (review of the monograph by Bochkarev S. A. “The philosophy of criminal law: Questioning.” M.: Norma, 2019)]. *Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij – Russian Journal of Legal Studies*, 2018, no. 4 (17), pp. 192–197. (In Russ.).
3. Lapshin V. E., SHahanov V. V. Filosofiya ugolovno-ispolnitel’nogo prava kak metafenomenal’naya osnova ugolovno-ispolnitel’noj sistemy [The philosophy of penal law as a metaphenomenal basis of the penal system]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, 2019, no. 1, part 1, pp. 9–14. (In Russ.).
4. Mal’ko A. V., Matuzov N. I. (red.) *Rossijskaya pravovaya politika* [Russian legal policy]. Moscow, 2003. 528 p. (In Russ.).
5. Svinin E. V. *Neobhodimost’ i sluchajnost’ kak vyrazhenie zakonomernostej pravovoj dejstvitel’nosti. Diss. kand. yurid. nauk* [Necessity and chance as an expression of the laws of legal reality. Diss. PhD. in Law]. Vladimir, 2006. 176 p. (In Russ.).
6. CHukin S. G. Ugolovnoe pravo mezhdu prestupleniem i nakazaniem. Razmyshleniya nad knigoj S. A. Bochkaryova «Filosofiya ugolovnogo prava: postanovka voprosa» [Criminal law between crime and punishment. Reflections on the book of S. A. Bochkarev “Philosophy of criminal law: Questioning”]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*, 2019, no. 10, pp. 43–48. (In Russ.).
7. SHahanov V. V. Metafenomeny v prave: prednaznachenie, kriterii vydeleniya, riski ispol’zovaniya [Metaphenomena in law: purpose, allocation criteria, risks of use]. *ZHurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law*, 2019, no. 12, pp. 30–37. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2020-10025
УДК 343.815+94(47)

Иерархическая структура в криминальном сообществе

С. И. КУЗЬМИН – профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Е. С. ЯКУШИНА – заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского Университета МВД России им. В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук

Реферат

В статье рассматриваются вопросы развития иерархической структуры криминального сообщества. Начало стратификации заключенных связано с развитием тюремной системы дореволюционной России. Преступники, изолированные от правопослушных граждан, еще со времен создания тюремной системы в России составляли сообщество, которое являлось хорошо организованным и сплоченным союзом «воровских людей». Будучи зеркальным отражением общества, тюремная община была неоднородной и, соответственно, расслаивалась на господствующий класс, эксплуатируемый класс и отверженных. С изменением общественного строя и карательной политики государства видоизменялась система стратификации в криминальном сообществе. Так, к началу XX в., когда произошло резкое увеличение числа заключенных, тюремная община утрачивает свое значение и на смену ей приходит тюремное сообщество. На первоначальном этапе функционирования лагерей осужденные содержались без охраны под надзором администрации. Труд был обязательным для всех категорий правонарушителей, отбывавших наказания. Изменение условий содержания в лагерях повлекло за собой расслоение лагерников на категории. Соответственно, претерпела изменение существовавшая до того официальная система стратификации контингента. В современных условиях стратификация имеет в разных исправительных учреждениях свои особенности, которые раскрываются в настоящей статье, где также дается характеристика отдельных категорий осужденных.

Ключевые слова: стратификация; заключенный; закон; криминальный мир; криминальная субкультура.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Hierarchical structure in the criminal community

S. I. KUZMIN – Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor;

E. S. YAKUSHINA – Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, PhD. in Law

Abstract

The article discusses the development of the hierarchical structure of the criminal community. The beginning of the stratification of prisoners is associated with the development of the prison system of pre-revolutionary Russia. Criminals isolated from law-abiding citizens since the creation of the prison system in Russia made up a community that was a well-organized and close-knit community of «thieves». Being a mirror image of society the prison commune was heterogeneous and, accordingly, was stratified into a ruling class, into an exploited class and outcasts. With a change in the social system

and the punitive policy of the state the system of stratification in the criminal community was modified too. So, by the beginning of the twentieth century, when there was a sharp increase in the number of prisoners, the prison commune was losing its significance and the prison community was replacing it. At the initial stage of the functioning of the camps, convicts were kept without protection under the supervision of the administration. Labor was mandatory for all categories of offenders serving their sentences. Changing the conditions of detention in the camps entailed the stratification of the camps into categories. Accordingly the previously existing formal system of stratification of the contingent has undergone a change. In modern conditions stratification has its own characteristics in different correctional institutions. The article reveals these features as well as characterizes certain categories of convicts.

Key words: stratification; a convicted; law; the criminal world; criminal subculture.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

В криминальном мире существует четко выраженная иерархическая структура. По утверждению Ю. М. Антоняна, она повторяет стратификацию в обществе, деля население государства на сословия [3, с. 324–331].

Общеизвестно, что исправительное учреждение (колония, тюрьма) выступает в качестве инструмента реализации карательной политики государства. Преступники, изолированные от правопослушных граждан, со времен создания тюремной системы в России составляли арестантскую общину, которая, по мнению начальника Главного тюремного управления, представляла собой хорошо организованный и сплоченный союз «воровских людей». Община имела независимое от тюремного начальства внутреннее самоуправление, которое состояло из избранных из среды арестантов лиц – старост, кашеваров, банщиков, истопников и т. п. Отношения с тюремной общиной администрация тюрем строила на договорных началах. Руководители тюрем были заинтересованы в том, чтобы никто из преступников не совершил побег, не было бунтов среди арестантов, и община брала на себя это обязательство. Администрация со своей стороны гарантировала невмешательство в дела общины, в которой процветало пьянство, карточные игры, общение с внешним миром через торговые отношения [5].

Тюрьмы, как известно, являлись местом отбывания наказания не только профессиональных преступников, но и людей случайных, совершивших незначительные преступления в силу различных жизненных обстоятельств [6]. Будучи зеркальным отражением общества, тюремная община была неоднородной и, соответственно, расслаивалась на господствующий класс, эксплуатируемый класс и отверженных. Изучив тюремный быт и права заключенных, А. И. Свирский, используя терминологию преступников, приводит классификацию (стратификацию), присущую тюремной общине. Заключенных, не относящихся к профессиональным преступникам и осужденных за нетяжкие преступления, он называет «брусами», подразделяя их на «брусов легавых», то есть заключенных, которые после освобождения больше преступлений не совершают, и «брусов шпановых», которые, отбывая наказание за незначительное преступление, попадают под влияние преступников-профессионалов. Однако в тюремной общине «брусы» – это те заключенные, над которыми издевались стоявшие на более высокой иерархической ступени.

Тон в тюрьме задавали «фартовики», разделенные на три категории, вместе составлявшие основу тюремного мира: «жиганы» – картежники и бродяги, «шпана» – воры, «счастливцы» – мошенники и шулеры. Дальше эти категории подразделялись на виды в зависимости от криминальной специализации. Жиганы делились на три вида, «шпана» – на восемь, «счастливцы» – на шесть [8].

«Фартовые ребята» стремились утвердиться в тюремной общине в качестве привилегированной касты, власть которой распространялась на всех остальных заключенных. Основываясь на изучении характера взаимоотношений и иерархии в тюремной общине, А. И. Свирский писал, что только тот арестант может пользоваться известным почетом и уважением среди заключенных, который ознаменовал свою порочную деятельность какими-нибудь важными преступлениями, который находится в дружеских отношениях со знаменитостями тюремного мира, азартно и рискованно играет в карты, или тот, наконец, который обладает необыкновенной физической силой. Последнее качество – самое важное для арестанта: перед грубой силой бледнеют все прочие добродетели.

К началу XX в., когда происходит резкое увеличение числа заключенных, тюремная

община утрачивает свое значение и на смену ей приходит тюремное сообщество. Претерпевает изменение и существовавшая ранее стратификация. Руководящая роль в местах лишения свободы стала принадлежать «иванам» – авторитетам уголовной среды, неоднократно судимым, главным носителям тюремной субкультуры. «Иван» – высший неформальный статус для осужденного, который можно было заслужить только образом жизни и поведением, иногда их еще называли «сидельцами» или «паханами». Главные их достоинства – неоднократная судимость и непререкаемый авторитет, они повидали лишения, опытны и надежны [4].

В криминальном мире советского периода считалось, что страсть к накопительству закладывает в душу вора подлость, делает его самого объектом воровства. Поэтому, совершив солидную кражу, вор сорил деньгами.

Рассматривая проблему стратификации заключенных, В. М. Анисимков пишет: «Вторую ступень занимали “храпы”. “Храпеть” на уголовном жаргоне – проявлять недовольство. Ее представители, образно выражаясь, “храпели” буквально на все. Они возмущались всем, все признавали неправильным, незаконным, несправедливым, получали удовольствие от любого ими затеянного конфликта, уходя при этом в тень. Они стремились стать “иванами”, но в силу различных обстоятельств не могли достичь верхней ступени, так как не обладали достаточным субкультурным опытом и личными качествами, необходимыми для занятия привилегированного положения в среде заключенных» [1, с. 88].

Нами это суждение не разделяется, так как ни в официальных ведомственных документах, ни в научной литературе, ни в издаваемых в 1920-е гг. исправительными домами газетах и журналах о такой категории осужденных не упоминается. Наша попытка отыскать этот термин и его значение в специальных словарях, изданных в разное время, успехом не увенчалась. Отсюда правомерно сделать вывод о том, что вторую ступень стратификации занимали так называемые «жиганы». В эту категорию входили лица, допустившие нарушения тюремных традиций и обычаев.

На последней ступени арестантской иерархии находилась «шпанка», к которой относились осужденные, опустившиеся в силу тех или иных обстоятельств.

Эта стратификация действовала в 1920-х гг. в условиях содержания заключенных в тюрьмах, переименованных в исправительно-трудовые дома. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. стала формироваться система исправительно-трудовых лагерей с резко изменившимися условиями отбывания наказания. В апреле 1930 г. постановлением СНК СССР было утверждено «Положение об исправительно-трудовых лагерях», которое преследовало цель по охране общества от особо социально опасных преступников. Лагеря предназначались для содержания лиц, осужденных судом или «особым постановлением ОГПУ» на срок от трех до десяти лет. Положением предусматривалась классификация заключенных по трем категориям в зависимости от их социального положения и характера совершенного преступления. К первой категории относились заключенные из числа трудящихся, пользовавшиеся до осуждения избирательными правами, впервые осужденные на сроки не свыше пяти лет и не за контрреволюционные преступления. Во вторую категорию входили осужденные на сроки свыше пяти лет. К третьей категории относились судимые за контрреволюционные преступления и нетрудовые элементы.

В соответствии с Положением об исправительно-трудовых лагерях в отношении заключенных устанавливались три вида режима: первоначальный, облегченный и льготный.

Первоначальный режим распространялся на всех заключенных в течение следующих сроков: к заключенным первой категории – не менее полугода, второй – не менее года и третий – не менее двух лет. Они использовались на общих работах, проживали в пределах лагеря в специальных помещениях, не имели свободного выхода из этих помещений, на работу направлялись по общему списку.

На облегченном режиме заключенных использовали на постоянной работе в учреждениях, на предприятиях, промыслах; проживали они в общежитиях, прикрепленных к предприятиям; им предоставлялось право отлучек; на работу направлялись по рабочим книжкам. При условии хорошей работы они могли быть премированы.

На льготном режиме заключенные пользовались всеми правами облегченного режима. Кроме того, они могли выходить за пределы лагеря, занимать административно-хозяйственные должности и выполнять работы.

Рассмотренные виды режима не использовались на практике в силу двух об-

стоятельств. Во-первых, Северный лагерь особого назначения формировался за счет Соловецкого лагеря, где в качестве управленческой структуры, объединяющей заключенных, выступали взводы и роты, возглавляемые ротными старостами. Во-вторых, производственно-хозяйственная деятельность лагерей требовала оперативного распоряжения трудовыми ресурсами, а этому как раз и мешали закрепленные в Положении об исправительно-трудовых лагерях три вида режима [6].

На первоначальном этапе функционирования лагерей осужденные содержались без охраны под надзором администрации. Труд был обязательным для всех категорий правонарушителей, отбывавших наказания. Изменение условий содержания в лагерях повлекло за собой расслоение лагерников на категории. Соответственно, претерпела изменение существовавшая до того официальная система стратификации контингента.

В исправительно-трудовых лагерях на высшей ступени иерархической лестницы находились «воры» («паханы») – абсолютные авторитеты, власть которых распространялась на всех заключенных. Эту власть им давал появившийся вместе с лагерной системой неписаный «воровской закон». Изучавший обычаи преступной среды Д. С. Лихачев отмечал: «Поведение вора в своей среде ограждено и ограничено бесчисленным количеством правил, норм, своеобразных понятий о “приличии”, “хорошем тоне”, сложной иерархией подчинения друг другу. Каждое из нарушений этих норм поведения карается воровским судом с оригинальным судопроизводством, с немедленным приведением в исполнение всегда жестокого наказания. Власть воровской среды над отдельным индивидуумом исключительно велика. За внешней распущенностью их поведения скрываются жесткие, тесные, предусматривающие все, вплоть до мелочей, правила поведения, а в конечном счете общие, “коллективные представления”, которые делают поразительно похожими воров различных национальностей» [7].

Условия содержания осужденных в исправительно-трудовых лагерях были таковы, что позволяли воровской элите не только собирать сходки в масштабе лагеря, но и проводить «съезды», на которых присутствовали «делегаты» от всех лагерей. Это было возможно вследствие того, что осужденных разрешалось посылать в командировки по территории всей страны. Поскольку административный аппарат лагерей во многом был укомплектован заключенными, для воров не было проблемой выехать в командировку. На таких «форумах» совершенствовались старые и формировались новые нормы, которыми должны были руководствоваться «истинные арестанты», а также поддерживавшие их осужденные. Выработанные на таких сходках основные нормы поведения сводились к следующему: запрещалось жить за счет собратьев, лгать своим товарищам, заниматься общественно полезным трудом, состоять в каких-либо общественных организациях, служить в армии, иметь семью и вести оседлый образ жизни, враждовать на почве национальных различий, признавать законы государства, стремиться к досрочному освобождению, вмешиваться в политическую жизнь страны, заниматься спекуляцией и коммерческой деятельностью, предъявлять претензии к ворам без решения сходки, проводить «правилки» (суды чести) в нетрезвом состоянии, брать в руки оружие, не выполнять принимаемые на сходках решения, иметь какие-либо контакты с органами правопорядка, совершать хулиганские действия.

Воровское общество обязывало своих членов следить за порядком в исправительно-трудовых лагерях, устанавливать там полную власть воров. В противном случае они должны были отвечать за положение дел перед сходкой воровских авторитетов.

В 1920-х гг. существовавшая в стране безработица и содержание осужденных в закрытых исправительных учреждениях – домах заключения (тюрьмах) – не позволяли занять лиц, отбывавших наказание, производительным трудом. Благодаря процессу индустриализации удалось ликвидировать безработицу. Вывод осужденных из закрытых исправительно-трудовых учреждений в лагеря с полусвободным режимом создал объективные условия для вовлечения всех осужденных в трудовые процессы, что привело к тому, что основная масса осужденных была занята производительным трудом и все они стали называться «мужиками». Эта категория заключенных до осуждения имела семью, многие служили в армии, их преступная деятельность не содержала ничего общего с воровской средой.

В лагерях большинство административно-хозяйственных и инженерно-технических должностей занимали осужденные. Поскольку труд был обязателен для всех, то «воры» не могли не приблизить «мужиков» к себе. Они хорошо понимали, что за счет

«мужиков» можно не работать и пользоваться всеми лагерными благами (премиальное вознаграждение, разного рода поощрения и т. п.). В своем большинстве «мужики» услуживали «ворам», работали за них, подражали им в поведении, вносили деньги в общак и др.

В современных условиях стратификация в разных исправительных учреждениях имеет свои особенности. В мужских исправительных учреждениях реальная (теневая) власть принадлежит «блатным». Зоны, где хозяевами являются «блаткомитеты», называются «черными». Администрация как бы делегирует свои полномочия «блаткомитетам». Внешне такие учреждения производят благополучное впечатление: поддерживается распорядок дня, отсутствуют грубые нарушения режима и т. д. Зоны же, где реальная власть принадлежит администрации, называются «красными».

В исправительном учреждении представитель элиты криминального мира – это вор в законе, или смотрящий. Он обязан соблюдать тюремный закон, не должен иметь в своей биографии «темных» пятен, обязан вести себя по понятиям. На таких обычно возлагается обязанность осуществлять общий контроль за осужденными, разрешать возникающие конфликты, следить за тем, чтобы не притеснялись те, которых представители элиты взяли под свою защиту [2, с. 72–81].

Верхняя ступень в иерархической лестнице криминального сообщества принадлежит блатным – профессиональным преступникам. Блатной на зоне не должен работать. Из их числа, при отсутствии вора в законе, криминальными группировками, крышующими конкретное исправительное учреждение, назначаются «положенцы», призванные контролировать зону, решать возникающие конфликты, собирать средства в общак и др. Они обязаны следить за тем, чтобы в зону постоянно и своевременно попадал «грев» – чай, сигареты, спиртное, наркотики, деньги, продукты питания и др. Большая часть из этого предназначена для элиты, кое-что перепадает в ШИЗО и ПКТ, уходящим на этап.

Блатные не представляют собой однородную массу и подразделяются на две подгруппы: одни составляют окружение вора или смотрящего, другие ведут относительно независимый образ жизни, поскольку обладают большими денежными ресурсами, позволяющими им иметь мощную охрану и поддержку.

В целом блатные обязаны соблюдать воровской закон и соответствующим образом себя вести. При отсутствии вора в законе им запрещено созывать сходки, собирать и распоряжаться общаком. Будучи «положенцами», они не вправе принимать решение по вопросу, составляющему компетенцию воровских авторитетов, но могут и должны разбирать возникающие в среде осужденных конфликты.

Самой многочисленной группой являются мужики, занимающие в криминальной среде особое положение. Удел мужиков – работа, их кредо – жить тихо и быстрей освободиться. Ни в какие разборки они не вмешиваются, соблюдают арестантский кодекс чести. У «мужиков» есть свои авторитеты, с которыми «блатные» не только вынуждены считаться, но и прислушиваются к их мнению.

Особое положение на зоне занимают «пацаны», стремившиеся любыми путями попасть на взрослую зону. Они относятся к категории приближенных к блатным, выполняют все предписания воровского закона и являются кандидатами в «положенцы». Особенности их поведения проявляются в следующем: стремлении иметь запрещенные предметы, демонстрации независимости своим поведением, проявлении грубости к работникам администрации, уклонении от работ по благоустройству территории. В случае ущемления их прав со стороны других осужденных «пацаны» обращаются с жалобами не к администрации, а к авторитетам зоны. Предпочтение отдают яркой или черной одежде, а также обычно тщательно следят за собой.

Нарушение неписаных норм или правил воровского или тюремного закона чревато для виновного понижением статуса в иерархической лестнице. Наиболее распространенное наказание – «дать по ушам», то есть перевести в более низкую стратификационную категорию. До последнего времени понижение часто происходило путем совершения акта насильственного мужеложества или его имитации.

Особое место в иерархии занимают «обиженные», «опущенные», «петухи». Однажды попав в эту категорию, осужденный не сможет изменить свою жизнь. Их отношения с другими осужденными регулируются нормами тюремного закона. При переводе по каким-либо причинам в другой коллектив (отряд, камеру) «опущенный» обязан заявить о своем статусе.

Стратификация в женской колонии практически такая же, как и в мужской. Верхнюю

ступень занимают авторитетные осужденные, привлеченные к уголовной ответственности за воровство, убийство, грабеж, разбой. В этой же группе состоят подруги воров в законе и блатных авторитетов. Власть в женской колонии принадлежит смотрящей – опытной преступнице, обладающей всеми качествами лидера и выполняющей те же обязанности, что и смотрящий на мужской зоне. У нее может быть «муж» (кобель) из числа активных лесбиянок с подчеркнуто мужской внешностью.

Вторую ступень занимают женщины, занятые в трудовых процессах. Они должны добровольно выделять средства на общак и при необходимости выполнять норму выработки за блатнячек. Женщины, судимые за убийство детей, в колонии презираются как другими осужденными, так и администрацией, у них на зоне особое положение.

К следующей категории относятся лесбиянки – «ковырялки». Они делятся на две категории. В одну категорию входят опытные в женском сексе активные лесбиянки, следящие за собой и пользующиеся спросом у любительниц однополой любви. Они хорошо выглядят и предпочитают носить мужскую одежду. В другую категорию – сексуальные рабыни, всеми презираемые, обязанные по первому требованию доставить удовольствие обратившимся к ним.

Особую категорию – «запомоенных» – составляют опустившиеся женщины, не следящие за собой. За подачку их нанимают для выполнения самых грязных и тяжелых работ. Они ведут забитую, полуголодную жизнь и общаются только в своем кругу.

Стратификация в тюрьмах и следственных изоляторах также имеет свои особенности. Смотрящие в этих учреждениях выполняют те же функции, что и вор в законе в колонии. При отсутствии вора в законе его обязанности возлагаются на самого уважаемого из среды воров, пользующегося непререкаемым авторитетом, знающего и почитающего воровской закон. Принятое им решение обязательно для всех содержащихся в тюрьме или в следственном изоляторе.

Смотрящий за централом своей властью назначает смотрящих за хатой (камерой). Он должен не только принадлежать к касте воров, но и быть уважаемым в среде осужденных. Принятое им решение подлежит исполнению всеми обитателями камеры. Он обеспечивает решение всех вопросов. При затруднении по собственной инициативе может обратиться за консультацией к смотрящему за централом.

При большом количестве содержащихся в камере образуются «семьи» по разным основаниям: земляки, по национальному признаку, криминальной профессии и др. Возглавляет семью «семейник» – не только уважаемый в ней человек, но также обладающий качествами лидера и даже дипломата. Между семьями могут возникать конфликты или недоразумения, и задача «семейника» – защищать свою «семью» от других. Если ему не удается решить возникшую проблему, то он вправе обратиться за помощью к смотрящему за хатой, а в отдельных случаях и к смотрящему за централом.

В каждой камере есть «дорожник» – человек, пересылающий записки в другую камеру. Он должен уметь передавать записки, знать расположение камер и понимать условные сигналы «цинки». Единственный человек, который не может быть «дорожником», это «обиженный», что соответствует категории «опущенный» в исправительном учреждении.

Иерархия играет важную роль в жизни общества. Она определяет, какое положение в данном обществе занимает гражданин, и понуждает его двигаться по иерархической лестнице вверх или вниз, и это движение во многом зависит от личности индивида и его устремлений. Аналогичные процессы характерны и для криминального сообщества, а движение по иерархической лестнице связано с соблюдением воровского и тюремного законов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Анисимков, В. М.** Криминальная субкультура / В. М. Анисимков. – Уфа : УЮИ, 1998. – 168 с. – ISBN 5-7247-0169-3.
2. **Антонян, Е. А.** Криминальная субкультура осужденных / Е. А. Антонян // Философские науки. – 2010. – № 5. – С. 72–81.
3. **Антонян, Ю. М.** Глубинные истоки криминальной субкультуры / Ю. М. Антонян, Е. А. Антонян // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 2. – С. 324–331.
4. **Громов, В. Г.** Криминогенность мест лишения свободы и ее нейтрализация : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Громов Владимир Геннадьевич. – Саратов, 2009. – 447 с.
5. **Егошин, О. А.** О первой государевой тюрьме на Марийской земле / О. А. Егошин // Вестник Марийского Государственного университета. Серия : Исторические науки, Юридические науки. – 2007. – № 3 (11). – С. 17–25.
6. **Крашенинникова, Я. М.** Тюрьмы, лагеря и колонии России / Я. М. Крашенинникова, М. Г. Детков. – Москва : Вердикт-IM, 1999. – 448 с. – ISBN 5-87143-013-9.

7. **Лихачев, Д. С.** Черты первобытного примитивизма воровской речи / Д. С. Лихачев // Язык и мышление. Вып. 3–4. – Москва : Издательство Академии наук СССР, Ленинград : Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра, 1935. – С. 47–100.
8. **Петухов, Е. А.** История пенитенциарной системы Забайкальской области (80-е годы XIX в. – февраль 1917 г.) : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Петухов Евгений Александрович. – Улан-Удэ, 2004. – 152 с.

REFERENCES

1. Anisimkov V. M. *Kriminal'naya subkul'tura* [Criminal subculture]. Ufa, 1998. 168 p. (In Russ.).
2. Antonyan E. A. Kriminal'naya subkul'tura osuzhdennyh [Criminal Subculture of Convicts]. *Filosofskie nauki – Philosophical sciences,* 2010, no. 5, pp. 72–81. (In Russ.).
3. Antonyan YU. M. Glubinnye istoki kriminal'noj subkul'tury [The deepest sources of the criminal subculture]. *Rossijskij kriminologicheskij vzglyad – Russian criminological view,* 2009, no. 2, pp. 324–331. (In Russ.).
4. Gromov V. G. *Kriminogennost' mest lisheniya svobody i ee nejtralizaciya. Diss. dokt. yurid. nauk* [Criminogenicity of places of imprisonment and its neutralization. Diss. Dsc. in Law]. Saratov, 2009. 447 p. (In Russ.).
5. Egoshin O. A. O pervoj gosudarevoj tyur'me na Marijskoj zemle [About the first sovereign prison on Mari land]. *Vestnik Marijskogo Gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Istoricheskie nauki. YUridicheskie nauki» – Bulletin of Mari State University. Series «Historical Sciences. Legal Sciences»,* 2007, no. 3 (11), pp. 17–25. (In Russ.).
6. Krasheninnikova YA. M., Detkov M. G. *Tyur'my, lagerya i kolonii Rossii* [Prisons, camps and colonies of Russia]. Moscow, 1999. 448 p. (In Russ.).
7. Lihachev D. S. CHerty pervobytnogo primitivizma vorovskoj rechi [Features of the primeval primitivism of thieves language]. *YAzyk i myshlenie. Vyp. 3–4* [Language and thinking. Iss. 3–4]. Moscow, Leningrad, 1935, pp. 47–100. (In Russ.).
8. Petuhov E. A. *Istoriya penitenciarnoj sistemy Zabajkal'skoj oblasti (80-e gody XIX v. – fevral' 1917 g.). Diss. kand. ist. nauk* [The history of the penal system of the Transbaikal region (80s of the XIX century. – February 1917). Diss. PhD. in History]. Ulan-Ude, 2004. 152 p. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2020-10026
УДК 343.3/.7

О некоторых аспектах уголовной ответственности за насильственные действия сексуального характера в отношении лиц, не достигших двенадцатилетнего возраста

В. П. СИЛКИН – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Реферат

В статье рассмотрена проблема справедливости отнесения некоторых действий сексуального характера в отношении лиц, не достигших двенадцатилетнего возраста, к числу насильственных, квалифицируемых по п. «в» ч. 4 ст. 132 УК РФ, с соответствующими размерами наказания в виде лишения свободы в санкции статьи. На основании исследования теоретических аспектов и практики применения санкции статьи автор приходит к выводу о несправедливости действующей редакции рассматриваемой уголовно-правовой нормы, которая с учетом примечания к ст. 131 УК РФ к числу насильственных действий сексуального характера относит, по существу, развратные действия, фактически допуская применение уголовного закона по аналогии. Также несправедливой является санкция ч. 4 ст. 132 УК РФ, которая не соответствует характеру и степени общественной опасности деяния и не согласована с другими уголовно-правовыми санкциями, например с санкцией ч. 2 ст. 105 УК РФ. Изучение практики применения санкций показывает, что суды в абсолютном большинстве случаев по ч. 4 ст. 132 УК РФ назначают наказание не только ниже медианы санкции статьи, но и ниже низшего предела, что также подтверждает вывод о несправедливости рассматриваемой уголовно-правовой нормы. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости корректировки примечания к ст. 131 УК РФ и санкции ч. 4 ст. 132 УК РФ.

Ключевые слова: насильственные действия сексуального характера; развратные действия; санкция статьи; справедливость наказания.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

On some aspects of criminal liability for sexual battery in relation to persons under the age of twelve

V. P. SILKIN – Associate Professor of the Law Department of the Institute of Managenent, Economics and Law of the Vologda State University, PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

The article deals with the justice problem of attribution of some sexual battery in relation to persons under the age of twelve to violent, qualified by p. «в» part 4 of Art. 132 of the Criminal Code of RF, with the appropriate amount of punishment in the form of imprisonment in the sanction of article. On the basis of the study of theoretical aspects and practice of sanctions the author comes to the conclusion about the injustice of the current version of the criminal law norm, which, taking into account the notes to Art. 131 of the Criminal Code of RF, refers sexual battery to lewd acts, actually allowing the application of criminal law by analogy. Also unfair is the sanction of part 4 of Art. 132 of the Criminal Code of RF, which does not correspond to the nature and degree of public danger of the act and is not consistent with other criminal sanctions, such as the sanction of part 2 of Art. 105 of the Criminal Code of RF. The studying of practice application of sanctions shows that the courts in the vast majority of cases under part 4 of Art. 132 of the Criminal Code of RF of the Criminal Code of RF prescribe penalties not only below the midpoint of the sanctions article, but below the lower limit, which also confirms the conclusion about the injustice of the consideration of the criminal law norm. The results of the study indicate the need to adjust the notes to Art. 131 of the Criminal Code of RF and sanctions part 4 of Art. 132 of the Criminal Code of RF.

Key words: sexual battery; lewd acts; the sanction of the article; the justice of the punishment.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Некоторое время назад в российских средствах массовой информации стали распространяться публикации о необходимости ужесточения норм об уголовной ответственности за половые отношения взрослых с лицами несовершеннолетнего возраста.

Результатом этой кампании стало принятие Федерального закона от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних». Любые действия, имеющие сексуальный подтекст, в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, были отнесены к насильственным, и, соответственно, правоприменителям было предписано квалифицировать их либо по ст. 131, либо по ст. 132 УК РФ, в зависимости от объективной стороны деяния.

Не отрицая в целом необходимость непримиримой и жесткой борьбы с посягательствами на половую неприкосновенность несовершеннолетних, все же отметим спорные моменты, вследствие которых судебная практика пошла, на наш взгляд, по неверному пути.

Указанная норма (примечание к ст. 131 УК РФ) породила две серьезные проблемы. Первая из них заключается в придании законодателем расширительного толкования составу преступления, предусмотренному в ст. 132 УК РФ.

Напомним, что в ч. 1 ст. 132 УК РФ предусмотрена ответственность за «мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему (потерпевшей) или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей)». Согласно п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, если эти деяния совершены в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, они наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет или без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет.

С учетом примечания к ст. 131 УК РФ к преступлениям, предусмотренным п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, в настоящее время относятся в том числе деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных ч. 3–5 ст. 134 УК РФ и ч. 2–4 ст. 135 УК РФ, со-

вершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 5 постановления от 04.12.2014 № 16 разъяснял, что «изнасилование и насильственные действия сексуального характера следует признавать совершенными с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица в тех случаях, когда оно в силу своего физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние), возраста (малолетнее или престарелое лицо) или иных обстоятельств не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному. При этом лицо, совершая изнасилование или насильственные действия сексуального характера, должно сознавать, что потерпевшее лицо находится в беспомощном состоянии» [5].

Таким образом, действия, которые до вступления в силу федерального закона от 29.02.2012 № 14-ФЗ относились к развратным действиям, в том числе физический (по мнению ряда исследователей, это, например, демонстрация взрослым человеком половых органов лицу, не достигшему двенадцатилетнего возраста, или, наоборот, разглядывание его половых органов, дотрагивание до них, искусственное стимулирование эрогенных зон – мастурбация и т. п.) или интеллектуальный разврат (демонстрация малолетнему порнографического фильма или таких же рисунков, непристойные беседы с ним на сексуальные темы, подстрекательство несовершеннолетних к сексуальным контактам между собой и т. д.) [8, с. 34], в настоящее время квалифицируются как насильственные действия сексуального характера. Более того, к таким действиям может быть отнесено, например, совершение полового акта родителями в присутствии ребенка указанного возраста.

Но разве можно приравнять указанные, по существу развратные, действия к насильственному половому сношению с малолетним? Представляется, что по характеру и степени общественной опасности это кардинально различные деяния.

И если в результате насильственного полового сношения в естественной или извращенной форме с лицом, не достигшим двенадцатилетнего возраста, ребенку действительно причиняется серьезная физическая и психическая травма и, весьма вероятно, ломается вся его последующая жизнь, то вряд ли такие же последствия влечет демонстрация малолетнему половых органов или порнографического фильма. А между тем за эти столь разные деяния предусмотрено одинаково суровое наказание – лишение свободы на срок от двенадцати до двадцати лет, да еще с двумя дополнительными наказаниями.

Многие исследователи обращали внимание на несправедливость данного положения.

Так, В. К. Пискарева вслед за Л. Ю. Лариной и И. В. Пантюхиной обоснованно считает данную ситуацию фактически расширительным толкованием уголовного закона или применением его по аналогии, отмечая, что в данном случае уравнивается общественная опасность любых форм развратных действий с насильственными мужеложством, лесбиянством, в том числе повлекшими тяжкие последствия, что является нелогичным [7, с. 15].

Ю. А. Островецкая отмечает, что при квалификации по ст. 132 УК РФ бесконтактных развратных действий, которые не охватываются объективной стороной данного состава преступления, «прослеживается явное несоответствие возможного наказания характеру и степени общественной опасности деяния, что является нарушением принципа справедливости», так как «степень общественной опасности и вреда для потерпевшего при насильственных действиях сексуального характера выше, чем при ненасильственных развратных действиях интеллектуального характера» (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»).

Н. Е. Голосов отмечает, что в данном случае «законодатель придерживается той позиции, что общественная опасность всех насильственных действий сексуального характера примерно одинакова. Однако, на наш взгляд, она имеет свои слабые стороны. Во-первых, не ясен круг сексуальных преступлений, которые войдут в пределы объективной стороны ст. 132 УК РФ. Во-вторых, очевидно, что ущерб от наносимого того или иного насильственного сексуального действия несоизмерим» [2, с. 376].

Профессор П. С. Яни в связи с этим писал, что «не сопряженные с насилием или угрозой его причинения развратные действия интеллектуального характера (обнажение половых органов, демонстрация порнофильмов и т. п.), совершенные в отношении лица, которое в силу малолетства, психического или иного заболевания или по иным обстоятельствам (например, находясь в состоянии сна или гипноза) заведомо не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий, не могут квалифицироваться по ст. 132 УК по признаку совершения иных помимо мужеложства и лесбиянства действий сексуального характера с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица» [12, с. 19].

Разделяя в целом позицию П. С. Яни по вопросу квалификации развратных действий, позволим себе не согласиться с приведенным суждением в части отнесения некоторых действий (таких, как обнажение половых органов) к интеллектуальному разврату. По нашему мнению, это все же другая разновидность развратных действий – физический разврат.

Е. Ю. Антонова и М. А. Кириллов, также сомневаясь в справедливости рассматриваемой нормы, отмечают две дополнительные проблемы применения ст. 132 УК РФ по фактам совершения ненасильственных действий сексуального характера с малолетними. Во-первых (и здесь с ними сложно не согласиться), нельзя признать правильным, что «одни и те же действия, но в отношении потерпевших разных возрастных групп – до двенадцати лет и старше этого возраста – квалифицируются по-разному» [1, с. 86]. Авторы приводят пример осуждения субъекта за ряд одинаковых преступлений по разным статьям УК РФ: в одних случаях – по п. «б» ч. 4 ст. 132, в других – по ч. 2 ст. 135, только по причине того, что одним потерпевшим еще не исполнилось 12 лет, другим недавно исполнилось. Во-вторых, не исключены случаи, когда лицо, не достигшее 12 лет, «осведомлено о сути и последствиях сексуальных отношений, достигло половой зрелости и добровольно имеет сексуальные контакты со взрослым (совершеннолетним) лицом», и все равно, несмотря на фактическое отсутствие насилия, применяется п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, что не соответствует принципу справедливости [1, с. 86].

Ситуации, описанные Е. Ю. Антоновой и М. А. Кирилловым, наглядно показывают ошибочность действующей редакции норм об уголовной ответственности за половые преступления в отношении лиц, не достигших двенадцатилетнего возраста.

Профессор А. Н. Попов также считает несправедливым применение п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ в случаях развратных действий, приводя в качестве примера ситуацию просмотра порнографического фильма четырнадцатилетним подростком совместно с лицом, не достигшим двенадцатилетнего возраста. «В настоящее время суды интеллектуальные развратные действия, совершенные лицом, достигшим четырнадцатилетнего возраста, в отношении потерпевшего лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, должны квалифицировать по п. ‘‘б’’ ч. 4 ст. 132 УК РФ. Например, в случаях, когда несовершеннолетние демонстрируют друг другу фильмы или фотографии порнографического характера» [8, с. 38].

Таким образом, первой проблемой состава преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, является его расширительное, по сравнению с основным составом, толкование законодателем в связи с примечанием к ст. 131 УК РФ.

Вторая, не менее серьезная проблема рассматриваемого состава преступления – несправедливость его санкции.

Как отмечено выше, несправедливым является приравнивание фактически развратных (ненасильственных) действий сексуального характера к таким же насильственным действиям (одной нормой и одной санкцией предусмотрена ответственность за различные деяния, кардинально различающиеся по характеру и степени общественной опасности). Между тем большинство ученых считают, что именно характер и степень общественной опасности деяния должны быть решающими при определении квалифицирующих признаков, и тем более санкции статьи Особенной части УК РФ [3, с. 144].

По нашему мнению, санкция п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ является чрезмерно суровой, не соответствующей характеру и степени общественной опасности деяния. Помня известное изречение о том, что критерием истины является практика, проанализируем, как применяются в судебной практике санкции ст. 132 УК РФ и, для сравнения, смежного состава преступления – ст. 131 УК РФ.

Число лиц, осужденных судами Российской Федерации за указанные половые преступления, и конкретные размеры наказания в виде лишения свободы отражены в табл. 1, 2 (статистические данные по итогам 2016 г. отражали те же тенденции) [6].

Таблица 1

Количество лиц, осужденных в 2017 г. по ст. 131, 132 УК РФ к лишению свободы

Статья УК РФ, по которой осуждены, и количество лиц	Освобождено лиц от наказания	Более мягкое наказание, чем лишение свободы, в том числе лишению свободы условно	Количество лиц, осужденных к срокам лишения свободы (по наиболее тяжкому преступлению без учета сложения наказаний)							
			до 1 года	от 1 года до 2 лет	от 2 до 3 лет	от 3 до 5 лет	от 5 до 8 лет	от 8 до 10 лет	от 10 до 15 лет	от 15 до 20 лет
ч. 1 ст. 131 – **всего 879**	1	154	9	53	266	388	8			
ч. 2 ст. 131 – **всего 838**	1	48	7	16	30	454	275	7	–	–
ч. 3 ст. 131 – **всего 396**	–	9	–	3	6	53	99	194	32	–
ч. 4 ст. 131 – **всего 221**	–	2	1	1	5	10	26	5	158	13
ч. 1 ст. 132 – **всего 284**	–	63	3	15	89	110	4	–	–	–
ч. 2 ст. 132 – **всего 350**	1	20	–	5	8	211	100	5	–	–
ч. 3 ст. 132 – **всего 247**	1	7	2	8	10	24	54	104	37	–
ч. 4 ст. 132 – **всего 1189**	2	15	9	18	27	87	182	38	785	26

Таблица 2

Количество лиц, осужденных в 2018 г. по ст. 131, 132 УК РФ к лишению свободы

Статья УК РФ, по которой осуждены, и количество лиц	Освобождено лиц от наказания	Более мягкое наказание, чем лишение свободы, в том числе лишению свободы условно	Количество лиц, осужденных к срокам лишения свободы (по наиболее тяжкому преступлению без учета сложения наказаний)							
			до 1 года	от 1 года до 2 лет	от 2 до 3 лет	от 3 до 5 лет	от 5 до 8 лет	от 8 до 10 лет	от 10 до 15 лет	от 15 до 20 лет
ч. 1 ст. 131 – **всего 789**	1	154	13	48	249	320	4	–	–	–
ч. 2 ст. 131 – **всего 703**	2	34	4	7	28	413	212	3	–	–
ч. 3 ст. 131 – **всего 325**	–	8	–	2	12	48	107	134	14	–
ч. 4 ст. 131 – **всего 222**	2	2	1	–	6	7	27	1	162	14
ч. 1 ст. 132 – **всего 273**	1	54	5	8	96	105	4	–	–	–
ч. 2 ст. 132 – **всего 328**	–	14	1	7	15	203	83	5	–	–
ч. 3 ст. 132 – **всего 209**	–	6	–	6	1	21	51	98	25	–
ч. 4 ст. 132 – **всего 1195**	3	12	8	20	29	81	176	37	790	39

Из приведенных данных следует выделить, во-первых, большое число лиц, осуждаемых по ч. 4 ст. 132 УК РФ, – значительно больше, чем по ч. 1–3 этой же статьи в совокупности, в то время как по ч. 4 ст. 131 УК РФ наблюдается противоположная тенденция. Кроме того, число лиц, осужденных по ч. 4 ст. 132 УК РФ, ежегодно возрастает, в то вре-

мя как по остальным частям этой статьи и ст. 131, напротив, снижается. По нашему мнению, сам факт более частого применения на практике квалифицированного состава, по сравнению с основным, свидетельствует о проблемах его конструирования. Во-вторых, обращает на себя внимание то, что абсолютному большинству осужденных по ч. 4 ст. 132 УК РФ наказание назначается значительно ниже медианы санкции статьи, которая составляет в данном случае 16 лет лишения свободы (напомним, что медиана, или среднее значение санкции статьи, вычисляется путем сложения минимального и максимального размеров наказания и деления полученного результата пополам). В-третьих, наказание за рассматриваемое преступление часто назначается судами ниже низшего предела, предусмотренного в санкции статьи (12 лет лишения свободы). Между тем ст. 64 УК РФ должна применяться при наличии исключительных обстоятельств, как это следует из ее текста, а в данном случае она служит инструментом нивелирования судами ошибочных решений законодателя.

Отмеченные статистические данные подтверждают выдвинутые ранее две гипотезы: 1) законодатель необоснованно отнес к числу особо тяжких преступлений, предусмотренных в ч. 4 ст. 132 УК РФ, слишком большой круг деяний; 2) наказание за эти деяния установлено чрезмерно суровое, не соответствующее характеру и степени их общественной опасности.

Действительно, если обратиться к судебной практике, то можно заменить, что многие преступления, квалифицированные в приговорах судов по ч. 4 ст. 132 УК РФ, фактически являются развратными действиями.

Так, Ю. А. Островецкая приводит следующий пример из практики Московского городского суда. «Решением суда М. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. ‘‘б’’ ч. 4 ст. 132 УК РФ. Из материалов дела следует, что М. в конце 2012 г. познакомился с десятилетней жительницей г. Казани и вступил с ней в интернет-переписку. В процессе общения он направлял девочке текстовые, графические, фото- и видеофайлы порнографического содержания, оказывая тем самым психологическое воздействие, направленное на побуждение малолетней к совершению сексуальных действий» (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»).

На наш взгляд, законодатель совершенно необоснованно приравнял такие деяния к насильственному совершению полового акта в извращенной форме (как принято было ранее называть насильственные действия сексуального характера), а санкция ч. 4 ст. 132 УК РФ рассчитана именно на последнее. Эти выводы подтверждаются тем фактом, что за смежное деяние (ч. 4 ст. 131 УК РФ), как видно из табл. 1–2, осуждено в шесть раз меньше лиц, при этом наказание им назначено близкое к медиане санкции статьи.

По нашему мнению, основным показателем справедливости уголовно-правовых санкций является их согласованность с другими санкциями в данной правовой системе в данный период времени, что должно быть обязательным правилом при их конструировании. Необходимость согласованности санкций кроме автора настоящей статьи подчеркивали также другие исследователи, например В. В. Меркурьев и С. С. Тихонова [4, с. 382].

В связи с этим следует отметить, что санкции ч. 4 ст. 132 (а также и ч. 4 ст. 131) УК РФ не согласованы с другими санкциями, определены умозрительно. Так, даже за убийство при квалифицирующих признаках, которое объективно является преступлением более общественно опасным и по характеру, и по степени, наказание в виде лишения свободы предусмотрено в ч. 2 ст. 105 УК РФ на срок от 8 до 20 лет. То есть убийство малолетнего с особой жестокостью наказывается менее строго, чем развратные действия в отношении этого же малолетнего (п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ – от 12 до 20 лет лишения свободы с двумя дополнительными наказаниями). Правда, автору могут возразить, что в санкции ч. 2 ст. 105 УК РФ имеется еще смертная казнь и пожизненное лишение свободы, однако, как известно, один из этих видов наказаний не применяется вовсе в силу моратория, другой – только в исключительных случаях. Тем более абсурдной видится ситуация, когда умышленное причинение смерти при квалифицирующих признаках наказывается по санкции статьи менее строго, чем деяние, влекущее причинение смерти по неосторожности (п. «а» ч. 4 ст. 131, п. «а» ч. 4 ст. 132 УК РФ).

Подводя итог, отметим, что примечание к ст. 131 УК РФ следует изменить, исклю-

чив приравнивание развратных действий в отношении лиц, не достигших двенадцатилетнего возраста, к насильственным действиям сексуального характера, поскольку в настоящее время данное примечание нарушает продекларированный в ст. 3 УК РФ принцип законности, допуская применение уголовного закона по аналогии. Кроме того, необходимо привести в соответствие с принципом справедливости (ст. 6 УК РФ) санкцию ч. 4 ст. 132 УК РФ (вероятно, также и ч. 4 ст. 131), так как размеры наказания за данное преступление не соответствуют его характеру и степени общественной опасности. В настоящее время санкция за рассматриваемое деяние не согласована с другими санкциями, поэтому фактически является более суровой, чем за квалифицированное убийство.

Виды и размеры наказаний в санкциях должны, как минимум, соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления [10; 11], а основным критерием справедливости и обоснованности санкций статей Особенной части УК РФ должна быть их согласованность с санкциями других статей, как внутри одной главы кодекса, так и с другими санкциями [9].

Резюмируя изложенное, отметим, что любое изменение уголовного закона должно быть осторожным, продуманным и научно обоснованным, а не обусловленным сиюминутной конъюнктурой. Именно поэтому в силу ограниченного объема настоящего исследования автор оставляет открытыми вопросы о том, какими конкретно должны быть примечание к ст. 131 УК РФ и санкция ч. 4 ст. 132 УК РФ, приглашая коллег к дискуссии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Антонова, Е. Ю.** Дифференциация уголовной ответственности за преступления сексуальной направленности в отношении малолетних и несовершеннолетних лиц: анализ законодательных новелл / Е. Ю. Антонова, М. А. Кириллов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4 (44). – С. 82–89.
2. **Голосов, Н. Е.** Проблема определения пределов ст. 132 УК РФ («Насильственные действия сексуального характера») / Н. Е. Голосов // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 8. – С. 375–378.
3. **Донец, С. П.** Квалифицированные и привилегированные составы преступлений в системе уголовно-правового воздействия : монография / С. П. Донец. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 208 с. – ISBN 978-5-4396-0885-0.
4. **Меркурьев, В. В.** К вопросу о презумпции справедливости санкций уголовного закона в системе уголовно-правовых презумпций / В. В. Меркурьев, С. С. Тихонова // Юридическая техника. – 2010. – № 4. – С. 377–384.
5. **Островецкая, Ю. А.** Проблемные вопросы применения статей 134 и 135 Уголовного Кодекса Российской Федерации и возможные пути их решения / Ю. А. Островецкая // Вестник Удмуртского университета. Серия : Экономика и право. – 2017. – Том 27, № 4. – С. 128–132.
6. Сводные статистические данные о состоянии судимости в России. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572 (дата обращения: 02.02.2020).
7. **Пискарева, В. К.** Разграничение развратных действий и насильственных действий сексуального характера / В. К. Пискарева // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2016. – № 4. – С. 14–16.
8. **Попов, А. Н.** Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» от 4 декабря 2014 года № 16 / А. Н. Попов. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. – 40 с.
9. **Силкин, В. П.** Уголовно-правовые санкции за преступления против собственности : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Силкин Вячеслав Петрович. – Санкт-Петербург, 2004. – 203 с.
10. **Татарников, В. Г.** Санкция уголовно-правовой нормы как показатель характера и степени общественной опасности преступления против личности / В. Г. Татарников // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2014. – № 1 (84). – С. 256–260.
11. **Чечель, Г. И.** Уголовно-правовые санкции и некоторые особенности их применения / Г. И. Чечель // Общество и право. – 2016. – № 4 (58). – С. 25–26.
12. **Яни, П. С.** Вопросы квалификации половых преступлений / П. С. Яни // Законность. – 2013. – № 5 (943). – С. 16–21.

REFERENCES

1. Antonova E. YU., Kirillov M. A. Differenciaciya ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya seksual'noj napravlennosti v otnoshenii maloletnih i nesovershennoletnih lic: analiz zakonodatel'nyh novell [Differentiation of criminal liability for sexual offenses against minors and juveniles: analysis of legislative novels]. *YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii – Jurisprudence and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 4 (44), pp. 82–89. (In Russ.).
2. Golosov N. E. Problema opredeleniya predelov st. 132 UK RF («Nasil'stvennye dejstviya seksual'nogo haraktera») [The problem of limits determination of the Article 132 of the Criminal Code of the Russian Federation ("Violent acts of a sexual nature")]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and practice of social development*, 2012, no. 8, pp. 375–378. (In Russ.).
3. Donec S. P. *Kvalificirovannye i privilegirovannye sostavy prestuplenij v sisteme ugolovno-pravovogo vozdejstviya* [Qualified and privileged offenses in the criminal law system]. Moscow, 2015. 208 p. (In Russ.).
4. Merkur'ev V. V., Tihonova S. S. K voprosu o prezumpcii spravedlivosti sankcij ugolovnogo zakona v sisteme ugolovno-pravovyh prezumpcij [On the issue of the presumption of justice of sanctions of the criminal law in the system of criminal law presumptions]. *YUridicheskaya tekhnika – Legal Technique*, 2010, no. 4, pp. 377–384. (In Russ.).

5. Ostroveckaya YU. A. Problemnye voprosy primeneniya statej 134 i 135 Ugolovnogo Kodeksa Rossijskoj Federacii i vozmozhnye puti ih resheniya [Problematic issues of the application of Articles 134 and 135 of the Criminal Code of the Russian Federation and possible solutions]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Ekonomika i pravo" – Bulletin of the Udmurt University. Series "Economics and Law"*, 2017, vol. 27, no. 4, pp. 128–132. (In Russ.).
6. *Svodnye statisticheskie dannye o sostoyanii sudimosti v Rossii* [Summary statistics on the state of criminal record in Russia]. Available at: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572 (accessed 02.02.2020). (In Russ.).
7. Piskareva V. K. Razgranichenie razvratnyh dejstvij i nasil'stvennyh dejstvij seksual'nogo haraktera [The distinction between sexual abuse and violent acts]. *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami – Actual issues of the fight against crime*, 2016, no. 4, pp. 14–16. (In Russ.).
8. Popov A. N. *Kommentarij k postanovleniyu Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii "O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyah protiv polovoj neprikosnovennosti i polovoj svobody lichnosti" ot 4 dekabrya 2014 goda № 16* [Commentary on Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On Judicial Practice in Cases of Crimes Against Sexual Integrity and Sexual Freedom of the Person" from December 4, 2014 No. 16]. St. Petersburg, 2016. 40 p. (In Russ.).
9. Silkin V. P. *Ugolovno-pravovye sankcii za prestupleniya protiv sobstvennosti. Diss. kand. yurid. nauk* [Criminal penalties for property crimes. Diss. PhD. in Law]. St. Petersburg, 2004. 203 p. (In Russ.).
10. Tatarnikov V. G. Sankciya ugolovno-pravovoj normy kak pokazatel' haraktera i stepeni obshchestvennoj opasnosti prestupleniya protiv lichnosti [Sanction of a criminal law norm as an indicator of the nature and degree of public danger of a crime against a person]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Irkutsk State Technical University*, 2014, no. 1 (84), pp. 256–260. (In Russ.).
11. CHechel' G. I. Ugolovno-pravovye sankcii i nekotorye osobennosti ih primeneniya [Criminal law sanctions and some features of their application]. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*, 2016, no. 4 (58), pp. 25–26. (In Russ.).
12. YAni P. S. Voprosy kvalifikacii polovyh prestuplenij [Sex crime qualification issues]. *Zakonnost' – Legality*, 2013, no. 5 (943), pp. 16–21. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2020-10027
УДК 343.4:343.85(476)

Криминологическая характеристика пенитенциарной преступности в Республике Беларусь

Т. Г. ТЕРЕЩЕНКО – заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент;

А. О. ЛЕГКИЙ – адъюнкт научно-педагогического факультета учреждения образования Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Реферат

Противодействие и преодоление преступности является приоритетом для любого суверенного государства, способствует социально-экономическому развитию, укреплению верховенства права. Важнейшими направлениями являются также сохранение роли государства как гаранта личной безопасности, комплексное совершенствование борьбы с преступностью, в том числе в рамках предотвращения вторичной криминализации ранее осужденных лиц.

Особую роль в этом процессе играет не только администрация исправительных учреждений различного вида, но и комплекс превентивных мер, направленных на снятие напряженности в условиях повышенной конфликтности отдельных лиц. В этой связи изучение отдельных показателей преступности в исправительных учреждениях является необходимым направлением работы для формирования правового государства, готового противостоять внутренним криминальным угрозам.

В результате исследования были выявлены определенные количественно-качественные зависимости относительно совершения части общественно опасных деяний в различных исправительных учреждениях Беларуси.

Ключевые слова: преступность; превентивные меры; предупреждение преступности; уголовно-исполнительная система Республики Беларусь; осужденные.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Criminological characteristics of penal crime in the Republic of Belarus

T. G. TERESHCHENKO – Deputy Head of the Department of Penal Law of the Penal Department of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, PhD. in Law, Associate Professor;

A. O. LEGKY – Adjunct in the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

Countering and overcoming crime is a priority for any sovereign state, contributes to its socio-economic development, strengthening the rule of law. The most important areas are also the preservation of the role of the state as a guarantor of personal security, the comprehensive improvement of the fight against crime, including in the framework of preventing the secondary criminalization of previously convicted persons.

A special role in this process is played not only by the administration of correctional institutions of various kinds, but also by a set of preventive measures aimed at relieving tension in conditions of increased conflict of individuals. In this regard the study of certain indicators of crime in correctional institutions is a necessary area of work for the formation of a state based on the rule of law, which is ready to withstand internal criminal threats.

As a result of the study certain quantitative and qualitative dependencies were identified regarding the commission of a part of socially dangerous acts in various correctional institutions of Belarus.

Key words: crime; preventive measures; crime prevention; penal system of the Republic of Belarus; convicts.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Пенитенциарная преступность как явление уходит своими корнями в тот период, когда лишение свободы стало применяться в качестве наказания. Сейчас можно говорить о преступности в исправительных учреждениях как самостоятельном виде уголовной преступности.

Среди криминологов нет единого мнения о понятии пенитенциарной преступности. Так, например, А. И. Долгова выводит данную дефиницию за пределы исправительных учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, и распространяет ее на все учреждения уголовно-исполнительной системы [5, с. 856]. Составители Российской криминологической энциклопедии, напротив, сужают территорию совершения пенитенциарных преступлений до исправительных учреждений, исполняющих наказание только в виде лишения свободы [8, с. 337]. Определяют пенитенциарную преступность по территориальному признаку и исследователи С. А. Бажанова и А. И. Исиченко, которые видят ее как совокупность преступлений, совершаемых в местах лишения свободы [1, с. 102]. Сходна и позиция К. К. Горяинова, который полагает, что это объективно существующее социально-негативное явление в местах отбывания наказания в виде лишения свободы или содержания под стражей, обусловленное характером общественной жизни внутри и вне этих мест, состоящее из совокупности уголовно наказуемых действий и поступков [2, с. 14].

Другая группа криминологов, рассматривая пенитенциарную преступность, включает в ее понятие субъект преступления, совершаемого на территории исправительного учреждения.

Например, А. П. Фильченко определяет пенитенциарную преступность как совокупность преступлений, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы ограниченным кругом субъектов (теми, кто может находиться на территории учреждений). Автор ограничивает не только круг лиц, но и виды общественно опасных деяний [7, с. 55]. В свою очередь, О. В. Филипова конкретизирует субъект таких преступлений, а также обращает внимание на временные рамки противоправной деятельности на территории исправительного учреждения [10, с. 12].

И. А. Уваров и В. В. Николайченко имеют схожую позицию, где главными составляющими понятия являются определенный субъект (осужденный к лишению свободы) и

определенное место (учреждение, исполняющее наказание в виде лишения свободы) [9, с. 13; 6, с. 8].

Ю. М. Антонян преступность в местах лишения свободы подразделяет на «две неравные и непохожие друг на друга части: преступления, совершаемые арестованными и осужденными, и преступления, совершаемые представителями администрации этих мест» [4, с. 638]. Существует и такая точка зрения, когда в круг субъектов пенитенциарной преступности включаются не только осужденные, но и лица, заключенные под стражу [3, с. 8].

Расширяя круг субъектов пенитенциарной преступности, вышеуказанные авторы, в свою очередь, ограничивают объект преступного посягательства, связывая его лишь с общественными отношениями, регулирующими исполнение уголовных наказаний, не учитывая общеуголовных преступлений, совершаемых осужденными на территории исправительных учреждений.

Анализ имеющихся точек зрения позволяет нам сформулировать понятие пенитенциарной преступности как совокупность уголовно наказуемых деяний, совершенных за определенный период времени на территории исправительных учреждений и за их пределами лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, пожизненного заключения и ареста, а также осужденными, находящимися в следственных изоляторах.

Пенитенциарная преступность, составляя самостоятельный вид преступности, имеет собственную структуру. В научной литературе принята следующая классификация преступлений, входящих в ее состав.

Первую категорию составляют преступления, которые могут совершить только осужденные к аресту, лишению свободы, пожизненному заключению или лица, находящиеся под стражей (ст. 410 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК РБ) «Действия, дезорганизующие работу исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома»; ст. 411 «Злостное неповиновение требованиям администрации исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы»; ст. 413 «Побег из исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, арестного дома или из-под стражи»; ст. 414 «Уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы или ареста»).

Вторую категорию составляют общеуголовные преступления (хулиганство, причинение телесных повреждений различной степени тяжести, убийство, незаконный оборот наркотических веществ, психотропных средств, их прекурсоров и аналогов и др.).

Однако следует отметить, что преступность, существующую в условиях изоляции от общества, нельзя рассматривать обособленно. Как и любой другой вид преступности, пенитенциарные уголовно-правовые деяния являются частью общей преступности, регистрируемой по стране. От уровня криминогенной ситуации в обществе зависит степень криминальной зараженности поступающих в исправительные учреждения республики осужденных.

Исследуя статистические данные Министерства внутренних дел Республики Беларусь, можно сделать вывод, что в стране наметилась устойчивая тенденция к ежегодному снижению общего количества совершаемых преступлений. Так, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, за период с 2012 по 2018 г. число зарегистрированных уголовно наказуемых деяний сократилось на 18 314 случаев, или на 17,9 % (2012 г. – 102 127; 2013 г. – 96 676; 2014 г. – 93 932; 2015 г. – 96982; 2016 г. – 92 943; 2017 г. – 86 326; 2018 г. – 83 813) [12].

При этом за аналогичный период прирост преступности в исправительных учреждениях Республики Беларусь составил 54,2 %, или 38 деяний в абсолютных величинах (2012 г. – 70; 2013 г. – 59; 2014 г. – 57; 2015 г. – 80; 2016 г. – 99; 2017 г. – 121; 2018 г. – 108). Стоит отметить, что количество предупрежденных преступлений за этот же период снизилось на 14,4 %, а за последние 15 лет – на 68,1 % (данные предоставлены Департаментом исполнения наказаний МВД Республики Беларусь).

Несмотря на то что доля пенитенциарной преступности в общей массе преступности по стране незначительна, в последние годы прослеживается тенденция увеличения доли преступлений, совершаемых осужденными к лишению свободы, аресту и пожизненному заключению, с 0,06 % в 2013 г. до 0,13 % в 2018 г. (2013 г. – 0,06 %; 2014 г. – 0,06 %; 2015 г. – 0,08 %; 2016 г. – 0,1 %; 2017 г. – 0,14 %; 2018 г. – 0,13 %).

Коэффициент совершенных в исправительных учреждениях преступлений на тысячу осужденных за указанный период нестабилен и составил от 2,74 в 2012 г. до 3,88 в 2018 г. (2012 г. – 2,74; 2013 г. – 2,44; 2014 г. – 2,27; 2015 г. – 3,04; 2016 г. – 3,46; 2017 г. –

4,21; 2018 г. – 3,88). По отношению к 2012 г. прирост составил 41,6 %. В целом же за последние 15 лет удельный вес общественно опасных деяний, совершенных в условиях изоляции от общества, на тысячу осужденных колебался от 0,9 в 2004 г. (наименьший показатель) до 4,64 в 2009 г. (наибольший показатель).

Анализируя динамику преступности в исправительных учреждениях, необходимо обратить внимание на статистические сведения о нарушениях установленного порядка отбывания наказания. Состояние дисциплинарной практики отражает не только способность администрации исправительного учреждения обеспечить соблюдение осужденными установленного порядка отбывания наказания. Количество дисциплинарных проступков, допущенных осужденными, а также их направленность говорят о состоянии оперативной обстановки в учреждении, в том числе косвенно указывают на латентность некоторых форм и видов пенитенциарной преступности. Отдельные криминологи указывают на сверхлатентность пенитенциарной преступности [13, с. 11–13; 11, с. 74–76].

Следует отметить, что с 2006 по 2011 г. наблюдалась устойчивая тенденция снижения уровня нарушений режимных требований. Так, количество нарушений установленного порядка отбывания наказания снизилось более чем на 68 % (2006 г. – 86 373; 2007 г. – 76 724; 2008 г. – 75 324; 2009 г. – 62 837; 2010 г. – 60 311; 2011 г. – 59 049). Однако начиная с 2012 г. в исправительных учреждениях наблюдается значительный рост подобных нарушений, количество дисциплинарных проступков, допущенных осужденными, возросло на 21,6 % (2012 г. – 59 445 случаев; 2013 г. – 61 899; 2014 г. – 65 147; 2015 г. – 65 470; 2016 г. – 72 317). Коэффициент нарушений на тысячу осужденных вырос с 2333,4 до 2450,7 (2012 г. – 2333,4; 2013 г. – 2562,6; 2014 г. – 2596,1; 2015 г. – 2400,4; 2016 г. – 2450,7). С 2016 г. наметилась тенденция к сокращению дисциплинарных проступков (2016 г. – 72 317; 2017 г. – 71 170; 2018 г. – 69 795). К 2019 г. осужденные допустили на 2522 нарушения меньше, чем в 2016 г. Вместе с тем доля нарушений на тысячу осужденных говорит об обратном. Так, по состоянию на январь 2019 г. количество нарушений установленного порядка отбывания наказаний на тысячу осужденных по отношению к 2016 г. выросло на 2,3 % (2016 г. – 2450,7; 2017 г. – 2402,3; 2018 г. – 2507,6). По отношению к 2012 г. прирост составил 7,4 %.

Исследование статистических данных Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь за 2004–2018 гг. позволяет структурировать совершаемые в учреждениях уголовно-исполнительной системы общественно опасные деяния. Так, за указанный период времени против правосудия совершено 88,4 % преступлений от общего количества уголовно наказуемых деяний; против жизни, здоровья, общественного порядка и общественной нравственности – 5,5 %; против собственности – 1,7 %; против порядка управления – 1,8 %; против здоровья населения и общественной безопасности – 1,5 %; прочие преступления составили около 1 %. Всего за последние 15 лет в исправительных учреждениях совершено 1421 преступление.

Основную массу общественно опасных деяний, совершаемых в исправительных учреждениях Республики Беларусь, составляют преступления против правосудия (ст. 410, 411, 413, 414 УК РБ). С 2004 по 2018 г. осужденными совершено 1257 деяний, предусмотренных гл. 34 УК РБ (2004 г. – 31; 2005 г. – 38; 2006 г. – 44; 2007 г. – 115; 2008 г. – 144; 2009 г. – 153; 2010 г. – 122; 2011 г. – 72; 2012 г. – 61; 2013 г. – 52; 2014 г. – 51; 2015 г. – 74; 2016 г. – 93; 2017 г. – 110; 2018 г. – 93).

Большинство преступлений этого вида (92 %) регистрируется по ст. 411 УК РБ «Злостное неповиновение требованиям администрации исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы». И хотя доля этих преступлений в общей массе пенитенциарной преступности стабильно высока (в среднем 80 %), количественный показатель данного вида деяний нельзя назвать постоянным. С 2004 по 2009 г. наблюдается стабильное увеличение таких преступлений (2004 г. – 22; 2005 г. – 33; 2006 г. – 37; 2007 г. – 112; 2008 г. – 137; 2009 г. – 148), затем в период с 2010 по 2013 г. отмечается их значительное снижение (2010 г. – 121; 2011 г. – 69; 2012 г. – 59; 2013 г. – 44), после чего вновь наметилась тенденция на увеличение количества деяний данного вида (2014 г. – 49; 2015 г. – 72; 2016 г. – 92; 2017 г. – 107; 2018 г. – 91).

Иная часть преступлений приходится на действия, дезорганизующие работу исправительного учреждения (ст. 410 УК РБ) – 1,36 %; побег и покушение на побег (ст. 413 УК РБ) – 4,6 %; уклонение от отбывания наказания (ст. 414 УК РБ) – 0,7 %. С 2015 по 2018 г. в исправительных учреждениях Республики Беларусь предупреждено 63 побега и укло-

нения от отбывания наказания (2015 г. – 11; 2016 г. – 25; 2017 г. – 12; 2018 г. – 15).

В отличие от преступлений против правосудия, общественно опасные деяния против жизни и здоровья занимают значительно меньшее место в общем объеме регистрируемой преступности в исправительных учреждениях. Согласно статистике Департамента исполнения наказаний с 2004 по 2018 г. осужденными к лишению свободы совершено 73 таких преступления, или 5,13 % от всего массива пенитенциарной преступности. За исследуемый период количественный показатель данного вида преступности варьировался от 1 до 10 преступлений в год (2004 г. – 5; 2005 г. – 4; 2006 г. – 10; 2007 г. – 10; 2008 г. – 7; 2009 г. – 9; 2010 г. – 8; 2011 г. – 5; 2012 г. – 3; 2013 г. – 4; 2014 г. – 2; 2015 г. – 1; 2016 г. – 1; 2017 г. – 2; 2018 г. – 2).

Наиболее распространенными преступлениями среди указанных выше являются умышленные причинения телесных повреждений различной степени тяжести (ст. 147, 149, 153 УК РБ). Их доля составляет 83,5 %. При этом необходимо отметить, что наиболее часто осужденными причиняются умышленные тяжкие телесные повреждения (в 82 %). За период с 2015 по 2018 г. предупреждено 1739 телесных повреждений различной степени тяжести (93 %). Учитывая разницу между предупрежденными и совершенными преступлениями этого вида, можно сделать вывод, что преступления данного вида имеют высокую латентность как за счет нежелания осужденных предавать конфликтную ситуацию огласке, так и за счет действий администрации учреждения, которая относит некоторые из преступлений к обычным нарушениям установленного порядка отбывания наказания.

Убийства, покушения на убийство или приготовление к нему в исправительных учреждениях Республики Беларусь составили за последние 15 лет 16,4 % от общего числа преступлений (2004 г. – 0; 2005 г. – 1; 2006 г. – 4; 2007 г. – 0; 2008 г. – 1; 2009 г. – 0; 2010 г. – 0; 2011 г. – 0; 2012 г. – 1; 2013 г. – 0; 2014 г. – 1; 2015 г. – 0; 2016 г. – 0; 2017 г. – 2; 2018 г. – 0).

В системе учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, осужденными также совершаются преступления против собственности. Наиболее распространенными являются деяния, предусмотренные ст. 205, 206, 208, 209 УК РБ. С 2004 по 2018 г. зарегистрировано 25 таких преступлений (2004 г. – 1; 2005 г. – 0; 2006 г. – 0; 2007 г. – 0; 2008 г. – 1; 2009 г. – 4; 2010 г. – 1; 2011 г. – 0; 2012 г. – 3; 2013 г. – 3; 2014 г. – 1; 2015 г. – 5; 2016 г. – 1; 2017 г. – 1; 2018 г. – 4). Удельный вес таких деяний в общей массе пенитенциарных преступлений составил 1,76 %. Ежегодно совершается до пяти таких преступлений. Так, коэффициент в 2004 г. составил 2,38 %, в 2008 г. – 0,62 %, 2009 г. – 2,35 %, 2010 г. – 0,73 %, 2012 г. – 4,28 %, 2013 г. – 5,08 %, 2014 г. – 1,75 %, 2015 г. – 6,25 %, 2016 г. – 1,01 %, 2017 г. – 0,82 %, 2018 г. – 3,70 %. В 2005–2007 и 2011 гг. преступлений против собственности не зарегистрировано. Это объясняется субкультурными традициями и обычаями осужденных, согласно которым воровство «у своих» признается недостойным поведением, и, как правило, виновное лицо привлекается к ответственности сообществом самих осужденных.

Среди общественно опасных деяний, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях Республики Беларусь, следует выделить преступления, направленные против порядка управления. Несмотря на то что их число невелико, преступления этого вида представляют повышенную общественную опасность, поскольку направлены против представителя власти, то есть лица, наделенного властными полномочиями для реализации целей уголовной и уголовно-исполнительной политики.

Практически ежегодно осужденными к лишению свободы совершается до 4 таких преступлений. За последние 15 лет зарегистрировано 26 фактов нарушения уголовного закона (2004 г. – 3; 2005 г. – 2; 2006 г. – 3; 2007 г. – 0; 2008 г. – 1; 2009 г. – 3; 2010 г. – 2; 2011 г. – 1; 2012 г. – 1; 2013 г. – 0; 2014 г. – 1; 2015 г. – 0; 2016 г. – 3; 2017 г. – 2; 2018 г. – 4). Среди них наиболее распространены деяния, предусмотренные ст. 363 УК РБ «Сопротивление сотруднику органов внутренних дел или иному лицу, охраняющему общественный порядок», ст. 364 УК РБ «Насилие либо угроза применения насилия в отношении сотрудника органов внутренних дел», ст. 366 УК РБ «Насилие либо угроза в отношении должностного лица, выполняющего служебные обязанности, или иного лица, выполняющего общественный долг». Удельный вес указанных составов преступлений в общем массиве преступности данного вида составляет 85 %.

Необходимо отметить и такой вид пенитенциарной преступности, как действия, направленные против половой неприкосновенности или половой свободы. Являясь продуктом криминальной субкультуры, данный вид противоправных деяний, совершае-

мых осужденными одного пола в отношении друг друга, имеет крайне высокий уровень латентности. С 2004 по 2018 г. зарегистрировано всего одно преступление, совершенное осужденным в отношении женщины по ст. 166 УК РБ «Изнасилование». Сложность в выявлении и регистрации этого вида деяний заключается в нежелании самого потерпевшего заявлять о преступлении, что может сказаться на статусе лица, подвергшегося насилию.

Характеризуя пенитенциарную преступность в исправительных учреждениях Республики Беларусь, следует обратить внимание на виды уголовно наказуемых деяний, которые не занимают в официальной статистике значительного места, однако количество нарушений установленного порядка отбывания наказания по аналогичным действиям ежегодно возрастает. Так, преступления против общественного порядка и общественной нравственности чаще проявляют себя в виде хулиганства (ст. 339 УК РБ). За последние 10 лет зарегистрировано всего одно такое преступление. Но преступления этого вида имеют свойство маскироваться под нарушения установленного порядка отбывания наказания. При изучении дисциплинарной практики в части совершения мелких хулиганств за аналогичный период было выявлено 386 случаев. Такая существенная разница в регистрации схожих деяний может говорить о высокой латентности этого вида пенитенциарной преступности. Отметим и тот факт, что с 2015 по 2018 г. численный прирост осужденных за хулиганство составил 27,4 %.

Схожая ситуация наблюдается и в отношении общественно опасных деяний, направленных против здоровья населения. В исправительных учреждениях этот вид преступности в основном представлен составами ст. 328 УК РФ «Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов». Его удельный вес составляет 1,3 %.

С 2004 по 2018 г. в исправительных учреждениях зарегистрировано 19 преступлений против здоровья населения. Ежегодно, в пределах исследуемого периода, регистрировалось не более трех фактов, за исключением 2006, 2009, 2011, 2013 и 2015 гг., когда не зафиксировано ни одного общественно опасного деяния данного вида. Коэффициент доли общего количества пенитенциарных преступлений по годам выглядит следующим образом: 2004 г. – 2,38 %; 2005 г. – 6,12 %; 2006 г. – 0 %; 2007 г. – 2,27 %; 2008 г. – 1,87 %; 2009 г. – 0 %; 2010 г. – 1,17 %; 2011 г. – 0 %; 2012 г. – 1,42 %; 2013 г. – 0 %; 2014 г. – 3,5 %; 2015 г. – 0 %; 2016 г. – 1,01 %; 2017 г. – 0,82 %; 2018 г. – 1,85 %. Опираясь на официальные сведения Департамента исполнения наказаний, нельзя сказать, что уровень преступности данного вида высок. Вместе с тем изучение дисциплинарной практики позволяет делать выводы о латентности таких преступлений.

Так, с 2005 по 2014 г. администрациями исправительных учреждений различных видов установлено 85 фактов употребления наркотических и других сильнодействующих веществ и 150 осужденных, их употреблявших. При этом с 2015 по 2018 г. не зафиксировано ни одного случая употребления.

Определенную настороженность вызывает динамика роста численности лиц, осужденных за преступления против здоровья населения. За последние четыре года количественный показатель вырос на 1510 чел., или 134,1 %. По состоянию на январь 2019 г. удельный вес осужденных за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов в общей массе осужденных к лишению свободы составил 21,8 %. Прирост удельного веса осужденных по отношению к 2015 г. составил 29,7 %.

Преступления против общественной безопасности в пенитенциарных учреждениях Республики Беларусь представлены ст. 291 УК РБ «Захват заложника» и ст. 293 УК РФ «Массовые беспорядки». Доля этого вида преступности в общей массе совершаемых преступлений составляет 0,14 %. В рамках изучаемого периода зарегистрировано по одному случаю таких деяний: 2007 г. – один случай массовых беспорядков, 2008 г. – один случай захвата заложника.

Таким образом, анализ количественно-качественных показателей общественно опасных деяний, официально зарегистрированных и совершенных осужденными на территории исправительных учреждений, предназначенных для отбывания наказания в виде лишения свободы, позволяет сделать следующие выводы. В общем массиве пенитенциарной преступности в Республике Беларусь в 2004–2018 гг. преобладали деяния, направленные на нарушение общественных отношений в сфере отправления правосудия, защиты жизни и здоровья, а также собственности. Иные посягательства фиксируются значительно реже, но тем не менее это не позволяет говорить об отсутствии объективных и субъективных факто-

ров, влияющих на образование латентности части из них, что особенно актуально для преступлений в сфере половой свободы и неприкосновенности личности, а также незаконного оборота наркотических средств (прекурсоров). Объективное получение сведений относительно вторичной криминализации осужденных лиц должно стать основой для формирования действенной превентивной политики различных субъектов профилактики в условиях изоляции человека от общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бажанов, С. А.** К вопросу о пенитенциарной преступности / С. А. Бажанов, А. И. Исиченко. – Москва : Юридическая литература, 1998. – 136 с.
2. **Горяинов, К. К.** Оперативно-розыскное обеспечение противодействия пенитенциарной преступности / К. К. Горяинов // Вестник Владимирского юридического института. – 2010. – № 2 (15). – С. 13–18.
3. **Ишигеев, В. С.** Пенитенциарные преступления: уголовно-правовая характеристика, ответственность и пути совершенствования законодательной регламентации : монография / В. С. Ишигеев, И. П. Парфиненко. – Иркутск : ВСИ МВД РФ, 2012. – 140 с.
4. Криминология : учебник / под редакцией В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. – Москва : Норма, 2009. – 800 с. – ISBN 978-5-468-00269-8
5. Криминология : учебник для вузов / под общей редакцией А. И. Долговой. – Москва : Норма, 2005. – 912 с. – ISBN 5-89123-931-0.
6. **Николайченко, В. В.** Пенитенциарные и постпенитенциарные преступления: криминалистическая теория и практика: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Николайченко Виктор Викторович. – Саратов, 2006. – 50 с.
7. Пенитенциарная криминология : учебник / под редакцией Ю. М. Антоняна, А. Я. Гришко, А. П. Фильченко. – Рязань : Академия ФСИН России, 2009. – 567 с.
8. Российская криминологическая энциклопедия / под общей редакцией А. И. Долговой. – Москва : НОРМА : ИНФРА-М, 2000. – 802 с. – ISBN 5-89123-412-2
9. **Уваров, И. А.** Общеуголовная пенитенциарная преступность в системе объектов пенитенциарной профилактики // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2011. – № 2. – С. 12–15.
10. **Филиппова, О. В.** Преступность в местах лишения свободы и ее предупреждение (по материалам Республики Бурятия) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Филиппова Ольга Валерьевна. – Томск, 2008. – 21 с.
11. **Хохрин, С. А.** Латентность как фактор пенитенциарной преступности / С. А. Хохрин // European journal of law and political sciences. – 2016. – № 1. – С. 74–76.
12. Число зарегистрированных преступлений и уровень преступности в Республике Беларусь. – URL : http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/pravonarusheniya/grafiki_diagrams/uroven-prestupnosti-po-respublike-belarus/ (дата обращения: 03.09.2019).
13. **Яковлев, А. В.** Факторы латентности преступлений, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы России / А. В. Яковлев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2007. – № 6. – С. 11–13.

REFERENCES

1. Bazhanov S. A., Isichenko A. I. *K voprosu o penitenciarnoj prestupnosti* [On the issue of penal crime]. Moscow, 1998. 136 p. (In Russ.).
2. Goryainov K. K. Operativno-rozysknoe obespechenie protivodejstviya penitenciarnoj prestupnosti [Operational-search support for combating penal crime]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo institute – Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2010, no. 2 (15), pp. 13–18. (In Russ.).
3. Ishigeev V. S., Parfinenko I. P. *Penitenciarnye prestupleniya: ugolovno-pravovaya harakteristika, otvetstvennost' i puti sovershenstvovaniya zakonodatel'noj reglamentacii* [Penal crimes: criminal law characteristics, responsibility and ways to improve legislative regulation]. Irkutsk, 2012. 140 p. (In Russ.).
4. Kudryavcev V. N., Eminov V. E. (red.) *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, 2009. 800 p. (In Russ.).
5. Dolgova A. I. (red.) *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, 2005. 912 p. (In Russ.).
6. Nikolajchenko V. V. *Penitenciarnye i postpenitenciarnye prestupleniya: kriminalisticheskaya teoriya i praktika. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk* [Penal and post-prison crimes: forensic theory and practice. Author's abstract of the diss. Dsc. in Law]. Saratov, 2006. 50 p. (In Russ.).
7. Antonyan YU. M., Grishko A. YA., Fil'chenko A. P. (red.) *Penitenciarnaya kriminologiya* [Penal criminology]. Ryazan, 2009. 567 p. (In Russ.).
8. Dolgova A. I. (red.) *Rossijskaya kriminologicheskaya enciklopediya* [Russian criminological encyclopedia]. Moscow, 2000. 802 p. (In Russ.).
9. Uvarov I. A. Obshcheugolovnaya penitenciarnaya prestupnost' v sisteme ob»ektov penitenciarnoj profilaktiki [Penal crime in the system of facilities for penitentiary prevention]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction,* 2011, no. 2, pp. 12–15. (In Russ.).
10. Fillipova O. V. *Prestupnost' v mestah lisheniya svobody i ee preduprezhdenie (po materialam Respubliki Buryatiya). Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [Crime in places of deprivation of liberty and its prevention (based on materials of the Republic of Buryatia). Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Tomsk, 2008. 21 p. (In Russ.).
11. Hohrin S. A. Latentnost' kak faktor penitenciarnoj prestupnosti [Latency as a factor in penal crime]. *European journal of law and political sciences*, 2016, no. 1, pp. 74–76. (In Russ.).
12. *CHislo zaregistrirovannyh prestuplenij i uroven' prestupnosti v Respublike Belarus'* [Number of registered crimes and crime rate in the Republic of Belarus]. Available at: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/pravonarusheniya/grafiki_diagrams/uroven-prestupnosti-po-respublike-belarus/ (accessed 03.09.2019). (In Russ.).
13. YAkovlev A. V. Faktory latentnosti prestuplenij, sovershaemyh v uchrezhdeniyah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii [Latency factors of crimes committed in institutions of the Russian penal system]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie – Penal system: Law, Economics, Management*, 2007, no. 6, pp. 11–13. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2020-10028
УДК 343.265

История развития института условно-досрочного освобождения в России

С. Л. БАБАЯН – профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

К. К. ГАРИБЯН – магистрант Российского государственного гуманитарного университета, инспектор информационно-аналитической группы уголовно-исполнительной инспекции УФСИН России по г. Москве

Реферат

В статье рассматривается история развития института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в России как важного стимула правопослушного поведения осужденных, дается описание его возникновения и развития в разные периоды отечественной истории. Анализируются различные нормативно-правовые акты, прямо или косвенно затрагивающие основания и порядок применения условно-досрочного освобождения на разных этапах его существования. Представлена периодизация становления института условно-досрочного освобождения с учетом политических, экономических, социальных факторов развития страны. Раскрыты материальные и формальные основания применения условно-досрочного освобождения, отражены достоинства и недостатки функционирования данного института в разные периоды. Представлен исторический опыт создания в 1909 г. в Российской империи губернского Особого совещания как специализированного органа по предварительному рассмотрению вопросов об условно-досрочном освобождении осужденных. Предлагаются пути совершенствования современного уголовного и уголовно-исполнительного законодательства с учетом исторического опыта применения института условно-досрочного освобождения и принципов постепенности и последовательности оказания поощрительного воздействия на осужденных для их успешной социальной адаптации. Обосновывается необходимость создания в России специализированного независимого общественно-государственного органа, наделенного полномочиями по участию в решении вопроса условно-досрочного освобождения осужденных. Полномочиями по контролю за лицами, условно-досрочно освобожденными, целесообразно наделить уголовно-исполнительные инспекции при соответствующем увеличении их штатной численности. В целом делается вывод о значимости и актуальности данного поощрительного института.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение; история развития законодательства; поощрительный институт; стимулирование правопослушного поведения; осужденный к лишению свободы.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

The history of the development of the parole institute in Russia

S. L. BABAYAN – Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of the Law Faculty of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Senior Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

K.K. GARIBYAN – Undergraduate student of the Russian State University for the Humanities, Inspector of the Information-analytical Group of the Penal Inspection of the Federal Penal Service of Russia Moscow

Abstract
The article discusses the development history of the institution grant of parole in Russia as an important incentive for law-abiding behavior of convicts, describes its occurrence and development at different periods of Russian history. Various legal acts are analyzed that directly or indirectly affect the basis and procedure for the application grant of parole at different stages of its existence. The periodization of the establishment of the institution grant of parole is given, taking into account the political, economic, social factors of the country's development. The material and formal grounds for the application grant of parole are disclosed, the advantages and disadvantages of the functioning of this institution in different periods are reflected. The historical experience of the creation in 1909 in the Russian Empire of the provincial Special Meeting as a specialized body for the preliminary consideration of issues on parole of convicts is presented. Ways are proposed to improve the modern criminal and penal legislation, taking into account the historical experience of applying the institution grant of parole and the principles of the gradual and sequence of providing incentive effects on prisoners for their successful social adaptation. The necessity of creating a specialized independent public-state body in Russia endowed with the authority to participate in resolving the issue of conditionally early release of convicts is substantiated. It is advisable to vest penal inspections with the appropriate increase in their staffing powers to control persons released on parole. In general a conclusion is drawn on the significance and relevance of this incentive institution.
Key words: grant of parole; history of the legislation development; incentive institution; stimulation of law-abiding behavior; convicted to imprisonment.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (далее – УДО) является одним из важнейших средств позитивного стимулирования правопослушного поведения осужденных к лишению свободы. Институт УДО в России имеет более чем вековую историю. За время своего существования он прошел очень противоречивый и сложный путь развития. Для более детального и эффективного изучения УДО осужденных с целью совершенствования применения данного института представляется необходимым выявить условия его становления и формирования.

В 1819 г., при Александре I, по образцу Британского библейского общества и рекомендации основателя последнего Вальтера Венинга в России было создано Попечительное о тюрьмах общество, целью которого главным образом являлось нравственное исправление заключенных. Именно с этого события можно вести историю института УДО в России. При непосредственном участии членов общества исправившиеся осужденные впервые начали освобождаться досрочно. Деятельность общества играла важную роль в тюремной политике в целом в России. Впервые предпринимались попытки улучшения условий содержания заключенных, а также установления дисциплины и режима в местах отбывания наказания. Устав общества предусматривал реализацию различных механизмов исправительного воздействия (например, проведение занятий, способствующих формированию у осужденных нравственных качеств, отдельное содержание осужденных с несоответствующим поведением и т. д.) [6, с. 200].

Заключенные, которые были признаны исправившимися, могли быть досрочно освобождены при участии членов общества. Данный факт свидетельствует о значимости УДО для исправления осужденного.

В Российской империи существовали различные формы освобождения от отбывания наказания, как условные, так и безусловные. Попытки применения института УДО обнаруживаются в различных нормативных актах, регламентирующих порядок организации отбывания наказания в исправительных приютах и в виде каторжных работ.

Впервые нормы о досрочном освобождении от отбывания наказания были включены в Устав о ссыльных 1822 г., который разделял заключенных к каторжным работам на испытуемых и исправляющихся. По мнению А. А. Пионтковского, в основе данного деления лежала идея прогрессивной системы отбывания наказания [8, с. 67]. Первоначально осужденный отбывал наказание среди испытуемых, затем по истечении определенного промежутка времени и при условии определенного поведения переводился в отряд исправляющихся с облегченными условиями содержания. После этого он мог освободиться условно-досрочно. В связи с этим представляется целесообразным, учитывая данный исторический опыт, предусмотреть возможность УДО только после перевода в облегченные условия отбывания наказания, что обеспечит постепенность и

последовательность применения средств поощрительного воздействия. Это может способствовать и ресоциализации осужденных, которая, безусловно, повышает эффективность применения института УДО как стимула правопослушного поведения осужденных к лишению свободы и позитивно сказывается на уменьшении рецидивной преступности среди условно-досрочно освобожденных.

На рубеже XIX–XX вв. значительный вклад в разработку и совершенствование института УДО и пенитенциарную науку в целом внесли такие ученые, как Н. С. Таганцев, А. А. Пионтковский, А. Ф. Кони, С. В. Познышев, П. И. Люблинский и др. Особо следует выделить труд А. А. Пионтковского «Условное освобождение», который является первым монографическим исследованием, посвященным поощрительному институту УДО.

Закон об УДО был принят 22 июня 1909 г. В нем впервые был закреплен соответствующий термин. Среди различных уставов, подвергнувшихся изменению после принятия вышеуказанного закона, особого внимания заслуживает Устав о содержащихся под стражей. Он закрепил нормы, предусматривающие основания досрочного освобождения и устанавливающие категории лиц, имеющих эту возможность [4, с. 113]. Осужденный приобрел право на УДО только после фактического отбытия не менее шести месяцев срока, а осужденные к заключению в тюрьму, исправительный дом или исправительное арестантское отделение – по отбытии не менее ¾ части срока.

Ю. В. Александровский писал о значении закона об УДО следующее: «Закон об условно-досрочном освобождении исходит не из соображений гуманности или желаний ослабить репрессию, наоборот, он исходит из совершенно правильной мысли – удержать преступника от совершения на свободе новых преступлений дополнительной угрозой отбытия неотбытого еще наказания» [1, с. 3].

В то же время необходимо упомянуть и о критике со стороны отечественных ученых в адрес внедрения института УДО в России. В частности, ими указывались следующие причины его нецелесообразности:

– места заключения должным образом не устроены;

– невозможность доказать заключенному свое исправление в связи с нехваткой, переполненностью мест заключения;

– отсутствие эффективного и надлежащего полицейского надзора в стране;

– отсутствие соответствующих органов для последующего надзора за условно-досрочного освобожденными [7, с. 16–17].

Нельзя обойти вниманием и факт существования в Российской империи такого органа, как губернское Особое совещание (далее – совещание). В компетенцию данного органа входило решение вопроса о досрочном освобождении осужденных. Начальник исправительного учреждения представлял осужденного к УДО. Состав совещания был многообразным: оно включало в себя как начальников исправительных учреждений и представителей прокурорского надзора, так и представителей обществ патроната местных комитетов и Общества попечительного о тюрьмах. Председательствовал на совещании мировой судья. Решение об УДО принималось голосованием. Для положительного вердикта требовалось большинство голосов. В случае его получения материалы направлялись в окружной суд для окончательного решения [3, с. 13].

С учетом вышесказанного и принимая во внимание зарубежный опыт, представляется важным создать в Российской Федерации независимые органы, полномочные участвовать в рассмотрении вопроса об УДО путем оценки целесообразности последнего в каждом конкретном случае (например, комиссии по вопросам УДО осужденных в субъектах Российской Федерации, в компетенцию которых также будет входить предварительное рассмотрение ходатайств об УДО) [2, с. 133–134].

Несмотря на отказ от многих правовых институтов царской России, практически с первых месяцев существования советской власти институт УДО был закреплен в законодательстве. Декретом СНК РСФСР от 24.11.2019 № 1 «О суде» и Постановлением Наркомюста РСФСР от 25.11.1918 «О досрочном освобождении» регламентировался порядок применения института УДО в отношении осужденных к лишению свободы. Досрочное освобождение было возможным после отбытия ½ части срока наказания. Декретом ВЦИК от 07.03.1918 № 2 «О суде» устанавливалась возможность для досрочного освобождения любого заключенного.

Впоследствии институт УДО получил свое развитие в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. и Исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1924 г. По УК РСФСР, условно-досрочно освободиться имели возможность осужденные к лишению свободы и принудительным работам. Материальным основанием при-

менения данного поощрительного института было исправление, выражающееся в правопослушном поведении. Формальным признаком выступало фактическое отбытие осужденным не менее ½ части срока наказания. Осужденного могли либо полностью освободить от отбывания наказания, либо заменяли наказание принудительными работами на неотбытый срок.

В 1929 г. вопрос об УДО решался наблюдательными комиссиями вследствие прекращения деятельности распределительных комиссий.

По определенным политическим причинам (уголовные репрессии), а также в связи с проведением индустриализации УДО в 1939 г. было отменено. В то же время вследствие тяжелого экономического положения в стране с целью максимального использования рабочей силы осужденных руководством Главного управления исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГа) была введена система зачета рабочих дней в срок отбывания наказания. Например, по первой категории труда четыре дня срока соответствовали трем дням работы, по второй – пять дней срока принимались за четыре дня работы. При этом не шли в зачет дни, не отработанные осужденным в должном качестве и с соблюдением необходимой нормы, если количество таких дней достигало половины от общего числа рабочих дней в соответствующем периоде [5, с. 114]. Данная система не применялась в отношении осужденных, отбывающих наказание в ШИЗО или штрафных ротах.

УДО было восстановлено лишь в 1954 г. Первоочередное внимание при этом законодатель уделил возможности УДО несовершеннолетних осужденных: 24 апреля 1954 г. выходит Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке досрочного освобождения от наказания осужденных за преступления, совершенные в возрасте до 18 лет» [5, с. 130], в котором регламентируется порядок их досрочного освобождения. Формальным основанием выступало отбытие ⅓ части срока, материальным – правопослушное поведение и добросовестное отношение осужденного к труду.

Чуть позже Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14.07.1954 «О введении условно-досрочного освобождения из мест заключения» закрепил возможность досрочного освобождения всех категорий лиц, осужденных к лишению свободы. Формально в этом случае требовалось отбытие не менее ⅔ срока, материальное основание устанавливалось по аналогии с УДО несовершеннолетних заключенных.

Существенные и эффективные нововведения в части применения УДО были реализованы в 1958 г. В соответствии с Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик кроме лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, УДО стало применяться и в отношении осужденных к исправительным работам, направлению в дисциплинарный батальон, высылке и ссылке. К данному процессу предусматривался дифференцированный подход: в зависимости от тяжести совершенного преступления осужденные могли воспользоваться правом на УДО после отбытия ½, ⅔, и ¾ срока наказания, назначенного судом. В то же время УДО не применялось к определенным категориям осужденных (особо опасные рецидивисты и лица, осужденные за наиболее тяжкие преступления). На наш взгляд, с учетом исторического опыта представляется возможным увеличить обязательный срок, необходимый лицам, совершившим преступления при особо опасном рецидиве, для УДО, с ⅔ до ¾ срока наказания. Данное изменение будет способствовать дальнейшей дифференциации осужденных, а также предупреждению преступлений со стороны лиц, имеющих большой криминальный опыт и обладающих серьезной криминальной зараженностью.

В 60–70-е гг. прошлого столетия институт УДО наконец обрел свою окончательную законодательную регламентацию. Соответствующие нормы были закреплены в Уголовном и Исправительно-трудовом кодексах РСФСР. Наиболее значимыми направлениями правового регулирования рассматриваемого поощрительного института стали помощь в дальнейшем бытовом и трудовом устройстве условно-досрочно освобожденных, осуществление за ними контроля со стороны трудовых коллективов и общественных организаций. Представляется целесообразным предусмотреть и в современном отечественном уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве нормы, устанавливающие контроль за условно-досрочно освобожденными, возложив данную функцию на уголовно-исполнительные инспекции при соответствующем увеличении их штатной численности. Это будет способствовать более быстрой и эффективной социальной адаптации условно-досрочно освобожденных к жизни на свободе, что, несомненно, снизит уровень рецидивной преступности среди них.

Изучив развитие института УДО в советский период, считаем возможным сформулировать следующие выводы:

– по завершении дореволюционного периода УДО получает свое дальнейшее совершенствование и развитие сразу после Октябрьской революции 1917 г.;

– уголовно-правовая политика СССР оказывала существенное влияние на институт УДО (например, в определенные периоды его применение было ограничено);

– в разные периоды существования Советского государства претерпевали определенные изменения перечень видов наказаний, по которым возможно применение УДО, материальные и формальные основания для этого, а также набор категорий лиц, которых данный институт может или не может охватывать.

Современный этап развития института УДО связан с созданием российского уголовного законодательства, основанного на приоритете общечеловеческих ценностей. Нормы об УДО были закреплены в проекте УК РФ в октябре 1992 г. Согласно им материальным основанием для УДО служило правомерное поведение осужденного и его добросовестное отношение к труду, формальным – фактическое отбытие лицом определенного срока наказания в зависимости от тяжести совершенного преступления. К отдельным категориям осужденных институт УДО не применялся. Правом на досрочное освобождение обладали осужденные ко всем видам наказаний, назначаемым на определенный срок, за исключением ареста и общественных работ.

13 июня 1996 г. был принят действующий в настоящее время УК РФ. Условно-досрочному освобождению в нем посвящена ст. 79, которая со своей первой редакции потерпела немало изменений. Полагаем, что подобная динамика обусловлена востребованностью данного института.

Изучение и анализ развития УДО в России как самостоятельного межотраслевого поощрительного института позволяют нам выделить следующие важные этапы его развития:

– дореволюционный (1819–1917 гг.);

– советский (1917–1996 гг.);

– современный (с 1996 г. по настоящее время).

Для каждого периода характерны свои черты, обусловленные рядом политических, экономических и социальных факторов.

Динамика изменений зависела от общей политической обстановки в стране, проводимой государством уголовно-правовой политики, смен политического строя и правительства.

Представляется целесообразным учесть положительный исторический опыт развития УДО от отбывания наказания для дальнейшего совершенствования данного института как важного средства позитивного стимулирования правопослушного поведения осужденных и поощрительного воздействия на них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Александровский, Ю. В.** Закон об условном досрочном освобождении, высочайше утвержденный 22 июня 1909 г., одобренный Государственным советом и Государственном думой: законодательные мотивы и постатейные объяснения / Ю. В. Александровский. – Санкт-Петербург : Новое законодательство, 1909. – 208 с.

2. **Бабаян, С. Л.** Поощрительные институты уголовно-исполнительного права (теория и практика применения) : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Бабаян Сергей Львович. – Москва, 2014. – 592 с.

3. Закон об условном досрочном освобождении с изложением рассуждений, на коих он основан / под ред. Д. А. Коптева. – Санкт-Петербург, 1909. – 374 с.

4. **Кидяев, В. В.** История развития института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в российском законодательстве / В. В. Кидяев // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 5 (133). – С. 110–115.

5. **Мяханова, А. Н.** К вопросу об условно-досрочном освобождении несовершеннолетних / А. Н. Мяханова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 2. – С. 130–132.

6. **Петренко, Н. И.** Влияние общества попечительного о тюрьмах на отечественную пенитенциарную систему в первой половине XIX в. / Н. И. Петренко, И. А. Никифорова // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 4. – С. 200–203.

7. **Пилипенко, О. А.** Условно-досрочное освобождение от наказания: проблемы теории и практики : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Пилипенко Ольга Александровна. – Ростов-на-Дону, 2009. – 207 с.

8. **Пионтковский, А. А.** Условное освобождение. Уголовно-политическое исследование / А. А. Пионтковский. – Казань : Типо-лит. ун-та, 1900. – 251 с.

REFERENCES

1. Aleksandrovskij YU. V. *Zakon ob uslovnom dosrochnom osvobozhdenii, vysochajshe utverzhdennyj 22 iyunya 1909 g., odobrennyj Gosudarstvennym sovetom i Gosudarstvennom dumoj: zakonodatel'nye motivy i postatejnye ob"yasneniya* [Parole Act, supremely approved on June 22, 1909, approved by the State Council and the State Duma: legislative motives and itemized explanations]. St. Petersburg, 1909. 208 p. (In Russ.).

2. Babayan S. L. *Pooshchritel'nye instituty ugolovno-ispolnitel'nogo prava (teoriya i praktika primeneniya). Diss. dokt. yurid. nauk* [Incentive institutions of penal law (theory and practice of application). Diss. Dsc. in Law]. Moscow, 2014. 592 p. (In Russ.).
3. Koptev D. A. (red.) *Zakon ob uslovnom dosrochnom osvobozhdenii s izlozheniem rassuzhdenij, na koih on osnovan* [Parole Act setting out the reasoning on which it is based]. St. Petersburg, 1909. 374 p. (In Russ.).
4. Kidyaev V. V. Istoriya razvitiya instituta uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya v rossijskom zakonodatel'stve [The history of the development of the institution of parole from serving a sentence in Russian law]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Tomsk State University*, 2014, no. 5 (133), pp. 110–115. (In Russ.).
5. Myahanova A. N. K voprosu ob uslovno-dosrochnom osvobozhdenii nesovershennoletnih [On the issue of parole of minors]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Buryat State University*, 2010, no. 2, pp. 130–132. (In Russ.).
6. Petrenko N. I., Nikiforova I. A. Vliyanie obshchestva popechitel'nogo o tyur'mah na otechestvennuyu penitenciarnuyu sistemu v pervoj polovine XIX v. [The influence of a society of custodians of prisons on the domestic prison system in the first half of the 19th century]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian law*, 2011, no. 4, pp. 200–203. (In Russ.).
7. Pilipenko O. A. *Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot nakazaniya: problemy teorii i praktiki. Diss. kand. yurid. nauk* [Parole: problems of theory and practice. Diss. PhD. in Law]. Rostov-on-Don, 2009. 207 p. (In Russ.).
8. Piontkovskij A. A. *Uslovnoe osvobozhdenie. Ugolovno-politicheskoe issledovanie* [Conditional release. Criminal Political Investigation]. Kazan, 1900. 251 p. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2020-10029
УДК 343.8

Криминальный самосуд в среде осужденных к лишению свободы: характеристика и меры профилактики

А. В. БЫКОВ – начальник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

А. М. СМИРНОВ – главный научный сотрудник НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Реферат

В статье дается характеристика самосудов криминального характера в среде осужденных к лишению свободы. Данные самосуды всегда будут иметь актуальность для научных исследований в силу своей многоаспектности, распространенности в среде осужденных и негативных последствий для пенитенциарной практики. В частности, они влияют на обеспечение безопасности личности в местах лишения свободы, поддержание позитивного морально-психологического климата в среде спецконтингента, эффективную реализацию исправительного процесса и достижение целей уголовно-исполнительного законодательства. Именно поэтому необходимо проведение научных исследований, направленных на изучение социально-правовой природы криминальных самосудов среди осужденных к лишению свободы. Причины самосудов кроются в обычаях и традициях криминальной субкультуры, а также в свойственной человеческой природе предрасположенности к решению конфликтных ситуаций самостоятельно. Профилактика самосудных расправ криминального характера в местах лишения свободы является весьма сложной задачей в силу латентности, свойственной криминальной среде. Вместе с тем сотрудникам исправительных учреждений следует принимать все возможные меры по недопущению распространения самосудов в местах социальной изоляции. Представители пенитенциарной науки должны оказывать научно-методическую помощь в этом направлении. Именно поэтому в статье изложен комплекс мер по профилактике данного негативного явления.

Ключевые слова: исправительное учреждение; самосуд; криминальный самосуд; пенитенциарный конфликт; криминальная субкультура; профилактика пенитенциарной преступности.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Criminal lynching among convicts sentenced to imprisonment: characteristics and preventive measures

A. V. BYKOV – Head of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor;

A. M. SMIRNOV – Chief Researcher of the Research Center-2 of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

The article gives a description of criminal lynching among convicted. These lynching will always be relevant for scientific research due to its multidimensionality, prevalence among convicts and negative consequences for prison practice. In particular they affect the provision of personal security in places of deprivation of liberty, the maintenance of a positive moral and psychological climate among the special contingent, the effective implementation of the correctional process and the achievement of the goals of the penal legislation. That is why it is necessary to conduct research work aimed at studying the socio-legal nature of criminal lynching among convicted persons. The reasons for lynching lie in the customs and traditions of the criminal subculture as well as in the predisposition to resolve conflict situations on their own in human nature. Prevention of criminal mob attacks in places of imprisonment is a very difficult task due to the latency inherent in the criminal environment. However correctional staff should take all possible measures to prevent their spread in places of social isolation. Representatives of penal science should provide scientific and methodological assistance in this direction. That is why the article sets out a set of measures to prevent this negative phenomenon.

Key words: correctional institution; lynching; criminal lynching; penal conflict; criminal subculture; prevention of penal crime.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Самосуд всегда имел место в социальной практике любого общества, выступая одним из эффективных, с точки зрения обычных граждан, средств разрешения конфликтных ситуаций. С развитием цивилизации его проявления в общественных отношениях сократились, однако он до сих пор имеет место в негативных сферах социальной деятельности (например, в антисоциальном (криминальном) образе жизни).

В узком смысле под самосудом над причинителем вреда понимается самочинная расправа, осуществляемая без обращения к представителям власти и учиняемая над человеком, которого подозревают в совершении какого-либо правонарушения, или когда есть все основания быть уверенным в силу достаточной доказательственной базы в том, что он является виновником этого правонарушения или причастен к его осуществлению [4, с. 685; 11, с. 930; 8, с. 178]; некая разновидность самоуправства, осуществляемого по своей воле и на свое усмотрение [2, с. 15]

В силу того что самосуд может осуществляться над лицом, совершившим не только противоправные, но и иные деяния, в широком смысле он представляет собой самостоятельную расправу над индивидом за совершение им любого проступка, не соответствующего принятым в обществе нормам поведения.

Со своей стороны под самосудом предлагаем понимать негативное социальное явление, представляющее собой самостоятельное противоправное наказательное реагирование лица на нарушение установленных в обществе правовых предписаний, нравственных запретов, а также субкультурных традиций, совершаемое из мести за эти действия (бездействия).

Самосуд является одним из устоявшихся проявлений криминальной субкультуры, включающей в себя совокупность ценностей и установок, неформально регламентирующих и предопределяющих характер поведенческой активности, мировоззрения лиц, ведущих криминальный образ жизни. По сути основные ее положения построены на совершении личностью каких-либо самостоятельный действий, автономных от официального правосудия. Это и объясняет, например, достаточную распространенность самосудных расправ в среде осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы.

Как отмечают исследователи, одной из важных функций криминальной субкультуры

является регулятивная, упорядочивающая характер взаимоотношений между лицами, ведущими криминальный образ жизни или в силу совершения преступного деяния по ситуативным мотивам попавшими в среду таких лиц (например, будучи помещенными в места лишения свободы). Помимо этого данная субкультура искажает сознание человека, систему его смысло-жизненных ориентаций, формируя в нем самые крайние, извращенные и деструктивные формы взаимоотношений [10]. Самосуд как наиболее яркое проявление социальной деструкции выступает характерным признаком тюремной субкультуры.

Специфические условия социальной изоляции, полностью ограниченное пространство исправительного учреждения с находящимися в нем наиболее криминализированными представителями преступного сообщества обусловливают повышенную агрессивность лиц, осужденных к лишению свободы, которые не в полной мере способны контролировать и сдерживать свои агрессивные поведенческие установки [6]. Самосуд распространен в пенитенциарных учреждениях еще и потому, что обычаи и традиции тюремной субкультуры императивно предписывают осужденным, придерживающимся и пропагандирующим их, быть автономными от сотрудников данных учреждений в любых вопросах, особенно касающихся разрешения межличностных конфликтов [1; 10].

Самосуд в среде осужденных к лишению свободы чаще всего осуществляется посредством совершения преступных деяний, большую часть которых составляют преступления против личности. Самосправы обладают значительной общественной опасностью, поскольку часто имеют летальные последствия, обусловливают аутоагрессивное поведение своих жертв вплоть до совершения самоубийства. Помимо этого им свойственна повышенная латентность, так как обычаи и традиции тюремной субкультуры обязывают осужденных не разглашать информацию о совершении самосудных расправ в среде спецконтингента пенитенциарных учреждений под угрозой применения строгих ответных санкций со стороны иных осужденных.

В силу этого криминальные самосуды одних осужденных над другими являются для Федеральной службы исполнения наказаний весьма тревожным обстоятельством, поскольку являются условием, способствующим дезорганизации деятельности исправительных учреждений, осложняют оперативную обстановку в них, негативно сказываются на оценочных показателях их функционирования, создают сложности в работе, направленной на эффективную реализацию исправительного процесса и достижение целей уголовно-исполнительного законодательства.

Анализ самосудных расправ в исправительных учреждениях позволяет говорить о том, что они в основном совершаются над двумя группами лиц:

1. В отношении приговоренных к лишению свободы за совершение определенных преступных деяний, квалифицируемых по так называемым «неавторитетным статьям» (например, половых преступлений, особенно сопряженных с посягательствами на половую неприкосновенность, убийство несовершеннолетних). По законам криминального мира насилие в отношении несовершеннолетних и лиц женского пола серьезно осуждается. Именно поэтому будучи помещенными в места социальной изоляции за совершение подобных преступных деяний виновные в них лица подвергаются как бы повторному неформальному осуждению со стороны иных осужденных. Последствия таких самосудов могут быть любыми, вплоть до лишения жертвы жизни, поскольку, в отличие от официального российского правосудия, воровскими законами моратория на смертную казнь не предусмотрено. Особо жестоким самосудным расправам в местах лишения свободы подвергаются женщины, отбывающие наказание за детоубийство, поскольку среди лиц женского пола это самое осуждаемое деяние, и женщины, в отличие от мужчин, слабо сдерживают свои эмоции и контролируют обусловленное ими поведение и характер наступивших от него последствий.

2. В отношении сообщающих представителям администрации исправительного учреждения и контролирующих органов о деяниях, совершенных или совершаемых иными осужденными, связанных с нарушением правил внутреннего распорядка и в целом режима отбывания наказания [7]. Тюремная субкультура предполагает применение неправосудных мер наказания к осужденным, уличенным в сотрудничестве с администрацией исправительного учреждения, в ходе которого последняя получает информацию о процессах, происходящих в среде осужденных, в силу чего подрывается автономность их существования от администрации. После выявления таких осуж-

денных и применения к ним наказания, не предполагающего никакого снисхождения, данные осужденные переходят в одну из самых низших и презираемых каст неформальной тюремной иерархии – обиженных. Подтверждением могут служить результаты отдельных научных исследований, согласно которым практически половина (45 %) осужденных, ставших «обиженными», получили этот статус из-за связей с сотрудниками правоохранительных органов. Приобретение данного неформального статуса существенно ухудшает положение осужденного в местах социальной изоляции. Таким осужденным приходится довольствоваться лишь самым худшим из того, что входит в жизнь и быт уголовной среды [5, с. 174–175].

Самосудный характер разрешения конфликтных ситуаций в местах социальной изоляции в основном свойственен для осужденных, особо чтящих традиции и обычаи тюремной субкультуры, имеющих садистские и эгоистические наклонности, проявляющих пренебрежительное отношение к лицам, имеющим иные взгляды и социальные установки. Им свойственны отсутствие навыков самоконтроля, невыработанность сдерживающих императивов поведения, повышенная агрессивность, весьма низкий уровень правосознания, неразвитость культуры межличностных взаимоотношений, достаточно искаженная и скудная система морально-нравственных ценностей.

К сожалению, сотрудникам администрации исправительных учреждений зачастую не удается вовремя отреагировать на самосудные расправы в среде спецконтингента в силу их непредсказуемости, поэтому жертвам данных расправ чаще всего причиняется ожидаемый вред.

Следует отметить, что криминальные самосуды имеют высокие показатели латентности, поскольку значительная доля их жертв не сообщает о случившемся, тщательно скрывает причины причинения им вреда, что связано с опасением навлечь на себя еще большее наказание со стороны иных осужденных. Кроме того, некоторые сотрудники предпочитают умалчивать о подобных фактах, не желая портить показатели своей работы, или же используют жертв самосудных расправ для проведения оперативно-розыскной работы, обещая им поддержку и защиту. Поэтому о фактах самосуда в исправительных учреждениях удается узнать, если последствия совершенного деяния сложно скрыть (убийство, тяжкие и особо тяжкие посягательства на жизнь и здоровье, повлекшие смерть потерпевшего, в отдельных случаях посягательства на половую неприкосновенность и половую свободу личности).

Профилактика самосудных расправ криминального характера среди осужденных осложняется их устойчивостью в местах лишения свободы. Тем не менее проведение данной работы необходимо в силу требований Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., одной из целей которой является повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, в направлении обеспечения гарантий соблюдения прав и законных интересов лиц, отбывающих в них наказания, а также для повышения эффективности исправительного процесса.

Таким образом, профилактика криминальных самосудов в среде осужденных к лишению свободы может быть реализована в двух направлениях, включающих работу с сотрудниками исправительных учреждений и осужденными к лишению свободы.

1) меры, адресованные сотрудникам исправительных учреждений:

– постоянный мониторинг причин и условий, способствующих совершению самосудных расправ криминального характера в среде осужденных;

– анализ выявленных детерминант и обстоятельств совершения криминальных самосудов и выработка мер по их устранению на оперативных и иных совещаниях руководства исправительного учреждения;

– проведение психологической работы с сотрудниками исправительного учреждения, направленной на снижение уровня их профессиональной деградации и восприятия обычаев и традиций тюремной субкультуры;

– изучение зарубежного опыта профилактики самочинных расправ среди осужденных к лишению свободы, апробация и внедрение в деятельность исправительного учреждения его положительных результатов.

Особенно важное значение для профилактики криминальных самосудов в среде осужденных к лишению свободы имеет использование средств и методов оперативно-розыскной деятельности в силу высокого уровня латентности рассматриваемого вида расправ и сложной прогнозируемости;

2) меры, направленные на осужденных к лишению свободы:

– обеспечение повышенного уровня безопасности в отношении осужденных, являющихся потенциальными жертвами само-

судных расправ криминального характера. Предоставление этим осужденным безопасных мест в любое время, когда они этого попросят, при наличии достаточных оснований полагать возможность совершения самосудных расправ;

– осуществление постоянного физического и технического надзора за осужденными с применением современных инженерно-технических средств охраны и надзора. Необходима расстановка аудиовизуальных технических средств наблюдения, позволяющая максимально контролировать передвижение, поведение и межличностные контакты осужденных;

– постановка на профилактический учет осужденных, склонных к физическому (особенно сексуальному) насилию, соблюдающих обычаи и традиции криминальной субкультуры и пропагандирующих их;

– своевременное и неотвратимое привлечение к уголовной ответственности осужденных, виновных в учинении самосудных расправ криминального характера, назначение таким осужденным справедливых мер наказания;

– проведение целенаправленной и адресной воспитательно-профилактической работы с осужденными к лишению свободы, направленной на формирование негативного отношения к обычаям и традициям криминальной субкультуры, особенно связанным с насилием над личностью, на отказ от следования этим обычаям и традициям, их пропаганды в среде спецконтингента [3];

– проведение индивидуальной профилактической и психолого-педагогической работы с осужденными к лишению свободы, виновными в самосудных расправах криминального характера;

– разработка и проведение тематических бесед и лекций, направленных на выработку и закрепление у осужденных, отбывающих лишение свободы, гуманного и уважительного отношения к любому лицу, его правам и свободам, взглядам и убеждениям, вне зависимости от каких-либо обстоятельств и личностных характеристик;

– оказание осужденным, ставшим жертвами самосудных расправ криминального характера, квалифицированной психологической помощи.

Перечень данных мер не является исчерпывающим. Он может быть дополнен иными эффективными видами деятельности в зависимости от вида исправительного учреждения, сложившейся в нем обстановки, качественного состава содержащихся осужденных.

Таким образом, разрешение осужденными в местах лишения свободы конфликтных ситуаций посредством самосуда над лицами, виновными в их возникновении, достаточно частое явление. Самосудные расправы сопряжены с применением опасного для жизни и здоровья человека насилия, носят криминальный характер. Имеют негативные последствия как для обеспечения безопасности личности в местах лишения свободы, поддержания позитивного морально-психологического климата в среде спецконтингента, так и для функционирования исправительного учреждения в целом.

Причины самосудных расправ кроются в обычаях и традициях криминальной субкультуры, а также свойственной человеческой природе предрасположенности к решению конфликтных ситуаций самостоятельно. Наличие представления о причинах и понимание природы их происхождения помогает осуществлять эффективную работу по профилактике криминальных самосудов среди осужденных в исправительных учреждениях. Профилактика самосудных расправ криминального характера в местах лишения свободы является весьма сложной задачей в силу высокой степени латентности данных деяний. Вместе с тем сотрудникам исправительных учреждений следует принимать все возможные меры по недопущению их распространения в местах социальной изоляции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вилкова, А. В.** К вопросу микросреды исправительных учреждений для несовершеннолетних осужденных, формирующей общественно-нравственные ценности / А. В. Вилкова // Российский следователь. – 2014. – № 8. – С. 44–45.
2. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. Том 4 / В. И. Даль. – Москва : Русский язык, 2007. – 683 с. – ISBN 978-5-9576-0353-5.
3. Исправление осужденных : монография / под научной редакцией Ю. М. Антоняна, А. В. Быкова. – Москва : [б. и.], 2014. – 331 с. – ISBN 978-5-600-00-57-9.
4. **Ожегов, С. И.** Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под редакцией Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – Москва : ОНИКС 21 век : Мир и образование, 2003. – 894 с. – ISBN 5-329-00741-0.
5. Пенитенциарная криминология : учебник / под редакцией Ю. М. Антоняна, А. Я. Гришко, А. П. Фильченко. – Рязань : АПУ ФСИН России, 2009. – 566 с. – ISBN 987-5-7743-0270-3.
6. **Смирнов, А. М.** Криминологическая характеристика лиц, совершающих самосудные расправы в России / А. М. Смирнов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2013. – № 3 (23). – С. 12–14.

7. **Смирнов, А. М.** Народное правосудие в России : монография / А. М. Смирнов. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 396 с. – ISBN 978-5-4396-0656-6.
8. Современный толковый словарь русского языка / главный редактор С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2004. – 959 с. – ISBN 5-7711-0103-6.
9. **Спасенников, Б. А.** Правовая антропология (уголовно-правовой аспект) : монография / Б. А. Спасенников ; под редакцией И. Я. Козаченко. – Архангельск : Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2001. – 304 с. – ISBN 5-88086-244-5.
10. **Старков, О. В.** Криминальная субкультура : спецкурс / О. В. Старков. – Москва : Волтерс Клувер, 2010. – 240 с. – ISBN 978-5-466-00490-8.
11. **Ушаков, Д. Н.** Большой толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – Москва : Альфа-Принт, 2005. – 1239 с. – ISBN 5-98628-044-х.

REFERENCES

1. Vilkova A. V. K voprosu mikrosredy ispravitel'nyh uchrezhdenij dlya nesovershennoletnih osuzhdennyh, formiruyushchej obshchestvenno-nravstvennye cennosti [On the microenvironment of correctional institutions for juvenile convicts, shaping social and moral values]. *Rossijskij sledovatel' – Russian investigator*, 2014, no. 8, pp. 44–45. (In Russ.).
2. Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 tomah. Tom 4* [Explanatory dictionary of living Great Russian language. Vol. 4]. Moscow, 2007. 683 p. (In Russ.).
3. Antonyan YU. M., Bykov A. V. (red.) *Ispravlenie osuzhdennyh* [Correction of convicts]. Moscow, 2014. 331 p. (In Russ.).
4. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, 2003. 894 p. (In Russ.).
5. Antonyan YU. M., Grishko A. YA., Fil'chenko A. P. (red.) *Penitenciarnaya kriminologiya* [Penal criminology]. Ryazan, 2009. 566 p. (In Russ.).
6. Smirnov A. M. Kriminologicheskaya harakteristika lic, sovershayushchih samosudnye raspravy v Rossii [Criminological characteristics of persons committing lynching in Russia]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*, 2013, no. 3 (23), pp. 12–14. (In Russ.).
7. Smirnov A. M. *Narodnoe pravosudie v Rossii* [People's justice in Russia]. Moscow, 2014. 396 p. (In Russ.).
8. Kuznecov S. A. (red.) *Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, 2004. 959 p. (In Russ.).
9. Spasennikov B. A. *Pravovaya antropologiya (ugolovno-pravovoj aspekt)* [Legal anthropology (criminal law aspect)]. Arkhangelsk, 2001. 304 p. (In Russ.).
10. Starkov O. V. *Kriminal'naya subkul'tura* [Criminal subculture]. Moscow, 2010. 240 p. (In Russ.).
11. Ushakov D. N. *Bol'shoj tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of modern Russian language]. Moscow, 2005. 1239 p. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2020-10030
УДК 343.34

К вопросу об освобождении от уголовной ответственности при совершении преступлений против общественной безопасности

А. Г. АНТОНОВ – профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент

Реферат

Значительной и неотъемлемой частью уголовного законодательства России являются специальные основания освобождения от уголовной ответственности, которые содержатся в примечаниях ко многим статьям Особенной части УК РФ. Они получили достаточно широкое распространение относительно преступлений против общественной безопасности. С учетом анализа данных оснований автор предлагает критерии их установления, фундаментом которых выступает специфика общественной опасности преступления, и собственное понимание содержания и видов общественной опасности преступления; приводит подробную классификацию рассмотренных норм, выявляет законодательные пробелы и предлагает направления по расширению установления специальных оснований освобождения от уголовной ответственности применительно к преступлениям против общественной безопасности. Также сделан вывод, что такие основания направлены на охрану общественных отношений от преступных посягательств и предупреждение совершения новых преступлений, то есть выполняют задачи уголовного законодательства Российской Федерации. Проведенное исследование показало вектор уголовно-правовой политики нашего государства в отмеченном автором аспекте.

Ключевые слова: общественная безопасность; преступления; освобождение от уголовной ответственности.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

On the issue of relief from criminal liability for crimes against public safety

A. G. ANTONOV – Professor of the Department of Criminal Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor

Abstract

A significant and integral part of the criminal legislation of Russia are the special grounds for relief from criminal liability, which are contained in the notes to many articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. They are quite widespread regarding crimes against public safety. Based on the analysis of these grounds the author offers criteria for their establishment, the foundation of which is the specificity of the social danger of the crime and his own understanding of the content and types of public danger of the crime; gives a detailed classification of the considered norms, identifies legislative gaps and suggests directions for expanding the establishment of special grounds for relief from criminal liability in relation to crimes against public safety. It is also concluded that such grounds are aimed at protecting public relations from criminal attacks and preventing the commission of new crimes, that is, they fulfill the tasks of the criminal legislation of the Russian Federation. The study showed the vector of the criminal law policy of our state in the direction noted by the author.

Key words: public safety; crimes; relief from criminal liability.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683, в п. 44 определяет, что «главными направлениями обеспечения государственной и общественной безопасности являются усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности и прав собственности, совершенствование правового регулирования предупреждения преступности (в том числе в информационной сфере), коррупции, терроризма и экстремизма, распространения наркотиков и борьбы с такими явлениями, развитие взаимодействия органов обеспечения государственной безопасности и правопорядка с гражданским обществом, повышение доверия граждан к правоохранительной и судебной системам Российской Федерации, эффективности защиты прав и законных интересов российских граждан за рубежом, расширение международного сотрудничества в области государственной и общественной безопасности». Отсюда следует, что предупреждение преступности является важной государственной задачей. Она решается посредством применения прежде всего мер уголовной ответственности. Однако Уголовный кодекс Российской Федерации содержит в себе целую систему норм, закрепляющих освобождение от уголовной ответственности, которая постоянно расширяется. Тем самым сохраняется стратегический курс на гуманизацию и экономию уголовной репрессии.

Можно констатировать, что в УК РФ сформировался относительно самостоятельный институт освобождения от уголовной ответственности, включающий два сравнительно обособленных субинститута, предусматривающих соответственно общие и специальные виды освобождения. Тем самым в ряде случаев закон предполагает неприменение уголовной репрессии к виновным. Общие нормы об освобождении от уголовной ответственности основаны на утрате общественной опасности лиц, совершивших преступления. А в целях предупреждения совершения новых, более тяжких преступлений и прекращения совершаемых пре-

ступных деяний предусмотрены специальные основания освобождения от уголовной ответственности.

Необходимо отметить, что последние получили достаточно широкое распространение относительно преступлений против общественной безопасности. В частности, это примечания к ст. 205 «Террористический акт», 205.1 «Содействие террористической деятельности», 205.3 «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности», 205.4 «Организация террористического сообщества и участие в нем», 205.5 «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации», 206 «Захват заложника», 208 «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем», 210 «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)», 222 «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов», 222.1 «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств», 223 «Незаконное изготовление оружия», 223.1 «Незаконное изготовление взрывчатых веществ, незаконные изготовление, переделка или ремонт взрывных устройств», а также к ч. 4 ст. 212 «Массовые беспорядки»[1] УК РФ. В связи с этим возникает вопрос: чем руководствовался законодатель при установлении соответствующих специальных оснований освобождения от уголовной ответственности?

Прежде всего следует заметить, что все нормы-примечания преимущественно закреплены для длящихся преступлений. Это означает, что юридически они могут быть завершены, а фактически могут продолжаться. Тем самым их общественная опасность продолжает угрожать (причинять вред) общественным отношениям, причем не только в сфере общественной безопасности, но и во многих других. Так, например, при захвате заложника причиняется вред общественной безопасности. Виновный, захвативший и удерживающий потерпевшего, подвергает опасности жизнь и здоровье потерпевших. В данном случае добровольный отказ от преступления невозможен, так как преступление окончено. И пока опасность для жизни и здоровья потерпевших не реализовалась, законодатель предлагает виновному одуматься и прекратить удержание заложников, гарантировав ему освобождение от уголовной ответственности. Так, согласно примечанию к ст. 206 УК РФ, лицо, добровольно или по требованию властей освободившее заложника, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления. Данные суждения справедливы не только относительно ст. 206 УК РФ, но и ряда других статей (с соответствующими примечаниями), закрепляющих уголовную ответственность за совершение преступлений против общественной безопасности.

Из изложенного следует, что общественная опасность преступлений, к которым предусмотрены примечания, имеет определенную специфику. Она не исчезает, если преступление окончено. Поэтому критерием закрепления специальных оснований освобождения от уголовной ответственности является общественная опасность преступления. Она неодинакова для различных преступлений.

Как известно, общественная опасность преступления проявляется в двух формах: реальном причинении вреда и возникновении реальной угрозы его причинения [1, с. 89]. Так, В. Д. Филимонов вполне логично рассматривает преступление «не только как уже произошедшее нарушение общественных отношений, но и как источник опасности, грозящей охраняемому уголовным правом объекту, опасности, реализацию которой во многих случаях еще можно предотвратить» [2, с. 44].

Тем самым преступление в случае его совершения не только общественно опасно, но и общественно вредно. Вред следует рассматривать как результат реализации общественной опасности преступления относительно нарушенных общественных отношений. Опасность же остается таковой применительно к ненарушенным общественным отношениям.

Отсюда вытекают общий и специальный виды общественной опасности. Если преступление не совершено, то имеет место только первый. Если преступление уже совершено, то наряду с общей общественной опасностью проявляется и специальная.

Общая общественная опасность преступления имеет место всегда в отношении всех объектов уголовно-правовой охраны, независимо от того, совершено преступление или нет. Если преступление совершено, то она продолжает существовать относи-

[1] Здесь закреплена уголовная ответственность за прохождение лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях организации массовых беспорядков либо участия в них.

тельно прочих, ненарушенных общественных отношений. Совершение отдельных преступлений не может вызвать ее исчерпывающую реализацию. Если преступление не совершено, то такой вид общественной опасности обусловливается наличием уголовного закона и ценностью всех объектов уголовно-правовой охраны, которые с различной степенью вероятности могут быть нарушены. Сам по себе уголовно-правовой запрет свидетельствует о существовании опасности для определенных общественных отношений.

Специальная общественная опасность преступления может быть кумулятивной и (или) простой.

Простая общественная опасность выражается в причинении вреда конкретным общественным отношениям, чем и исчерпывается. Она не угрожает каким-либо другим общественным отношениям. Так, например, при краже причиняется вред только отношениям собственности и дополнительного вреда это преступление не обусловливает.

Кумулятивная[1] общественная опасность отличается сравнительно высокой концентрацией (потенциалом). Она выражается в причинении вреда общественным отношениям и в угрозе его причинения родственным общественным отношениям. Негативный потенциал общественной опасности не исчерпывается до конца, даже если одни общественные отношения уже нарушены. Он направляется к другим отношениям, которым создана угроза причинения вреда. Так, при создании организации преступного сообщества причиняется вред отношениям в сфере общественной безопасности и ставятся под угрозу другие общественные отношения, на которые направлена деятельность такого сообщества.

В свою очередь, преступления кумулятивной опасности можно подразделить на преступления прямой, опосредованной и абстрактной кумулятивной опасности. Указанные преступления различаются неодинаковой вероятностью эскалации опасности относительно определенных общественных отношений.

Преступления прямой кумулятивной опасности характеризуются наличием указаний в них самих на другие, вытекающие из них преступления. Такие указания могут отражаться в характерных особенностях преступления, а также содержаться как в квалифицирующих признаках, так и в основном составе преступления. Например, при захвате заложника с большой вероятностью может наступить его смерть, и законодатель предусматривает это типичное последствие захвата заложника в качестве квалифицирующего признака состава преступления. Тем самым прослеживается взаимосвязь между захватом заложника и причинением ему смерти. Дабы предотвратить подобный вред общественным отношениям, законодатель и закрепляет соответствующие нормы-примечания, содержащие специальные основания освобождения от уголовной ответственности. Этот же вид общественной опасности присущ террористическому акту, применительно к которому также имеет место соответствующее примечание. Согласно ему лицо, участвовавшее в подготовке террористического акта, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления террористического акта и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления.

Отличительной чертой преступлений с опосредованной кумулятивной опасностью является указание в УК РФ на их направленность на совершение других преступлений. Но конкретно последние преступления не всегда указываются в законе и могут быть самыми разнообразными. К примеру, в рамках преступного сообщества могут быть совершены преступления, предусмотренные ст. 291, 158, 160, 228 УК РФ, а также иные. Дабы предотвратить, прекратить деятельность такого сообщества, законодатель закрепил следующую норму-примечание к ст. 210 УК РФ: лицо, совершившее хотя бы одно из преступлений, предусмотренных настоящей статьей, добровольно прекратившее участие в преступном сообществе (преступной организации) или входящем в него (нее) структурном подразделении либо сообщившее о готовящемся собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп и активно способствовавшее раскрытию или пресечению деятельности преступного сообщества (преступной организации) или входящего в него (нее) структурного подразделения и (или) раскрытию и (или) пресечению пре-

[1] Под этим термином необходимо понимать высокий потенциал общественной опасности преступления, которая может причинить вред не только общественным отношениям, на которые оно направлено, но и смежным общественным отношениям.

ступлений, совершенных преступным сообществом (преступной организацией) или входящим в него (нее) структурным подразделением, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Напротив, в тексте ст. 205[1] УК РФ есть прямое указание на группу преступлений преимущественно террористической направленности. От преступлений с прямой кумулятивной опасностью данные преступления отличаются тем, что характеризуются меньшей вероятностью совершения иных, дополнительных преступлений (они отделены друг от друга большим промежутком времени, при этом отсутствует непосредственное негативное воздействие на смежные общественные отношения). Помимо рассмотренных, такой опасностью обладают и другие преступления против общественной безопасности, к которым закреплены интересующие нас нормы-примечания (ст. 205.3, 205.4, 205.5 и ч. 4 ст. 212 УК РФ). Их характерной чертой является то, что в них, по сути, закрепляется уголовная ответственность за приготовительные действия к преступлениям. Прекратив данные действия и сообщив о преступлении органам власти (второе требование имеет место во всех указанных нормах, кроме примечания к ст. 205.5 УК РФ), а иногда выполнив и другие позитивные посткриминальные действия, виновные освобождаются от уголовной ответственности. Тем самым предупреждаются преступления, к которым велось приготовление.

Преступления абстрактной кумулятивной опасности характеризуются отсутствием в законе указаний на конкретные преступления, которые могут из них вытекать. Невозможно установить перечень таких преступлений или заключить типичные последствия преступлений абстрактной кумулятивной опасности в отдельные рамки из-за их неограниченности. Например, хранение оружия может обусловливать совершение убийства, бандитизма и многих других преступлений. Однако лица, незаконно хранящие оружие, могут и не совершать преступлений с его использованием. Поэтому вероятность эскалации общественной опасности таких преступлений относительно невелика. К преступлениям против общественной безопасности, к которым предусмотрены специальные основания освобождения от уголовной ответственности, относятся деяния, закрепленные в ст. 208, 222, 222.1, 223 и 223.1 УК РФ. Смысл норм-примечаний к данным статьям заключается в добровольном прекращении преступлений виновными посредством сдачи предметов преступления, а в примечании к ст. 208 УК РФ есть еще и требование добровольного прекращения участия виновного в незаконном вооруженном формировании. Тем самым устраняется опасность для других общественных отношений, обусловленная абстрактной кумулятивной опасностью.

Из изложенного вытекает, что специальные основания освобождения от уголовной ответственности направлены на охрану общественных отношений от преступных посягательств и на предупреждение новых преступлений. Однако рассмотренной специфической кумулятивной общественной опасностью обладают и другие преступления, к которым соответствующие примечания не предусмотрены: бандитизм, угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а также и незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами. Поэтому актуален вопрос установления специальных оснований освобождения от уголовной ответственности относительно перечисленных видов преступлений. Ведь, например, при захвате воздушного судна с экипажем, если виновный добровольно сдается властям, может быть предотвращена опасность жизни и здоровью людей. Также не вызывает сомнения полезность посткриминального поступка по добровольной сдаче виновным органам власти незаконно хранящихся у него ядерных материалов. А выход участника банды из ее состава может положить конец существования таковой и совершаемых ею нападений.

Однако помимо специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, которые могут применяться относительно виновных, совершивших преступления против общественной безопасности, может рассматриваться применение и общих оснований освобождения от уголовной ответственности в исследуемых случаях. Так, гл. 11 УК РФ предусматривает пять таких оснований: в связи с деятельным раскаянием (ст. 75); в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76); в связи с возмещением ущерба (ст. 76[1]); в связи с назначением судебного штрафа (ст. 76[2]) и в связи с истечением сроков давности (ст. 78). За исключением ст. 76[1] УК РФ, данные нормы могут быть применены при совершении преступлений против общественной безопасно-

сти. Упомянутая же статья должна применяться при совершении иных преступлений, прямо указанных в ней. Преимущественно это преступления в сфере экономики.

Для применения остальных норм в случае совершения преступлений против общественной безопасности препятствий нет. За исключением ст. 78 УК РФ, эти нормы применимы при совершении преступлений небольшой или средней тяжести. Поэтому к ряду преступлений против общественной безопасности они не могут быть реализованы, например, при террористическом акте, захвате заложника и прочих тяжких или особо тяжких преступлениях.

Однако относительно тяжких преступлений нельзя быть таким категоричным. Ведь уголовный закон предусматривает изменение категории преступления на более мягкую. Так, согласно ч. 6 ст. 15 УК РФ, с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности суд вправе при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию преступления при условии, что за совершение преступления, указанного в ч. 3 ст. 15 УК РФ (преступление средней тяжести), осужденному назначено наказание, не превышающее трех лет лишения свободы, или другое более мягкое наказание; за совершение преступления, указанного в ч. 4 ст. 15 УК РФ (тяжкое преступление), осужденному назначено наказание, не превышающее пяти лет лишения свободы, или другое более мягкое наказание; за совершение преступления, указанного в ч. 5 ст. 15 УК РФ, осужденному назначено наказание, не превышающее семи лет лишения свободы.

Из изложенного следует, что применение ряда оснований освобождения от уголовной ответственности, закрепленных в гл. 11 УК РФ, может быть не только при совершении преступлений против общественной безопасности небольшой или средней тяжести, несмотря на соответствующее требование, закрепленное в них. При конкретных условиях они могут быть реализованы и при совершении преступлений, которые законодатель счел тяжкими, а суд – нет. Например, основной состав захвата заложника (ч. 1 ст. 206 УК РФ) является тяжким преступлением, так как за его совершение предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет. При определенных обстоятельствах суд в соответствии со ст. 64 УК РФ может назначить наказание ниже низшего предела. При этом может быть изменена категория рассматриваемого преступления на преступление средней тяжести. Следовательно, появляется возможность применить нормы, например, о судебном штрафе (ст. 76^2 УК РФ) или деятельном раскаянии (ст. 75 УК РФ), помимо специального основания освобождения от уголовной ответственности, закрепленного в примечании к ст. 206 УК РФ. Таким образом, ряд общих норм об освобождении от уголовной ответственности при некоторых обстоятельствах может применяться при совершении преступлений, определенных законодателем как тяжкие. Однако ни при каких обстоятельствах их нельзя реализовать при совершении особо тяжких преступлений против общественной безопасности. В то же время при совершении таких преступлений небольшой или средней тяжести определенные общие основания освобождения от уголовной ответственности могут применяться даже при наличии примечания, закрепляющего специальное основание освобождения от уголовной ответственности.

Согласно п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» «невозможность применения примечания не исключает освобождение от уголовной ответственности по части 1 статьи 75 УК РФ, если лицом выполнены условия, установленные данной нормой, и вследствие этого оно перестало быть общественно опасным (например, может быть освобождено от уголовной ответственности лицо, совершившее преступление, предусмотренное частью 1 статьи 222 УК РФ, которое хотя и не сдало огнестрельное оружие в связи с его сбытом, но при этом явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию указанного преступления)». При этом уголовный закон не ограничивает и применение иных общих оснований освобождения от уголовной ответственности в случае невозможности освобождения от уголовной ответственности по специальным основаниям.

Преступления против общественной безопасности категории небольшой или средней тяжести закреплены в УК РФ в значительном количестве. Ко многим из них не предусмотрены специальные основания освобождения от уголовной ответственности

в форме примечаний. Однако компетентный орган в случае выполнения условий может рассмотреть вопрос о применении соответствующих общих оснований освобождения от уголовной ответственности. Таким образом, законодатель закрепляет широкие возможности освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления против общественной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / ответственные редакторы профессор И. Я. Козаченко, профессор З. А. Незнамова. – 3-е изд., изм. и доп. – Москва : НОРМА : ИНФРА-М, 2001. – 553 с. – ISBN 5-89123-510-2.
2. **Филимонов, В. Д.** Охранительная функция уголовного права / В. Д. Филимонов. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. – 196 с. – ISBN 5-94201-167-2.

REFERENCES

1. Kozachenko I. YA., Neznamova Z. A. (red.) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal law. A common part]. Moscow, 2001. 553 p. (In Russ.).
2. Filimonov V. D. *Ohranitel'naya funkciya ugolovnogo prava* [The protective function of criminal law]. St. Petersburg, 2003. 196 p. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2020-10031
УДК 364.048.6

Социальная адаптация лиц, освобожденных из исправительных учреждений, в оценке общественного, правозащитного и профессионального мнения

В. И. СЕЛИВЕРСТОВ – профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Реферат

Статья посвящена анализу результатов социологических опросов граждан, представителей правозащитных и общественных организаций, а также сотрудников исправительных учреждений, проведенных Научно-образовательным центром «Проблемы уголовно-исполнительного права» им. Ю. М. Ткачевского Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в рамках научного исследования проблем социальной адаптации лиц, освобожденных из исправительных учреждений. Рассматриваются ответы респондентов по вопросам достижения цели исправления осужденных, социальных ценностей, которые могут обеспечить успех социальной адаптации, трудностей социальной адаптации и мер по ее совершенствованию.

Проблема социальной адаптации лиц, освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы, остается актуальной и вызвана не вполне благополучным положением дел в данной сфере. По мнению опрошенных, материальные и духовные ценности, наличие которых является основой для социальной адаптации освобождающихся лиц, остаются неизменными. В центре этих ценностей находятся семья, работа, жилье. Кроме того, большое значение для социальной адаптации бывших осужденных имеет наличие материальных средств и дружественных связей, сохранению (приобретению) которых необходимо уделить особое внимание в правотворческой и правоприменительной деятельности государства, общественной работе и практической деятельности исправительных учреждений.

Ключевые слова: осужденный; социальная адаптация; лишение свободы; исправительные учреждения; общественное мнение; правозащитные организации; общественные организации; сотрудники.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Social adaptation of persons released from correctional institutions in assessing public, human rights and professional opinion

V. I. SELIVERSTOV – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Moscow State M. V. Lomonosov University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of the results of sociological surveys of citizens, representatives of human rights and public organizations, as well as employees of correctional institutions conducted by the Scientific and Educational Yu. M. Tkachevsky Center «Problems of Penal Law» of the Moscow State M.V. Lomonosov University in the framework of a scientific study of the problems of social adaptation of persons released from correctional institutions. There are considered the answers of the respondents on the achievement of the goal of correction of convicted, social values that can ensure the success of social adaptation, difficulties of social adaptation and measures to improve it.

The problem of social adaptation of persons released from serving a sentence of imprisonment remains relevant and is caused by an unsatisfactory state of affairs in this area. According to the respondents, material and spiritual values, the presence of which is the basis for the social adaptation of those released, remain unchanged. At the center of these values are family, work, housing. In addition the availability of material means and friendly ties is of great importance for the social adaptation of former convicts, the preservation (acquisition) of which must be given special attention in the law-making and law enforcement activities of the state, public work and practical activities of correctional institutions.

Key words: convicted; social adaptation; imprisonment; correctional facilities; public opinion; human rights organizations; public organizations; staff.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

В результате проводимой в России правовой реформы была существенно гуманизирована сфера уголовного преследования лиц, совершивших преступления. Указанная тенденция коснулась как сроков, так и условий отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы. Последние были избавлены от не оправдавших себя ограничений, также были расширены возможности поддержания социальных связей осужденных с семьей и другим социально-позитивным окружением.

Несмотря на это, проблема социальной адаптации лиц, освобожденных от отбывания лишения свободы, остается одной из наиболее актуальных и по-прежнему привлекает внимание ученых [1; 4]. Во многом интерес объясняется тем, что ухудшились иные компоненты, ранее способствовавшие социальной адаптации бывших осужденных. Речь идет об обеспечении осужденных при отбывании наказания работой, в процессе которой осуществлялось поддержание общих и профессиональных трудовых навыков, способных пригодиться на свободе. Кроме того, в условиях рыночной экономики фактически исчезли ранее действовавшие (не всегда идеально) государственные механизмы трудоустройства бывших осужденных и обеспечения их жильем. Надежды на включение в эту сферу частного капитала не оправдались, хотя имеются отдельные и довольно интересные примеры участия бизнеса в обучении осужденных профессии с последующим трудоустройством на частных предприятиях [3, с. 50–52]. Общественный сектор, включая религиозные организации, также участвуют в работе по социальной адаптации осужденных, освобождаемых и освобожденных от отбывания лишения свободы, но их возможности серьезно ограничены недостатком материальных ресурсов. Все это вызывает необходимость продолжения изучения проблем социальной адаптации лиц, освобождаемых из исправительных учреждений, в современных условиях. На средства пожертвования Фонда поддержки социальных инноваций «Вольное Дело» при организационной поддержке Фонда развития юридического образования Научно-образовательным центром «Проблемы уголовно-исполнительного права» им. Ю. М. Ткачевского МГУ им. М. В. Ломоносова в 2019–2020 гг. разрабатывается научно-исследовательский проект «Теоретическая база социальной поддержки и защиты граждан, освобожденных из пенитенциарных учреждений».

В рамках указанного проекта была поставлена задача изучить общественное, правозащитное и профессиональное мнение по рассматриваемой проблеме. Эта задача была решена путем опроса 323 граждан из числа пользователей сети Интернет, 101 представителя правозащитных и общественных организаций и 103 сотрудников уголовно-исполнительной системы России.

Среди пользователей Интернета в опросе приняли участие 145 мужчин (44,9 %), 178 женщин (55,1 %). При незначительном перевесе респондентов в возрасте от 18 до 25 лет в опросе практически в равной степени приняли участие представители всех возрастных категорий. Больше половины опрошенных (54,5 %) имеют высшее образование, а 26,3 % – неполное высшее образование. Среди респондентов есть представители различных социальных групп, наиболее активными участниками опроса были учащиеся (29,7 %), лица, работающее по найму в предпринимательской сфере (17 %), госслужащие (14,9 %), пенсионеры (21,1 %).

В категорию «представители правозащитных организаций» попали сотрудники аппаратов Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации, а также лица, занимающиеся правозащитной деятельностью на общественных началах (71,7 %). В категорию «представители общественных организаций» вошли руководители и сотрудники благотворительных общественных организаций, фондов, председатели и члены общественных наблюдательных комиссий (ОНК), действующие в субъектах Российской Федерации (28,3 %).

Среди сотрудников исправительных учреждений в опросе приняли участие 84 мужчины (81,6 %), 19 женщин (18,4 %). Большинство опрошенных (74 чел., или 71,8 %) в возрасте от 26 до 45 лет, что связано с особенностями прохождения службы. Другие возрастные категории представлены следующим образом: 18–25 лет – 18 чел. (17,5 %); 46–60 лет – 11 чел. (10,7 %). 81,6 % опрошенных имеют высшее образование, 13,6 % – среднее профессиональное. По видам исправительных учреждений количество опрошенных распределилось так: колония-поселение – 19 чел. (18,4 %), исправительная колония общего режима – 23 чел. (22,3 %), исправительная колонии строгого режима – 44 чел. (42,7 %), исправительная колония особого режима – 17 чел. (16,5 %); по направлению деятельности: воспитательная – 47 чел. (45,6 %), безопасность – 27 чел. (26,2 %), оперативно-режимная – 18 чел. (17,5 %), организация труда – 5 чел. (4,9 %), социальная реабилитация – 3 чел. (2,9 %), психологическая – 3 чел. (2,9 %). Таким образом, в опросе приняли участие респонденты, непосредственно связанные с работой с осужденными и представляющие основные направления деятельности исправительных учреждений.

Для исследователей было важно получить своеобразный срез мнения по наиболее актуальным проблемам социальной реабилитации, поэтому отдельные вопросы повторялись для всех трех категорий респондентов.

Так, было интересно узнать, является ли проблема социальной адаптации лиц, освобожденных из исправительных учреждений, злободневной для опрашиваемых категорий. Оказалось, что социальная адаптация бывших осужденных волнует 81,4 % опрошенных граждан и 95,0% представителей правозащитных и общественных организаций (в отношении сотрудников персонала такой вопрос не ставился, поскольку презюмируется, что эта проблема их волнует по причине того, что социальная адаптация является частью их функциональных обязанностей). Такой высокий интерес в обществе к данной проблеме вполне объясним: и на личном опыте, и путем ознакомления с информацией в средствах массовой информации граждане, представители правозащитных и общественных организаций убедились в том, что от результативности этой работы зависит их личная безопасность. Кроме того, как выяснилось, у каждого четвертого (39,6 %) из числа опрошенных представителей правозащитных и общественных организаций социальная реабилитация бывших осужденных входит в круг их профессиональных или общественных обязанностей. Остальные опрошенные (60,4 %) также знакомы с деятельностью уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, поскольку занимаются вопросами, связанными с защитой и обеспечением прав подозреваемых, обвиняемых и осужденных, оказанием содействия исправительным учреждениям в различных сферах их деятельности и т. п.

Следует предположить, что озабоченность граждан, представителей общественных и правозащитных организаций вызвана не вполне благополучным положением дел в сфере социальной адаптации бывших осужденных. В 2020 г. заканчивается дей-

ствие Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 1772-р, в которой предполагалось проведение мероприятий, направленных на подготовку осужденного к освобождению и последующей адаптации в обществе, включая создание и деятельность в России службы пробации. Разговоров и планов по реализации задач концепции по улучшению положения в этой сфере социальной деятельности было много, а результатов нет, служба пробации не создана. Все это, видимо, вызывает тревогу у граждан, правозащитников и общественных деятелей.

А теперь перейдем к анализу ответов опрошенных. Интересные данные были получены о возможности исправления осужденных в местах лишения свободы. Ответ на этот вопрос был важен, поскольку от него зависит в целом успех социальной адаптации. Какой смысл предпринимать усилия по социальной адаптации, не веря в то, что они приведут к достижению поставленной перед наказанием цели исправления. Результаты ответа выглядят следующим образом:

Варианты ответов	Мнение граждан	Мнение представителей правозащитных и общественных организаций	Мнение сотрудников исправительных колоний
Да, верю	17,6	21,8	40,7
Нет, не верю	5	7,9	23,3
Это зависит от конкретного осужденного и вида совершенного преступления	73,4	48,5	24,3
Сомневаюсь в этом	4	21,8	11,7
Итого:	*100*	*100*	*100*
Оптимисты	91	70,3	65,0
Пессимисты	9	29,7	35,0
Итого:	*100*	*100*	*100*

Как мы видим, безусловная вера (и отсутствие веры) в успех достижения цели исправления осужденных напрямую зависит от степени вовлеченности в исправительный процесс, происходящий в местах лишения свободы.

Высокий процент безусловно верящих в возможность исправления осужденных у персонала исправительных учреждений (40,7 %). В совокупности с теми респондентами, которые допускают возможность такого исправления в зависимости от конкретного осужденного и вида совершенного преступления (24,3 %), доля оптимистически настроенных составляет почти ⅔ (65 %).

Может сложиться впечатление о некорректности проведенного исследования, поскольку прослеживается некая определенность (заданность) ответов персонала. Однако это не так, потому что опрос сотрудников исправительных учреждений проводился дистанционно. Кроме того, следует обратить внимание на то, что у персонала, по сравнению с гражданами и представителями правозащитных и общественных организаций, наблюдается наиболее высокий процент сомневающихся в достижении цели исправления осужденных (23,3 %). Вместе с сотрудниками, выражающими сомнение в возможности достижения цели исправления осужденных (11,7 %), доля пессимистически настроенных работников составляет более ⅓ (35 %). Такая поляризация мнения сотрудников исправительных учреждений едва ли возможна при проведении опроса под давлением каких-либо внешних сил.

Среди представителей правозащитных и общественных организаций доля лиц, безусловно верящих в возможность исправления осужденных, почти в два раза меньше, чем среди сотрудников исправительных учреждений, и составляет 21,8 %. Зато почти в два раза больше доля тех, кто допускает возможность такого исправления в зависимости от конкретного осужденного и вида совершенного преступления (48,5 %). Это свидетельствует о более осторожном подходе представителей правозащитных и общественных организаций к оценке возможностей пенитенциарной системы. В своей совокупности доля оптимистически настроенных представителей правозащитных и общественных организаций составляет 70,3 %, что превышает аналогичную долю среди опрошенных сотрудников исправительных учреждений.

Не верит в возможность исправления осужденных каждый двенадцатый опрошенный представитель правозащитной или общественной организации (7,9 %). В то же

время каждый пятый выражает сомнение в достижении в исправительных учреждениях цели исправления осужденных (21,8 %). Таким образом, доля респондентов, выражающих пессимистическую оценку, составляет 29,7 %, что несколько ниже, чем среди сотрудников исправительных учреждений.

Граждане, в отличие от сотрудников исправительных учреждений, а также представителей правозащитных и общественных организаций, довольно скептически относятся к тезису о безусловной «исправляемости» осужденных (17,6 %). Причинами такого положения являются, во-первых, то неблагополучное положение, которое имеет место в уголовно-исполнительной деятельности нашего государства. Провал тюремной реформы 2010–2016 гг., периодически вскрываемые факты коррупции, применения физической силы и иных нарушений прав осужденных накладывают отпечаток на оценку общественным мнением способности пенитенциарной системы исправить любого осужденного.

Во-вторых, нельзя отрицать последствия действия своеобразного информационного фильтра, через который в средства массовой информации, включая Интернет, как правило, попадает информация о повторных преступлениях осужденных, чрезвычайных происшествиях в уголовно-исполнительной системе и т. п. И это не проявление злого умысла, а действие законов рыночной экономики, поскольку средствам массовой информации, находясь в условиях жесткой конкуренции, необходимо выгодно продать свой информационный материал. А наибольшим спросом, к сожалению, в наше время пользуются дурные вести.

Все это не означает, что автор выступает за сокрытие фактов коррупции, нарушения прав осужденных и других негативных явлений от общественности. Просто необходим баланс в освещении событий, имеющих место при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы. Данный баланс обеспечить достаточно трудно, учитывая, что информация в средствах массовой информации (пресса и телевидение, отчасти Интернет) не подвергается цензуре, поскольку она в России запрещена. Однако эта информация подается в соответствии с редакционной политикой того или иного печатного органа или телевизионного канала, что создает препятствия (возможно, даже более серьезные, чем ранее существовавшая государственная цензура) для публикации позитивных материалов об исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в общем и социальной реабилитации бывших осужденных в частности. Это подтверждается опытом участия в подведении итогов проводимых Общественной палатой Российской Федерации, Советом общественных наблюдательных комиссий и Фондом поддержки социальных инноваций «Вольное Дело» ежегодных общероссийских конкурсов среди журналистов «Слово ранит, слово лечит» [6]. Согласно положению о проведении конкурса его основными целями являются: содействие изменению стереотипов общественного сознания, направленное на активное участие гражданского общества в социальной адаптации бывших осужденных; привлечение внимания органов исполнительной власти федерального и регионального уровней, а также институтов гражданского общества России к проблемам ресоциализации граждан, освободившихся из мест лишения свободы, популяризация темы в средствах массовой информации. Прошедшие в 2016–2019 гг. четыре конкурса были посвящены передовым практикам социальной адаптации бывших осужденных [5]. Они вызвали большой интерес печатных, телевизионных и радиовещательных средств массовой информации, интернет-сообщества к проблемам оказания помощи лицам, освобожденным от отбывания наказания в виде лишения свободы, стимулирования мотивации к правомерному поведению. Однако журналисты – победители конкурса федеральных и региональных средств массовой информации – неоднократно указывали на то, с каким трудом им удавалось преодолеть стереотипы редакционной политики, обусловленные коммерческими интересами и диктующие публикацию в первую очередь негативных, а не позитивных фактов закрепления бывших осужденных в обществе.

При всем скептицизме граждан относительно безусловного исправления осужденных в местах лишения свободы наиболее высока доля тех людей, кто допускает возможность такого исправления в зависимости от конкретного осужденного и вида совершенного преступления (73,4 %). Это свидетельствует о более осторожном подходе граждан к оценке возможностей пенитенциарной системы. Однако даже с учетом такой осторожности доля оптимистически настроенных граждан в совокупности составляет 91 %, что превышает аналогичный

показатель у сотрудников исправительных учреждений и представителей правозащитных и общественных организаций.

Не верит в возможность исправления осужденных каждый двадцатый опрошенный респондент из числа граждан (5 %). В то же время каждый двадцать пятый выражает сомнения в достижении в исправительных учреждениях цели исправления осужденных (4 %). Таким образом, доля респондентов рассматриваемой группы, выражающих пессимистическую оценку, составляет 9 %, что на порядок ниже, чем среди сотрудников исправительных учреждений и представителей правозащитных и общественных организаций.

Таким образом, опрос выявил довольно интересное соотношение оптимистов и пессимистов в оценке возможности исправления осужденных в пенитенциарных учреждениях России. Больше оптимистов оказалось среди населения (91 %), среднее значение имеют представители правозащитных и общественных организаций (70,3 %) и меньше всего – среди сотрудников исправительных учреждений (65 %). Все это свидетельствует о необходимости усиления разъяснительной работы с персоналом, актуализации важности и результативности деятельности по исправлению осужденных в исправительных учреждениях.

Ответы на вопрос «Какие социальные ценности могут удержать лицо, освобожденное из исправительной колонии (тюрьмы), от совершения повторного преступления?» выглядят следующим образом:

Варианты ответов	Мнение граждан	Мнение представителей правозащитных и общественных организаций	Мнение сотрудников исправительных колоний
Семья	66,9	71,3	79,6
Работа	50,2	68,3	35,0
Хобби	17,6	2,9	3,9
Наличие жилья	29,7	55,4	33,0
Материальные средства (имущество, деньги)	41,5	35,6	33,0
Дружеские связи	18,9	18,8	18,4
Образование	–	21,7	19,4
Иные ценности	4,3	9,9	2,0
Религиозные чувства	0,3	0,9	1,0
И те и другие в равной степени	24,1	11,8	2,9
Затрудняюсь ответить	5,6	2,9	7,8

Как видно из таблицы, основными ценностями для осужденных в понимании всех трех категорий респондентов должны попрежнему оставаться семья и работа. Именно семья (на нее указали соответственно 66,9 %, 71,3 % и 79,6 %) и работа (50,2 %, 68,3 % и 35 %), по мнению опрошенных, должны обеспечить успех социальной реабилитации бывших осужденных.

Третье и четвертое место делят такие ценности, как наличие жилья и материальных средств (имущества, денег). У респондентов из числа граждан наличие материальных средств, имущества и денег получило большее предпочтение (41,5 %), чем наличие жилья (29,7 %). Представители правозащитных и общественных организаций, наоборот, предпочтение отдали наличию жилья (55,4 %), а наличие материальных средств, имущества и денег поставили на четвертое место (35,6 %). У сотрудников исправительных учреждений эти ценности получили одинаковый рейтинг (33 %). Высокий уровень показателя материального достатка освобождаемого лица, конкурирующий с традиционным, еще советским элементом социальной адаптации освобожденных из мест лишения свободы в виде обеспеченности жильем, свидетельствует о действии рыночной экономики. Ее законы определили имущественное расслоение не только законопослушных граждан, но и осужденных в местах лишения свободы.

При анализе ответов обращает на себя внимание то, что у сотрудников исправительных учреждений рейтинг семьи (79,6 %) более чем в два раза превышает рейтинги работы (35 %) и наличия жилья (33 %). Это позволяет прийти к выводу о том, что по наблюдениям сотрудников семья осужденного является приоритетной ценностью, способной обеспечить социальную адаптацию осужденного после его освобождения и тем самым не допустить рецидива преступлений. Все это является еще одним аргументом в пользу переориентации всей

профилактической и воспитательной работы, проводимой с осужденными в исправительных учреждениях, на сохранение семьи и поддержание семейных отношений. Приоритетную роль семьи в социальной адаптации лиц, освобожденных из исправительных учреждений, отмечают и другие исследователи [2, с. 159].

На пятое место представители правозащитных и общественных организаций, сотрудники исправительных учреждений поставили образование (21,7 % и 19,4 % соответственно). При опросе граждан данная позиция не указывалась. Действительно, наличие профессионального образования является важной гарантией трудоустройства по освобождении из мест лишения свободы, а наличие работы, в свою очередь, является, по мнению опрошенных, первостепенной ценностью для бывших заключенных.

На шестом месте находится наличие у освобождаемого лица дружеских связей (18,9 %, 18,8 % и 18,4 %). Под ними следует понимать обширный круг взаимоотношений, имеющихся или возникших у бывшего осужденного по профессиональному, земляческому, национальному (национальные диаспоры) и другим демографическим признакам. Не следует исключать из этих связей и те из них, которые возникли во время отбывания наказания. Не все они, вопреки расхожему мнению обывателей, направлены на организацию дальнейшей преступной деятельности. Можно привести множество примеров (правозащитникам и членам общественных организаций они известны), когда освободившиеся из мест лишения свободы осужденные помогают своим бывшим сокамерникам обустроиться на свободе и вести правопослушный образ жизни.

Оставшиеся места заняли те социальные ценности, которые не получили высокого рейтинга среди опрошенных. Это наличие хобби (2,9 % и 3,9 %), за исключением респондентов из числа граждан, которые указали эту позицию в 17,6 % случаев, а также предложенные самими респондентами вера в закон и справедливость, мораль, религия и т. п.

Довольно интересны ответы респондентов на вопрос «Какие трудности в решении проблемы социальной адаптации лиц, освобожденных из исправительных колоний (тюрем), существуют в настоящее время?». Мнение граждан по данной проблеме не изучалось.

Варианты ответов	Мнение представителей правозащитных и общественных организаций	Мнение сотрудников исправительных колоний
Отсутствует политическая воля в решении этой проблемы	44,5	18,4
Нет экономических стимулов для участия в социальной адаптации	39,6	30,1
В общественном сознании нет понимания важности этой работы	45,5	25,2
Сами осужденные не проявляют стремления к правопослушному образу жизни	32,6	58,3
Наличие бюрократизма и равнодушия к людям	51,4	32,0
Иные трудности (какие)	0,0	10,8
Каких-либо трудностей нет	0,0	1,0
Затрудняюсь ответить	0,9	7,8
Иное мнение	2,9	0,0

Из ответов видно, что мнения представителей правозащитных, общественных организаций и сотрудников исправительных учреждений разделились. На первое место среди трудностей социальной адаптации сотрудники поставили отсутствие стремления к правопослушному образу жизни самих осужденных (58,3 %). С данным утверждением трудно спорить, поскольку именно сотрудники в повседневной деятельности наблюдают за поведением осужденных, знают их устремления и жизненные установки.

Представители правозащитных и общественных организаций в качестве основного препятствия к успешной социальной адаптации бывших осужденных видят наличие бюрократизма и равнодушие к людям (51,4 %), что также не может быть оспорено. Правозащитные и общественные организации при защите прав обратившихся к ним

граждан нередко сталкиваются с формальными отписками органов государственной власти, о чем, например, свидетельствуют ежегодные доклады Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации. К сожалению, 45,5 % опрошенных обратили внимание на то, что в общественном сознании нет понимания важности работы с бывшими осужденными. Этот вариант стал вторым по популярности среди ответов представителей правозащитных и общественных организаций.

На третьем месте у респондентов из числа представителей правозащитных и общественных организаций находится ответ об отсутствии политической воли в решении проблемы социальной адаптации бывших осужденных (44,5 %). При всем разнообразии понимания отдельных аспектов политической воли в сознании каждого человека и массовом сознании сложилось общее представление о ней, которое ассоциируется с решениями и последующими действиями по контролю их выполнения со стороны главы государства – Президента Российской Федерации. Указание в ответах на главу государства, который, по мнению респондентов, должен обеспечивать стратегию успеха во всех областях функционирования государства и общества, включая и социальную адаптацию освобожденных от отбывания лишения свободы, объясняется особенностями государственного устройства России, где функции главы государства достаточно обширны. Кроме того, известно, что правозащитные и общественные организации политизированы, в отличие от исправительных учреждений, сотрудники которых в своих ответах отсутствие политической воли в решении проблемы социальной адаптации бывших осужденных поставили на пятое место (18,4 %).

Примерно одинаково оценили респонденты отсутствие экономических стимулов для субъектов оказания содействия в социальной адаптации бывших осужденных: представители общественных и правозащитных организаций расположили их на четвертом месте (39,6 %), а сотрудники исправительных учреждений – на третьем (30,1 %).

Интересовали исследователей и перспективы развития социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Приведем варианты ответов на вопрос «Какие меры Вы можете предложить для активизации работы по социальной адаптации лиц, освобожденных из исправительных колоний (тюрем)?». (Мнение граждан по данному вопросу не изучалось.)

Варианты ответов	Мнение представителей правозащитных и общественных организаций	Мнение сотрудников исправительных колоний
Включение этого направления в число приоритетных национальных проектов России	11,8	21,4
Принятие отдельной государственной программы по социальной адаптации лиц, освобожденных из исправительных колоний (тюрем)	79,2	42,7
Реализация идеи об общественно-государственном партнерстве в сфере социальной адаптации	31,6	11,7
Создание дополнительных стимулов для субъектов, оказывающих содействие в социальной адаптации	36,6	30,1
Активное подключение бизнес-структур к этой работе	19,8	10,7
Активное подключение религиозных конфессий к этой работе	16,8	5,8
Иные предложения (какие)	1,9	0
Иное мнение	0,9	1
Затрудняюсь ответить	1,9	11,7

Как мы видим, респондентам было предложено выбрать между двумя конкурирующими политико-правовыми мерами: включением социальной адаптации лиц,

освобожденных из исправительных учреждений, в число приоритетных национальных проектов России и принятием отдельной государственной программы по данному направлению. Большинство опрошенных представителей правозащитных и общественных организаций отдали свой голос за принятие отдельной государственной программы (79,2 %). Первое направление получило лишь 11,8 %, хотя у опрашиваемых при заполнении анкеты, несомненно, был соблазн показать значимость той сферы, которая у правозащитников и членов общественных организаций вызывает особую озабоченность. Кроме того, следует учитывать проявляющийся у данной категории определенный радикализм в суждениях о практике нарушений прав человека и усилиях государства в этой сфере. Опираясь на этот радикализм и критический настрой, опрашиваемые могли бы просто «приподнять планку», предложив первый вариант ответа, а именно включение социальной адаптации лиц, освобожденных из исправительных учреждений, в число приоритетных национальных проектов России. Однако этого не произошло, что является довольно интересным результатом исследования. Видимо, сказалось не то, что указанная проблема не дотягивает до уровня национального проекта, а то, что пока еще не пришло время для ее включения в число национальных проектов. А для отдельной государственной программы решение указанной проблемы, по мнению большинства респондентов, вполне подходит.

Такой же вывод можно сделать при анализе ответов респондентов из числа сотрудников исправительных учреждений. За принятие отдельной государственной программы высказалось 42,7 % опрошенных, а за включение социальной адаптации лиц, освобожденных из исправительных учреждений, в число приоритетных национальных проектов России – наполовину меньше (21,4 %).

Респонденты предложили ряд частных мер в решении проблемы социальной адаптации лиц, освобожденных из исправительных учреждений: создание дополнительных стимулов для субъектов, оказывающих помощь в социальной адаптации лиц, освобожденных от отбывания лишения свободы (36,6 % и 30,1 % соответственно). В данном случае речь идет не только о материальных, но и о моральных стимулах. Например, известны случаи награждения, в том числе государственными наградами, активных граждан, оказывающих помощь социально не защищенным категориям: беженцам, инвалидам, сиротам, мигрантам и т. п. Однако нет ни одного случая такого высокого поощрения за работу с бывшими осужденными, за возвращение их в число правопослушных граждан.

Реализацию давно высказанной и нашедшей отражение в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. идеи об общественно-государственном партнерстве в социальной адаптации бывших осужденных отмечает треть (31,6 %) опрошенных представителей правозащитных и общественных организаций. Среди сотрудников исправительных учреждений данную идею поддерживает лишь 11,7 % респондентов. Это можно объяснить лишь тем, что она, несмотря на закрепление в политико-правовом документе государства, по-прежнему не нашла своей реализации на практике, что свидетельствует, по мнению респондентов, о ее нежизнеспособности.

Каждый пятый из числа опрошенных представителей правозащитных и общественных организаций (19,8 %) предложил активнее подключать к работе с бывшими осужденными бизнес-структуры. Среди сотрудников исправительных учреждений эту меру поддержал каждый десятый (10,7 %). При этом участие бизнеса должно выражаться не только в трудоустройстве осужденных на предприятиях, но и в обучении их новым профессиям непосредственно в исправительных учреждениях, в реализации различных проектов по снижению негативного восприятия гражданами бывших осужденных, поощрению новых креативных форм и методов социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Подключение в качестве меры по социальной адаптации к работе с бывшими осужденными религиозных конфессий отметили 16,8 % представителей правозащитных и общественных организаций. Надежды на религиозные организации сотрудников исправительных учреждения более скромные: лишь 5,8 % опрошенных связали с религиозными организациями надежды на улучшение положения в сфере социальной адаптации освобождаемых из исправительных учреждений. Это вполне ожидаемый результат, учитывая то, что традиционные для населения России религиозные конфессии (православие, ислам, иудаизм, буддизм) активно взаимодействуют в нравственном воспитании осужденных с исправительными учреждениями. Участвуют они и в ока-

зании помощи лицам, освобождаемым из исправительных учреждений. Например, Русская православная церковь предоставляет им место для временного проживания в монастырях, духовные представители ислама оказывают помощь освобожденным из исправительных учреждений мусульманам, в том числе в рамках деятельности национальных диаспор. Однако до конца роль религиозных организаций в социальной и воспитательной работе с осужденными до сих пор не определена, не предусмотрены в полном объеме гарантии их деятельности в местах лишения свободы.

Респондентами из числа сотрудников исправительных учреждений были предложены и иные меры по активизации работы по социальной реабилитации лиц, освобожденных от отбывания наказания, в частности: законодательное закрепление создания государственной службы пробации и социальной реабилитации (0,9 %), обязательное трудоустройство и обеспечение жильем (0,9 %).

В заключение следует сделать ряд выводов.

1. Проблема социальной адаптации лиц, освобожденных из исправительных учреждений, по-прежнему находится в сфере государственных и общественных интересов. Указанная проблема не надуманна, она не эфемерная, а реальная. Внимание граждан, представителей общественных и правозащитных организаций к ней вызвано не вполне благополучным положением дел в сфере социальной адаптации бывших осужденных.

2. Опрос выявил любопытное соотношение оптимистов и пессимистов в оценке возможности исправления осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы России. Большая доля оптимистов оказалась среди населения, среднее значение – среди представителей правозащитных и общественных организаций и самое низкое – среди сотрудников исправительных учреждений. В связи с этим необходимо усилить разъяснительную работу с персоналом исправительных учреждений о важности и результативности их работы по исправлению осужденных.

3. По мнению всех групп опрошенных, остаются неизменными те материальные и духовные ценности, помощь в приобретении и обладании которыми является основой для социальной адаптации лиц, освобожденных от отбывания наказания. В центре этих ценностей по-прежнему находится триада «семья – работа – жилье». В современных рыночных условиях актуальным для социальной адаптации бывших осужденных выступает наличие материальных средств и дружественных связей. На сохранение (приобретение) осужденными вышеуказанных ценностей необходимо обратить особое внимание в правотворческой и правоприменительной деятельности государства, в общественной и правозащитной работе, в практической деятельности исправительных учреждений.

4. Сотрудники исправительных учреждений полагают, что семья осужденного является приоритетной ценностью, способной обеспечить социальную адаптацию после освобождения и не допустить рецидива преступлений. Все это является еще одним аргументом в пользу переориентации всей профилактической и воспитательной работы, проводимой с осужденными в исправительных учреждениях, на сохранение семьи и поддержание семейных отношений.

5. Граждане, представители общественных и правозащитных организаций приходят к осознанию того, что не только государство и общество ответственны за социальную реабилитацию бывших осужденных (ранее эта точка зрения была преобладающей), но и сам бывший осужденный должен вносить свой вклад в реализацию намерения отказа от продолжения преступной деятельности.

6. На первых местах среди трудностей социальной адаптации стоят факторы субъективного характера: отсутствие стремления к правопослушному образу жизни самих осужденных и наличие бюрократизма и равнодушия к лицам, освобожденным от отбывания наказания. Это подтверждает вывод о том, что необходимо объединение усилий по решению проблемы социальной адаптации освобожденных лиц как на стадии исполнения лишения свободы, так и после окончания отбывания наказания.

7. Следует обратить внимание на реалистичный взгляд представителей общественных и правозащитных организаций, сотрудников исправительных учреждений на те общие меры, которые следует предпринять для решения проблемы социальной адаптации лиц, освобожденных из исправительных учреждений. Отказ от поддержки предложения о включении этого вопроса в число национальных проектов в России свидетельствует не о принижении значимости проблемы социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, а о сложностях ее решения в современных со-

циально-экономических условиях функционирования нашего государства.

8. Среди частных мер по активизации работы в сфере социальной адаптации следует особое внимание уделить созданию материальных и моральных стимулов для субъектов социальной адаптации, привлечению бизнес-структур и религиозных конфессий к оказанию помощи бывшим осужденным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Белова, Е. Ю.** Социальная адаптация несовершеннолетних осужденных в льготных условиях отбывания наказания : монография / Е. Ю. Белова, под научной редакцией В. И. Селиверстова. – Москва : Юрайт, 2020. – 156 с. – ISBN 978-5-534-12426-2.
2. **Попова, Е. Э.** Общественное воздействие как основное средство исправления осужденных : монография. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 200 с. – ISBN 978-5-4396-0848-5.
3. **Посмаков, П. Н.** Опыт реализации благотворительным фондом Олега Дерипаски «Вольное Дело» программы «Возвращение» по ресоциализации осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы, для включения в дорожную карту проекта руководства УНП ООН по вопросам внедрения, улучшения и управления реабилитационными программами в тюрьмах / П. Н. Посмаков // Взаимодействие государственных, общественных и некоммерческих организаций в вопросах ресоциализации и адаптации заключенных : сборник материалов конференции с руководителями реабилитационных центров, центров занятости, некоммерческих и общественных организаций с участием представителей органов исполнительной власти. – Москва : Общественная палата Российской Федерации, 2018. – С. 50–56.
4. Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество осужденных : монография / под редакцией Т. В. Кленовой. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 432 с. – ISBN 978-5-4396-1766-1.
5. Сборник материалов 4-го Всероссийского конкурса среди журналистов «Слово ранит, слово лечит» об успешных моделях постпенитенциарной ресоциализации граждан, как важного фактора профилактики повторных нарушений. – Москва : Общественная палата Российской Федерации, 2019. – 105 с.
6. Положение о конкурсе «Слово ранит, слово лечит». – URL: http://www.89.fsin.su/press_services/polozhenie-o-konkurse-slovo-ranit-slovo-lechit.php (дата обращения: 05.01.2020).

REFERENCES

1. Belova E. YU. *Social'naya adaptaciya nesovershennoletnih osuzhdennyh v l'gotnyh usloviyah otbyvaniya nakazaniya* [Social adaptation of juvenile prisoners in preferential conditions of enduring the punishment]. Moscow, 2020. 156 p. (In Russ.).
2. Popova E. E. *Obshchestvennoe vozdejstvie kak osnovnoe sredstvo ispravleniya osuzhdennyh* [Social impact as the main means of correction of convicts]. Moscow, 2015. 200 p. (In Russ.).
3. Posmakov P. N. Opyt realizacii blagotvoritel'nym fondom Olega Deripaski «Vol'noe Delo» programmy «Vozvrashchenie» po resocializacii osuzhdennyh, osvobozhdayushchihsya iz mest lisheniya svobody, dlya vklyucheniya v dorozhnuyu kartu proekta rukovodstva UNP OON po voprosam vnedreniya, uluchsheniya i upravleniya reabilitacionnymi programmami v tyur'mah [The experience of the Oleg Deripaska Charitable Fund's "Volnoe Delo" Implementation of the "Return" program for the re-socialization of convicts released from prison for inclusion in the roadmap of a draft UNODC guide on implementing, improving and managing rehabilitation programs in prisons]. *Sbornik materialov konferencii "Vzaimodejstvie gosudarstvennyh, obshchestvennyh i nekommercheskih organizacij v voprosah resocializacii i adaptacii zaklyuchennyh"* [Collection of materials of the conference "Interaction of state, public and non-profit organizations in the issues of re-socialization and adaptation of prisoners"]. Moscow, 2018, P. 50–56. (In Russ.).
4. Klenova T. V. (red.) *Resocializaciya i real'noe vklyuchenie v grazhdanskoe obshchestvo osuzhdennyh* [Resocialization and the actual inclusion of convicts in civil society]. Moscow, 2019. 432 p. (In Russ.).
5. *Sbornik materialov 4-go Vserossijskogo konkursa sredi zhurnalistov «Slovo ranit, slovo lechit» ob uspeshnyh modelyah postpenitenciarnoj resocializacii grazhdan, kak vazhnogo faktora profilaktiki povtornyh narushenij* [Collection of materials of the 4th All-Russian competition among journalists "The word hurts, the word heals" on successful models of post-prison resocialization of citizens as an important factor in the prevention of repeated violations]. Moscow, 2019. 105 p. (In Russ.).
6. *Polozhenie o konkurse «Slovo ranit, slovo lechit»* [Regulation on the contest "The word hurts, the word heals"]. Available at: http://www.89.fsin.su/press_services/polozhenie-o-konkurse-slovo-ranit-slovo-lechit.php (accessed 05.01.2020). (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2020-10032
УДК 343.3:349.85

Правовые и организационные основы противодействия религиозному экстремизму и террористической угрозе на современном этапе

Н. В. РУМЯНЦЕВ – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры административного права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент

Реферат

Религиозный экстремизм представляет собой особую опасность в местах лишения свободы. Осужденные становятся объектом вербовки. В данной статье рассматриваются вопросы распространения религиозного экстремизма и террористической угрозы на современном этапе, противодействия противоправной деятельности религиозных экстремистских и террористических организаций правоохранительными органами и общественными организациями. Распространение радикальной идеологии дестабилизирует нормальную деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы и, самое главное, способно приводить в общество новых приверженцев экстремизма. Комплексный план противодействия идеологии терроризма на 2019–2023 гг. стал консолидирующим документом для деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в организации работы по противодействию экстремистской деятельности. Особое внимание в статье уделяется профилактическим мерам по пресечению противоправных деяний. Например, эффективным опытом взаимодействия становятся встречи осужденных с священнослужителями, представителями церкви. Также отмечается важность взаимодействия сотрудников оперативных аппаратов учреждений уголовно-исполнительной системы с сотрудниками психологических, режимных и воспитательных подразделений, что делает предметным профилактическое вмешательство. Правоохранительными органами в настоящее время ведется повсеместная и целенаправленная работа по раскрытию преступлений экстремистского характера и террористической направленности, что приводит к положительным результатам. Тем не менее угроза экстремистской и террористической деятельности вызывает необходимость усиления взаимодействия всех государственных и общественных структур в профилактической работе в данном направлении и поиска новых форм и методов противодействия этим негативным явлениям.

Ключевые слова: профилактика; экстремизм; терроризм; правоохранительные органы; противодействие; уголовно-исполнительная система; места лишения свободы; органы внутренних дел; учреждение.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Legal and organizational basis for counteraction religious extremism and the terrorist threat at the present stage

N. V. RUMYANTSEV – Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Dsc. in Law, Associate Professor

Abstract

Religious extremism is a particular danger in prisons. Convicts become recruited. This article discusses the spread of religious extremism and the terrorist threat at the present stage, countering the unlawful activities of religious extremist and terrorist organizations

by law enforcement agencies and public organizations. The spread of radical ideology destabilizes the normal functioning of institutions of the penal system and, most importantly, is able to bring new adherents of extremism to society. Comprehensive plan to counter the ideology of terrorism for 2019–2023 became a consolidating document for the activities of federal executive bodies, executive bodies of the constituent entities of the Russian Federation and local governments in organizing work to counter extremist activities. Particular attention in the article is given to preventive measures to suppress illegal acts. For example, meetings of convicts with clergy and church representatives become an effective interaction experience. It also notes the importance of interaction between employees of the operational apparatuses of institutions of the penal system with employees of psychological, security and educational units, which makes substantive preventive intervention. Law enforcement agencies are currently conducting widespread and focused work on the disclosure of crimes of an extremist nature and terrorist orientation, which leads to positive results. Nevertheless the threat of extremist and terrorist activities necessitates the strengthening of the interaction of all state and public structures in preventive work in this direction and the search for new forms and methods of counteracting these negative phenomena.

Key words: prevention; extremism; terrorism; law enforcement agencies; counteraction; penal system; places of imprisonment; internal affairs bodies; institution.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Современные процессы глобализации и трансформации всех сфер человеческой жизни нередко приводят к необратимым негативным реакциям. Одна из них – радикализация отдельных социальных групп и индивидов. Актуальна проблема разработки современных методик профилактики подобных проявлений, создания научно обоснованных технологий работы с радикальной средой [4, с. 7].

Возрастающее в последние годы влияние религии на социально-политические процессы в большинстве регионов мира все больше сталкивается с усиливающимися вызовами религиозного экстремизма и террористической угрозы, казавшимися несколько десятилетий назад неприемлемыми. Процессы всемирной, политической и религиозной интеграции усиливают опасность глобальных вызовов, включая угрозы международного терроризма [1, с. 7].

Деструктивные проявления экстремистской направленности и террористического характера создали серьезные национальные проблемы не только в отдельных государствах, но и на международном уровне. И как отмечает один из известных политологов Фрэнсис Фукуяма, «базовый конфликт, перед которым мы стоим, гораздо шире и затрагивает не только небольшие группы террористов, но и всю общность радикальных исламистов и мусульман, для которых религиозная идентичность затмевает все другие политические ценности» [6, с. 14].

Обладая обширными финансово-экономическими возможностями и организованными влиятельными структурами, националистические сообщества экстремисткой направленности нередко осуществляют экспансию деструктивных проявлений в различных странах. Опасность их распространения увеличивается в условиях возрастающей миграции, совершенствования информационных и коммуникационных технологий и, что очень важно, усиления социальной напряженности.

Особое беспокойство вызывают и растущая профессиональная квалификация террористов и экстремистов, их высокий уровень конспиративности и степень организованности, укрепление межрегиональных связей, ориентация на причинение максимального ущерба, расширение арсенала технических средств, используемых для совершения террористических актов, высокий уровень финансового обеспечения и ряд других факторов, подтверждающих вывод об усиливающейся опасности современного экстремизма и терроризма и превращении их в стратегическую угрозу глобального масштаба.

Анализ имеющейся информации свидетельствует, что экстремистские и террористические проявления становятся одним из основных факторов, создающих серьезную угрозу национальной безопасности Российской Федерации, и являются важнейшей проблемой для нашего государства и общества. Эти явления существенно влияют на криминальную и криминогенную обстановку в стране, разрушают устоявшиеся правила и нормы поведения и нередко проявляются в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, таких как крупные террористические акты, совершенные на террито-

рии нашего государства с большим количеством жертв и пострадавших.

В 2013–2018 гг. в Российской Федерации были сформированы законодательные и организационные механизмы по противодействию идеологии терроризма, организовано кадровое, методическое и научное обеспечение данной деятельности, повышена действенность информационно-пропагандистских материалов антитеррористической направленности. Вместе с тем анализ деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по противодействию идеологии терроризма за этот период показал наличие неиспользованных резервов в организации работы по противодействию экстремистской деятельности.

Правоохранительные органы Российской Федерации постоянно информируют о непрекращающемся стремлении деструктивных сил к новым проявлениям террористического характера. Так, по сведениям руководства ФСБ России, только в 2019 г. ликвидировано 49 террористических ячеек и предотвращено 39 попыток совершения террористических актов на территории страны [2, с. 16]. В 2016–2018 гг. количество осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы, отбывающих наказание за экстремизм и терроризм, значительно увеличилось. Все это свидетельствует о серьезности создавшейся обстановки и необходимости принятия кардинальных шагов для решения этой проблемы.

В Комплексном плане противодействия идеологии терроризма на 2019–2023 гг. среди основных задач, которые должны решаться органами власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, Министерства образования и науки, Министерства просвещения России, органами исполнительной власти, осуществляющими полномочия в сферах культуры, молодежной и государственной национальной политики во взаимодействии с правоохранительными, общественными и религиозными организациями, обозначены следующие: реализация мер по формированию у населения Российской Федерации антитеррористического сознания; совершенствование мер информационно-пропагандистского характера и защиты информационного пространства Российской Федерации от идеологии терроризма; развитие организационных и иных мер, направленных на повышение результативности деятельности субъектов противодействия терроризму.

Среди государственных и исполнительных органов и общественных организаций, перед которыми поставлены задачи предупреждения вовлечения граждан в террористическую деятельность, одними из первых указаны Федеральная служба исполнения наказаний и Министерство внутренних дел Российской Федерации. Для каждого из этих ведомств определены следующие основные задачи:

– повышение эффективности профилактической работы с лицами, подверженными воздействию идеологии терроризма;

– проведение с лицами, отбывающими наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы, информационно-пропагандистских мероприятий по разъяснению преступной сущности и общественной опасности терроризма с привлечением религиозных и общественных организаций, психологов;

– осуществление с лицами, отбывающими наказание, профилактических мер в форме индивидуальных бесед;

– проведение с членами семьи лиц, причастных к террористической деятельности, бесед по разъяснению норм законодательства Российской Федерации за участие и содействие террористической и экстремистской деятельности;

– проведение профилактических мероприятий с лицами, состоящими на учете и находящимися под административным надзором в органах внутренних дел в связи с причастностью к совершению правонарушений в сфере общественной безопасности;

– повышение квалификации сотрудников, участвующих в реализации мероприятий по противодействию терроризму, и др.

Основные задачи по борьбе с экстремизмом и терроризмом на территории Российской Федерации и укреплению международного сотрудничества в данном направлении были детально рассмотрены на научно-практической конференции в марте 2019 г. в Московском университете МВД России им. В. Я. Кикотя, организованной совместно МВД и МИД России.

В мае 2019 г. в Новороссийске на совещании с руководителями центров противодействия экстремизму и терроризму территориальных подразделений органов внутренних дел подробно обсуждены актуальные проблемы противодействия экс-

тремистской деятельности и терроризму, взаимодействия с правоохранительными органами и задачи по их реализации.

Вопрос о взаимодействии служб и подразделений ФСИН России в обеспечении противодействия религиозному экстремизму и деструктивному поведению в местах лишения свободы, его научном обеспечении детально анализировался в ноябре 2019 г. на форуме руководителей и личного состава структурных подразделений и образовательных организаций в Академии ФСИН России.

В контексте противодействия дестабилизации национальной безопасности необходимо особое внимание уделять вопросам проникновения в учреждения уголовно-исполнительной системы идеологии экстремизма и терроризма, поскольку подозреваемые, обвиняемые и осужденные за эти виды негативной деятельности в местах лишения свободы, как показывает практика, продолжают свою противоправную деятельность, втягивая в свои ряды все новых адептов.

Испытывая серьезный психологический стресс, вызванный самим фактом наказания, осужденные становятся объектом вербовки, так как плохо разбираются в теологии и неспособны что-то противопоставить экстремистским взглядам. Низкий уровень материального достатка также нередко способствует материальной зависимости от экстремистских идеологов.

Следует отметить многочисленные примеры вербовки адептов за пределами учреждений уголовно-исполнительной системы. Как показывают исследования, далеко не всегда представителями радикальных движений из числа завербованных лиц выступают малообеспеченные лица из неблагополучных семей с низким уровнем образования [3, с. 31].

Анализ работы территориальных органов МВД, ФСИН России по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, совершаемых членами деструктивных религиозных организаций, показал, что преступная деятельность находит свое отражение в том числе и в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Преступная деятельность осужденных по созданию международного религиозного объединения и призывам к экстремистской деятельности в ходе проведения оперативных мероприятий в ряде региональных УФСИН России была задокументирована и стала основанием привлечения их к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ. Собранные сотрудниками учреждений уголовно-исполнительной системы данные о противоправной деятельности некоторых осужденных позволили изобличить их в совершении преступлений, связанных с распространением радикальной идеологии среди спецконтингента и привлечь к уголовной ответственности по ст. 205.5 УК РФ. Данные примеры свидетельствуют о необходимости использования крайней меры профилактики, коей является привлечение к уголовной ответственности осужденных за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности. Также результаты мониторинга в среде спецконтингента позволяют сделать вывод, что основная часть осужденных осознает активную позицию администрации учреждений по искоренению данной деструктивной деятельности.

В связи с декриминализацией законодательства стала активно использоваться административная форма ответственности по ст. 20.3 (пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики экстремистских организаций), ст. 20.29 КоАП РФ (производство и распространение экстремистских материалов). Анализ данных о привлеченных сотрудниками органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы к административной ответственности за экстремистскую деятельность свидетельствует об активизации как противоправных деяний со стороны деструктивных сил, так и действий по их пресечению со стороны правоохранительных органов.

Вовлечение населения, в том числе осужденных, в радикальную идеологию нередко происходит как по информационным источникам (Интернет), так и через печатную продукцию экстремистского направления. Для предотвращения распространения религиозной литературы органами внутренних дел и уголовно-исполнительной системы проводится ревизия библиотечных фондов, личной литературы осужденных. Однако многочисленные факты изъятия экстремистской литературы у осужденных свидетельствуют о постоянном стремлении радикальных идеологов к ее доставке на территорию учреждений уголовно-исполнительной системы и распространению за пределами мест лишения свободы.

Результативность профилактической работы по противодействию экстремистской и террористической деятельности во многом

зависит от уровня профессионализма сотрудников правоохранительных органов, государственных и общественных организаций.

Следует отметить важность взаимодействия сотрудников оперативных аппаратов учреждений уголовно-исполнительной системы с сотрудниками психологических, режимных и воспитательных подразделений, что делает предметным профилактическое вмешательство [5, с. 62]. Безусловно, необходимо и взаимодействие правоохранительных органов с сотрудниками различных государственных и общественных ведомств, ответственных за работу в этом направлении.

Говоря о положительном опыте решения задач, направленных на профилактику и противодействие религиозному экстремизму и терроризму, необходимо отметить деятельность священнослужителей, благотворно влияющих на исправление осужденных.

В настоящее время в МВД, ФСИН России и других правоохранительных органах реализуются мероприятия, направленные на выполнение задач по противодействию религиозному экстремизму и террористической угрозе. Учеными Научно-исследовательского института ФСИН России совместно с управлением кадров подготовлены методические рекомендации по основам подготовки кадров воспитательных, психологических, социальных и других служб уголовно-исполнительной системы к профилактике и противодействию религиозному экстремизму, запланированы и реализуются совместно со структурными подразделениями и образовательными организациями ФСИН России научно-исследовательские разработки, которые, несомненно, будут способствовать усилению профилактической работы по противодействию экстремистской и террористической деятельности. Аналогичная работа организована в научных и образовательных учреждениях МВД России.

Изучение общественных отношений, определение механизмов, основанных на выявлении, пресечении и раскрытии преступлений экстремистской направленности и террористического характера, будут способствовать эффективному применению профилактических мер в работе по данному направлению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вызовы религиозного экстремизма в глобализирующемся мире : монография / научные редакторы Р. Ф. Патеев, В. Т. Сакаев. – Казань : Фолиант, 2017. – 232 с. – ISBN 978-5-6040420-0-7.
2. Выступление министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова // Вестник Национального антитеррористического комитета. – 2017. – № 2 (17). – С. 14–19.
3. **Плотников, В. В.** Трансформация социального облика бывших участников праворадикальных движений / В. В. Плотников // Опыт дерадикализации и ресоциализации приверженцев экстремистских и террористических идеологий : материалы международной научно-практической конференции (Казань, 9–11 октября 2018 г.) / ответственный редактор Р. Ф. Патеев – Казань : Академия наук Республики Татарстан, 2018. – С. 31–36. – ISBN 978-5-9690-0591-3.
4. Приветственное слово вице-президента Академии наук Республики Татарстан Д. Ф. Загидуллиной // Опыт дерадикализации и ресоциализации приверженцев экстремистских и террористических идеологий : материалы международной научно-практической конференции (Казань, 9–11 октября 2018 г.) / ответственный редактор Р. Ф. Патеев. – Казань : Академия наук Республики Татарстан, 2018. – С. 7–8. – ISBN 978-5-9690-0591-3.
5. **Усманов, И. М.** «Зеленая» зона: реальность или провокация (практика противодействия радикализации осужденных в местах лишения свободы в Республике Татарстан) / И. М. Усманов, Ф. К. Зиннуров // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – № 1 (35). – С. 62–68.
6. **Фукуяма, Ф.** Началась ли история опять? – URL: www.russ.ru/politics/ 2002.11.12-fuku.html (дата обращения: 16.11.2019).

REFERENCES

1. Pateev R. F., Sakaev V. T. (red.) *Vyzovy religioznogo ekstremizma v globaliziruyushchemsya mire* [The Challenges of Religious Extremism in a Globalizing World]. Kazan, 2017. 232 p. (In Russ.).
2. Vystuplenie ministra inostrannyh del Rossijskoj Federacii S. V. Lavrova [Speech by Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey V. Lavrov]. *Vestnik Nacional'nogo antiterroristicheskogo komiteta – Bulletin of the National Anti-Terrorism Committee*, 2017, no. 2 (17), pp. 14–19. (In Russ.).
3. Plotnikov V. V. Transformaciya social'nogo oblika byvshih uchastnikov pravoradikal'nyh dvizhenij [Transformation of the social image of former participants in right-wing movements]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii "Opyt deradikalizacii i resocializacii priverzhencev ekstremistskih i terroristicheskih ideologij" (Kazan', 9–11 oktyabrya 2018 g.)* [Materials of the international scientific-practical conference "Experience of deradicalization and resocialization of adherents of extremist and terrorist ideologies" (Kazan, October 9–11, 2018)]. Kazan, 2018, pp. 31–36. (In Russ.).
4. Privetstvennoe slovo vice-prezidenta Akademii nauk Respubliki Tatarstan D. F. Zagidullinoj [Welcoming address by the Vice-President of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan D. F. Zagidullina]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii "Opyt deradikalizacii i resocializacii priverzhencev ekstremistskih i terroristicheskih ideologij" (Kazan', 9–11 oktyabrya 2018 g.)* [Materials of the international scientific-practical conference "Experience

of deradicalization and resocialization of adherents of extremist and terrorist ideologies" (Kazan, October 9–11, 2018)]. Kazan, 2018, pp. 7–8. (In Russ.).
5. Usmanov I. M., Zinnurov F. K. «Zelenaya» zona: real'nost' ili provokaciya (praktika protivodejstviya radikalizacii osuzhdennyh v mestah lisheniya svobody v Respublike Tatarstan) ["Green" zone: reality or provocation (practice of counteracting the radicalization of convicts in prisons in the Republic of Tatarstan)]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 1 (35), pp. 62–68. (In Russ.).
6. Fukuyama F. *Nachalas' li istoriya opyat'?* [Has the history begun again?]. Available at: www.russ.ru/politics/ 2002.11.12-fuku.html (accessed 16.11.2019). (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2020-10033
УДК 343.22

К вопросу о значении искусственного интеллекта в уголовном праве

Л. А. БУКАЛЕРОВА – профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Т. Н. УТОРОВА – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук;

Д. О. СИЗОВ – курсант 3 курса юридического факультета ВИПЭ ФСИН России

Реферат

В статье рассматриваются вопросы потенциальной криминализации преступных деяний, совершаемых искусственным интеллектом или с его участием. Дается оценка практике совершения общественно опасных деяний данным способом. Интересным также представляется анализ современного состояния и тенденций развития искусственного интеллекта. Авторы приводят ряд характерных черт, которые существенным образом отличают его от обычной программы как средства совершения преступления. Высказывается мнение о невозможности признания за искусственным интеллектом правосубъектности на современном этапе по причине открытости вопроса об эмоциональной сфере. В то же время допускается суждение о возможном приобретении искусственным интеллектом эмоциональной сферы. По мнению авторов статьи, эмоциональная сфера у живых существ зависит от нейробиологических и биохимических процессов, а моделирование подобных процессов в качестве информационной технологии способствовало бы наделению искусственного интеллекта эмоциональной сферой. Особое внимание уделяется вопросу юридической ответственности. Дается оценка повышенной общественной опасности преступлений, совершаемых с использованием искусственного интеллекта, в связи с чем предлагается расширение списка отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ, путем указания на использование высокотехнологичного способа. Данный признак также предлагается использовать в качестве квалифицирующего в статьях гл. 28 УК РФ.

Ключевые слова: искусственный интеллект; уголовная правосубъектность; юридическая ответственность; эмоциональная сфера; уголовно-правовое воздействие; отягчающее обстоятельство.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

On the problem of artificial intelligence in criminal law

L. A. BUKALEROVA – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor;

T. N. UTOROVA – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D. in Law;

D. O. SIZOV – 3rd year cadet of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

The article discusses the potential criminalization of criminal acts committed by or with the participation of artificial intelligence. An assessment is given of the practice of committing socially dangerous acts in this way. It is also interesting to analyze the current state and development trends of artificial intelligence. The authors cite a number of characteristic features that significantly distinguish it from the usual program as a means of committing a crime. The opinion is expressed about the impossibility of recognizing a legal personality as an artificial intelligence at the present stage due to the openness of the question of the emotional sphere. At the same time a judgment is made about the possible acquisition of the emotional sphere by artificial intelligence. According to the authors of the article the emotional sphere in living beings depends on neurobiological and biochemical processes and modeling of such processes as information technology would contribute to the endowment of artificial intelligence with the emotional sphere. Particular attention is paid to the issue of legal liability. An assessment of the increased social danger of crimes committed using artificial intelligence is given, in connection with which an extension of the list of aggravating circumstances provided for in Art. 63 of the Criminal Code of the Russiam Federation, by indicating the use of a high-tech method. This feature is also proposed to be used as qualifying in the articles of Ch. 28 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: artificial intelligence; criminal legal personality; legal responsibility; emotional sphere; criminal law impact; aggravating circumstance.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Технологии являются неотъемлемой частью нашей жизни. Различные сферы общественной жизни стремительно меняются под влиянием прогресса, в первую очередь благодаря внедрению информационных технологий. Уже никого не удивляют беспилотный транспорт, системы распознавания лиц и речи, голосовой помощник «Алиса», с которым можно разговаривать, онлайн-переводчики, система «Умный город», отслеживающая движение транспорта, работу светофоров, обрабатывающая информацию видеофиксации нарушений правил дорожного движения, позволяющая привлекать нарушителей к ответственности.

При этом информационные технологии постоянно совершенствуются. Так, в Мидлсекском университете Лондона разработана система «VALCRI», способная анализировать огромный массив полицейских данных о преступлениях (сведения из баз данных, допросов, осмотров мест происшествий, следы преступлений, орудия, фотографии, видеозаписи), связывая улики между собой. По почерку система предлагает следователям кандидатуры возможных преступников [18]. Искусственный интеллект пишет стихи и музыку. Так, компьютерный «музыкант» Amper записал музыку к новому альбому певицы Тарин Саутерн [7].

Под воздействием технологий качественно меняются сферы обороны и безопасности, медицинского обслуживания, торговли, производства, образования, финансового сектора и др., что требует своевременного правого регулирования. В распоряжении Правительства Российской Федерации от 01.11.2013 № 2036-р (ред. от 18.10.2018) «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года» говорится о том, что интеллектуальные системы должны стать неотъемлемой частью повседневной жизни уже к 2020 г. Среди приоритетных направлений исследований и разработок в области

информационных технологий стратегия называет программные технологии поддержки принятия решений в реальном времени с элементами искусственного интеллекта.

Век информационных технологий изменил не только характер общественной жизни, но и сущность преступности. Преступность приобрела информационный характер, появилась киберпреступность. Изобретение же искусственного интеллекта создало угрозу не только его использования в преступных целях, но и совершения преступлений самим «искусственным субъектом». Уже сейчас встречаются общественно опасные деяния, связанные с искусственным интеллектом, в частности случай с беспилотным автомобилем американской компании Uber, совершившим наезд на женщину в Аризоне, повлекший смерть потрепевшей [17]. Вполне реально создание системы, направленной на разрушение и уничтожение, в том числе и людей.

Обратимся к понятию киберпреступности. Исследователи солидарны в том, что данное понятие шире термина «компьютерное преступление». Отмечается, что киберпреступность представляет собой совокупность преступлений или видов преступлений, совершаемых с помощью или посредством компьютерных систем, сетей, технических устройств, иными словами, посредством информационных технологий [2; 15]. То есть информация, технические средства, а также программы выступают в качестве средств или способа совершения преступлений. Но всегда ли данное утверждение истинно?

Развитие систем искусственного интеллекта порождает много вопросов, в том числе о правосубъектности и юридической ответственности данного интеллекта.

В УК РФ не предусмотрено деяний, совершаемых искусственным интеллектом либо с его использованием. Но и современный уровень развития искусственного интеллекта пока еще свидетельствует о его зависимости от создателя – физического лица, однако в перспективе велика вероятность его самостоятельной противоправной деятельности. Деяния искусственного интеллекта либо с его использованием обладают общественной опасностью, поэтому необходимо заблаговременно доктринально исследовать вопрос криминализации. В настоящее время ст. 273 УК РФ предусматривает ответственность за создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ и иной компьютерной информации. В этом составе программа или иная компьютерная информация рассматриваются в качестве предмета преступления. Возможно, искусственный интеллект и можно отнести к категории иной компьютерной информации, но всегда ли можно его рассматривать как предмет, способ или средство совершения преступления. Что если искусственный интеллект может представлять что-то большее? В чем отличие искусственного интеллекта от других информационных технологий?

Впервые понятие искусственного интеллекта было дано американским информатиком Джоном Маккарти в 1956 г., под которым он понимал способность машины, компьютера или иной системы мыслить так же разумно, как человек [8]. Иными словами, это не просто компьютерная программа, способная создавать новую информацию, четко следуя заданному алгоритму, а особая информационная технология, обладающая свойствами, сходными со свойствами человеческого разума, способная к автономной работе, обучению и адаптации к изменяющимся условиям окружающей среды.

Программа – это алгоритм (набор поэтапно расположенных команд), позволяющий компьютеру выполнить задачу, поставленную перед ним пользователем. В отличие от программы, искусственный интеллект способен принимать обоснованные и рациональные решения в зависимости от имеющейся у него информации, предугадывать действия других лиц, планируя собственные. Так, в 1997 г. искусственный интеллект «Deep Blue» обыграл лучшего на тот момент шахматиста планеты Гарри Каспарова, который считал, что человек легко способен обыграть расчетливый компьютер за счет нестандартного мышления. Однако искусственный интеллект, вопреки ожиданиям, выстроил стратегию ходов, которую шахматист не мог объяснить с точки зрения человеческой логики. В конечном итоге машина одержала победу. В последующем Г. Каспаров принял участие еще в двух подобных матчах в 2002 и 2003 гг., которые закончились ничьей [9].

Развитие современной науки позволило применять в технологии искусственного интеллекта нейросети, которые дают ему возможность машинного обучения – приобретения опыта методом проб и ошибок [12]. В настоящее время подобные нейросети уже способны самостоятельно обрабатывать картины и фотографии, обыгрывать людей в компьютерные игры, сочинять осмысленные

предложения и даже писать сюжеты книг и рассказов [6; 11; 13; 14].

Таким образом, уже сегодня искусственный интеллект обладает такими отличительными свойствами, как планирование и прогнозирование действий и их последствий, обработка информации, самостоятельность в принятии решений, а также обучаемость. Но остается еще одна существенная деталь – цели и задачи искусственного интеллекта формулирует и задает человек. В то же время с развитием технологий ситуация может измениться, интеллект сам сможет определять направления своей деятельности. Наличие вышеуказанных свойств позволит признать искусственный интеллект не средством или способом, а искусственным лицом. Уже звучат высказывания о признании ботов полноправными членами общества. Более того, робот София гонконгской компании Hanson Robotics получила гражданство в Саудовской Аравии, при том что в этой стране нет такого права у женщин. На вопрос «Обладают ли роботы разумом и самосознанием?» София ответила вопросом: «Откуда вы знаете, что вы человек». Более того, сказала: «Если вы будете хорошо относиться ко мне, я буду хорошо относиться к вам» [3].

Некоторые исследователи допускают признание искусственного интеллекта субъектом преступления и уголовной ответственности [1]. В то же время уголовная ответственность подразумевает наложение определенной санкции – уголовного наказания с последующей судимостью. В ч. 1 ст. 43 УК РФ определяется, что уголовное наказание заключается в лишении или ограничении прав и свобод лица. Возникает вопрос: может ли искусственный интеллект быть наделен правами и свободами? В настоящее время нормативная база, регулирующая вопросы робототехники, отсутствует. Но даже если предусмотреть такие права и свободы, то какие санкции применить к подобному субъекту? Какие из них удовлетворяли бы всем целям уголовного наказания (восстановление социальной справедливости, предупреждение совершения новых преступлений, исправление осужденного)?

В последнее время зарубежные и отечественные авторы все чаще задаются вопросами: является ли робот личностью или вещью? кто должен нести ответственность за его действия? Преобладает мнение о возложении ответственности на человека, который так или иначе повлиял на действия искусственного интеллекта, – разработчика, производителя, продавца, пользователя, в зависимости от наличия вины. В случае соблюдения всех необходимых требований указанными лицами возлагать на них ответственность за действия искусственного интеллекта недопустимо. Подобные ситуации подпадают под невиновное причинение вреда, поэтому для нивелирования наступивших последствий необходимо предусмотреть обязательное страхование гражданской ответственности. Предложение отдельных авторов о введении так называемой «строгой ответственности» игнорирует субъективную сторону состава преступления, противоречит самому понятию преступления и принципу вины [10].

По нашему мнению, несмотря на развитость «мыслительных» процессов, искусственный интеллект не может быть признан субъектом преступления по причине открытости вопроса об эмоциональной сфере, которой у него нет [10]. Именно поэтому машина (в частности, искусственный интеллект) не может быть подвергнута уголовно-правовому воздействию. Отсутствие эмоциональной сферы делает невозможным воздействие на подобного субъекта и как следствие влечет недостижение целей уголовного наказания.

Однако нельзя исключить возможность наделения в будущем искусственного интеллекта эмоциями.

Потенциально он может обладать эмоциональной сферой. В современной криминологической науке существует мнение о биологической обусловленности преступного поведения, которая базируется на влиянии биохимических процессов в головном мозге человека на его преступное поведение [4; 5]. У эмоций, как и у рационального мышления, существует определенный нейробиологический и биохимический механизм. Значит, можно допустить, что развитие науки и техники позволит воспроизвести подобные механизмы для искусственного интеллекта. Именно это станет отправной точкой появления у такого лица уголовной правосубъектности. Уже сейчас разрабатываются несколько проектов моделирования человеческого мозга («Human Brain Project», «Brain Activity Map Project»), чтобы воспроизвести его деятельность в виде аппаратного и программного обеспечения [16].

Не менее важен аспект наделения искусственного интеллекта моралью. Исследователи из Массачусетского технологического института уже создали пробную модель «Moral Machine», которую обучили

принятию решений, нарушающих закон робототехники о том, что робот не может принести вред человеку. Пока же искусственный интеллект не наделен эмоциями, возможно введение мер электронной изоляции или уничтожения в случае, если это физически осуществимо и выступает как уголовно-правовая мера обеспечения безопасности людей.

Совершение преступления с причастностью к этому искусственного интеллекта (своего рода специфическое соучастие) можно рассматривать как обстоятельство, отягчающее ответственность злоумышленника, так как вероятность достижения желаемого результата при этом многократно увеличивается. В связи с чем предлагаем расширить список отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ, указанием на использование высокотехнологичного способа. В статьях гл. 28 УК РФ указанный признак может быть использован как квалифицирующий.

Таким образом, в настоящее время совершение преступления с использованием искусственного интеллекта нельзя рассматривать как соучастие, в котором он выступает в качестве исполнителя или соисполнителя, а злоумышленник – в качестве организатора. Однако в обозримом будущем можно говорить о потенциальной возможности приобретения искусственным лицом уголовной правосубъектности в связи с развитием его эмоциональной сферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аверинская, С. А.** Создание искусственного интеллекта с целью злонамеренного использования в уголовном праве Российской Федерации / С. А. Аверинская, А. А. Севостьянова // Закон и право. – 2019. – № 2. – С. 94–96.
2. **Бутусова, Л. И.** К вопросу о киберпреступности в международном праве / Л. И. Бутусова // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 2. – С. 48–52.
3. Герои будущего. Как работает искусственный интеллект. – URL: https://www.iphones.ru/iNotes/781064 (дата обращения: 02.02.2020).
4. **Думанская, Е. И.** Биологическая обусловленность индивидуального преступного поведения / Е. И. Думанская // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Право. – 2009. – № 20. – С. 45–48.
5. **Думанская, Е. И.** Мотивация: проблема неосознаваемого в преступном поведении / Е. И. Думанская // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Право. – 2011. – № 28. – С. 47–50.
6. Еще одна нейросеть – художник. – URL: https://pikabu.ru/story/eshche_odna_neyroset__khudozhnik_4161389 (дата обращения: 02.02.2020).
7. Искусственный интеллект Amper написал музыку для альбома американской певицы. – URL: https://nplus1.ru/news/2017/08/23/taryn-feat-amper (дата обращения: 02.02.2020).
8. Искусственный интеллект. – URL: http://cyclowiki.org/wiki/Искусственный_интеллект (дата обращения: 02.02.2020).
9. Как компьютер обманул Каспарова. – URL: https://www.championat.com/other/article-3259469-18-let-nazad-kasparov-proigral-deep-blue.html (дата обращения: 21.07.2019).
10. **Кибальник, А. Г.** Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов / А. Г. Кибальник, П. В. Волосюк // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4. – С. 173–178.
11. Нейронную сеть научили анимировать персонажей. – URL: https://www.mirf.ru/news/nejronnuyu-set-nauchili-animirovat-personazhej (дата обращения: 02.02.2020).
12. Нейросети: что это такое и как работает. – URL: https://www.mirf.ru/science/kak-rabotayut-nejroseti (дата обращения: 02.02.2020).
13. Нейросеть дописала пять глав книги «Ветра зимы» за Джорджа Мартина. – URL: https://www.mirf.ru/news/nejroset-dopisala-pyat-glav-knigi-vetra-zimy-za-dzhordzha-martina (дата обращения: 02.02.2020).
14. Нейросеть победила двух про-игроков в Starcraft II. – URL: https://www.mirf.ru/news/nejroset-pobedila-dvuh-pro-igrokov-v-starcraft-ii (дата обращения: 02.02.2020).
15. **Номоконов, В. А.** Киберпреступность как новая криминальная угроза / В. А. Номоконов, Т. Л. Тропина // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2012. – № 1 (24). – С. 45–55.
16. **Пройдаков, Э. М.** Современное состояние искусственного интеллекта / Э. М. Пройдаков // Науковедческие исследования, 2018 : сборник научных трудов / ответственный редактор А. И. Ракитов. – Москва : ИНИОН РАН, 2018. – С. 129–153. – ISBN 948-5-248-00894-0
17. Сбивший женщину в США беспилотный автомобиль Uber не «узнал» в ней пешехода. – URL: https://ria.ru/20191106/1560639919.html (дата обращения: 02.02.2020).
18. Создан искусственный интеллект, раскрывающий преступления. – URL: https://hinews.mediasole.ru/sozdan_iskusstvennyy_intellekt_raskryvayuschiy_prestupleniya (дата обращения: 02.02.2020).

REFERENCES

1. Averinskaya S. A., Sevost'yanova A. A. Sozdanie iskusstvennogo intellekta s cel'yu zlonamerennogo ispol'zovaniya v ugolovnom prave Rossijskoj Federacii [The creation of artificial intelligence for the purpose of malicious use in the criminal law of the Russian Federation]. *Zakon i pravo – Law and right*, 2019, no. 2, pp. 94–96. (In Russ.).
2. Butusova L. I. K voprosu o kiberprestupnosti v mezhdunarodnom prave [On the issue of cybercrime in international law]. *Vestnik ekonomicheskoj bezopasnosti – Bulletin of Economic Security*, 2016, no. 2, pp. 48–52. (In Russ.).
3. *Geroi budushchego. Kak rabotaet iskusstvennyj intellekt* [Heroes of the future. How Artificial Intelligence Works]. Available at: https://www.iphones.ru/iNotes/781064 (accessed 02.02.2020). (In Russ.).
4. Dumanskaya E. I. Biologicheskaya obuslovlennost' individual'nogo prestupnogo povedeniya [Biological conditionality of individual criminal behavior]. *Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Pravo" – Bulletin of the South Ural State University. Series «Law»*, 2009, no. 20, pp. 45–48. (In Russ.).

5. Dumanskaya E. I. Motivaciya: problema neosoznavaemogo v prestupnom povedenii [Motivation: The Problem of Unconscious Criminal Behavior]. *Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Pravo" – Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*, 2011, no. 28, pp. 47–50. (In Russ.).
6. *Eshche odna nejroset' – hudozhnik* [Another neural network is an artist]. Available at: https://pikabu.ru/story/eshche_odna_neyroset__khudozhnik_4161389 (accessed 02.02.2020). (In Russ.).
7. *Iskusstvennyj intellekt Amper napisal muzyku dlya al'boma amerikanskoj pevicy* [Artificial Intelligence Amper wrote music for American singer's album]. Available at: https://nplus1.ru/news/2017/08/23/taryn-feat-amper (accessed 02.02.2020). (In Russ.).
8. *Iskusstvennyj intellekt* [Artificial Intelligence]. Available at: http://cyclowiki.org/wiki/Искусственный_интеллект (accessed 02.02.2020). (In Russ.).
9. *Kak komp'yuter obmanul Kasparova* [How the computer deceived Kasparov]. Available at: https://www.championat.com/other/article-3259469-18-let-nazad-kasparov-proigral-deep-blue.html (accessed 21.07.2019). (In Russ.).
10. Kibal'nik A. G., Volosyuk P. V. Iskusstvennyj intellekt: voprosy ugolovno-pravovoj doktriny, ozhidayushchie otvetov [Artificial Intelligence: Pending Criminal Doctrine Questions]. *YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii – Jurisprudence and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 4, pp. 173–178. (In Russ.).
11. *Nejronnuyu set' nauchili animirovat' personazhej* [Neural network taught to animate characters]. Available at: https://www.mirf.ru/news/nejronnuyu-set-nauchili-animirovat-personazhej (accessed 02.02.2020). (In Russ.).
12. *Nejroseti: chto eto takoe i kak rabotaet* [Neural networks: what is it and how does it work]. Available at: https://www.mirf.ru/science/kak-rabotayut-nejroseti (accessed 02.02.2020). (In Russ.).
13. *Nejroset' dopisala pyat' glav knigi «Vetra zimy» za Dzhordzha Martina* [The neural network has added five chapters of the book "Winds of Winter" for George Martin]. Available at: https://www.mirf.ru/news/nejroset-dopisala-pyat-glav-knigi-vetra-zimy-za-dzhordzha-martina (accessed 02.02.2020). (In Russ.).
14. *Nejroset' pobedila dvuh pro-igrokov v Starcraft II* [Neural Network defeats two pro players in Starcraft II]. Available at: https://www.mirf.ru/news/nejroset-pobedila-dvuh-pro-igrokov-v-starcraft-ii (accessed 02.02.2020). (In Russ.).
15. Nomokonov V. A., Tropina T. L. Kiberprestupnost' kak novaya kriminal'naya ugroza [Cybercrime as a new criminal threat]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra – Criminology: yesterday, today, tomorrow*, 2012, no. № 1 (24), pp. 45–55. (In Russ.).
16. Projdakov E. M. Sovremennoe sostoyanie iskusstvennogo intellekta [The current state of artificial intelligence]. *Trudy INION RAN "Naukovedcheskie issledovaniya"* [Proceedings of the ISISS RAS "Science Studies"], 2018, pp. 129–153. (In Russ.).
17. *Sbivshij zhenshchinu v SSHA bespilotnyj avtomobil' Uber ne «uznal» v nej peshekhoda* [Uber who shot down a woman in the USA did not "recognize" a pedestrian in it]. Available at: https://ria.ru/20191106/1560639919.html (accessed 02.02.2020). (In Russ.).
18. *Sozdan iskusstvennyj intellekt, raskryvayushchij prestupleniya* [Created artificial intelligence revealing crimes]. Available at: https://hinews.mediasole.ru/sozdan_iskusstvennyy_intellekt_raskryvayuschiy_prestupleniya (accessed 02.02.2020). (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2020-10034
УДК 67.409

Проблемы унификации военно-уголовного и процессуального законодательства XIX – начала XX вв.

Т. Ю. СУХОНДЯЕВА – доцент кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

А. Л. САНТАШОВ – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент

Реферат

Предметом исследования стали теоретические и прикладные вопросы формирования военно-уголовного и процессуального законодательства XIX – начала XX вв. Цель работы – дать объективную характеристику процессам унификации и дифференциации соответствующих отраслей права криминального цикла.

В работе использовались традиционные для правового исследования методы: диалектический, индукция и дедукция, системный, сравнительно-правовой.

По мнению авторов, существуют три способа систематизации правовых норм, разработанных юридической наукой и использовавшихся в России в XIX в. Первый и

самый простой способ объединения разрозненных законодательных актов состоит в том, что разновременно изданные акты собирались в одном издании в хронологическом порядке согласно времени их обнародования. Второй способ – систематическое изложение действующего права с разделением норм по отраслям права и далее по отделам, рубрикам, отделениям и другим структурным элементам, соответствующим юридическим институтам и отношениям. Такой способ получил название инкорпорации. Третьей, высшей, стадией систематизации законодательства считался процесс кодификации. Задача кодификации виделась в том, чтобы объединить действующее право на таких основополагающих началах, которые оставались бы неизменными при последующих изменениях и дополнениях права в соответствии с новыми потребностями государства и общества, не нарушая при этом логической стройности и внутреннего единства существующей юридической системы.

Результатами работы стала научно обоснованная концепция развития межотраслевой унификации военно-уголовного и процессуального законодательства.

Ключевые слова: унификация; дифференциация; систематизация; кодификация; военно-уголовное и процессуальное законодательство; свод военных постановлений.

12.00.09 – Уголовный процесс;
12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Problems of unification of the military-criminal and procedural legislation in the XIX – early XX centuries

T. YU. SUKHONDYAEVA – Associate Professor of the Civil Law Department of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, PhD. in Law, Associate Professor;

A. L. SANTASHOV – Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor

Abstract

The subject of the study was the theoretical and applied issues of the formation of military-criminal and procedural legislation of the XIX - early XX centuries. The purpose of the work is to give an objective description of the processes of unification and differentiation of the relevant branches of the criminal cycle law.

In the work methods traditional for legal research were used: dialectic, induction and deduction, systemic, comparative legal.

According to the authors there are three ways to systematize legal norms developed by legal science and used in Russia in the 19th century. The first and easiest way to combine disparate legislative acts is that acts published at the same time are collected in one edition in chronological order according to the time of their publication. The second method is a systematic presentation of existing law with the division of norms by branches of law and further by parts, headings, sections and other structural elements, relevant legal institutions and relations. This method is called incorporation. The third, highest, stage of systematization of legislation was considered the codification process. The task of codification was to unite the existing law on such fundamental principles that would remain unchanged with subsequent changes and additions to the law in accordance with the new needs of the state and society, without violating the logical structure and internal unity of the existing legal system.

The results of the work became a scientifically based concept for the development of intersectoral unification of the military criminal and procedural legislation.

Key words: unification; differentiation; systematization; codification; military criminal and procedural legislation; set of military decrees.

12.00.09 – Criminal trial;
12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

В период преобразований Петра I происходит формирование российского военного законодательства. Основными законодательными актами, обобщавшими как общегосударственные, так и собственно военные нормы права на протяжении XVIII в., являлись Соборное уложение 1649 г. и Устав воинский 1716 г. В период с 1699 по 1725 г. было принято более 20 общих военно-правовых актов, содержащих нормы только уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исправительного характера, а также более ста указов соответствующей тематики [1, с. 64]. Огромное количество норм находилось в многочисленных регламентах, манифестах, именных и сенатских указах, «учреждениях», «регулах», инструкциях и других актах, нередко противоречащих друг другу. За период царствования Петра I было принято более трех тысяч правительственных актов, а во второй четверти XVIII в. ежегодно издавалось не менее двухсот, из которых были опубликованы не более половины. Для того чтобы согласовать их с Соборным уложением (которое продолжало считаться основным законодательным актом) и между собой, Петром I и его преемниками в течение XVIII в. и в первой четверти XIX в. десять раз образовывались специальные «уложенные комиссии» [2, с. 478–493]. Следует отметить, что развитие норм военного права находится в контексте более широкой тенденции, связанной с развитием российского права в целом. В период становления абсолютизма начинает развиваться отраслевая дифференциация законодательства. При этом почти одновременно проявляется стремление к унификации этих дифференцирующихся отраслей. Таким образом, российское право начинает оформляться в систему отраслевых законодательных актов, подлежащих дальнейшей систематизации. Начало этому процессу положила деятельность Петра I. При его особом внимании к проблемам военного строительства вполне объяснимым представляется тот факт, что военное право подверглось систематизации в первую очередь.

Несмотря на неоднократные попытки в истории российского права провести кодификационную работу как в общегражданском, так и в военном законодательстве, идея составления из разнообразных военных законов и постановлений единого систематизированного целого впервые была осуществлена в только в первой половине XIX в. Представляется необходимым пояснить три разработанных юридической наукой и использовавшихся в России в XIX в. способа систематизации правовых норм [5, с. 7]. Первый и самый простой способ объединения разрозненных законодательных актов – это размещение в одном издании опубликованных актов в хронологическом порядке согласно времени их обнародования, второй – систематическое изложение действующего права с разделением норм по отраслям права и далее по отделам, рубрикам, отделениям и другим структурным элементам, соответствующим юридическим институтам и отношениям, то есть инкорпорация. Конечным результатом такой работы должен был стать свод действующих законов и продолжения к нему. Третьей, высшей, стадией систематизации законодательства считался процесс кодификации, цель которой виделась в объединении действующего права на таких основополагающих началах, которые оставались бы постоянными при последующих изменениях и дополнениях права в соответствии с новыми потребностями государства и общества, не нарушая при этом логической стройности и внутреннего единства существующей юридической системы. Предметным выражением такой деятельности являлось составление кодекса законов. Необходимым условием успешности кодификации при этом является непосредственное участие кодификационного органа в нормотворческой деятельности с целью согласования разрабатываемых норм с уже существующими и возможными будущими нормами права.

Создание единого кодекса, несмотря на все сделанные еще в XVIII в. попытки, так и осталось недостижимой целью для общего законодательства Российской империи. Однако первые два способа нашли свою практическую реализацию в России первой половины XIX в. при систематизации как общегосударственных законов, так и военного законодательства. Несмотря на объективную потребность в систематизированном законодательстве, начало практической работы было связано (как это было не раз в отечественной истории) с субъективным фактором, а именно с появлением адекватных масштабу поставленных задач личностей. Говоря о кодификации российского права, трудно переоценить роль М. М. Сперанского, под непосредственным руководством которого было осуществлено первое издание Полного собрания законов Российской империи [3, с. 66–67]. Также следует отметить непродолжительную по времени, но результативную работу «Ко-

миссии для составления военных уставов, уложений и для постепенного преобразования всех частей воинского управления» (Рос. гос. военно-ист. арх. Ф. 30. Оп. 1/125а. Д. 1. Л. 23–27), образованной 2 июня 1811 г. вместо упраздненного «комитета Апраксина». Возглавил комиссию сподвижник М. М. Сперанского статс-секретарь департамента законов Государственного совета М. Л. Магницкий. В состав комиссии входили шесть редакторов с помощниками, канцелярия, архив и библиотека. Позднее в штат комиссии были введены две должности иностранных редакторов для работы с уложениями иностранных государств. Несмотря на то что комиссия проработала не более года, ей удалось найти и обобщить огромное количество (около пяти тысяч) ранее принятых актов военного права, а также подготовить три положения, определивших административное устройство армии: Учреждение (Рос. гос. военно-ист. арх. Ф. 30. Оп. 1/125б. Св. 9. Д. 28. Л. 1–56) и новые штаты военного министерства (Рос. гос. военно-ист. арх. Св. 11. Д. 2. Л. 139–155), а также Учреждение для управления большой действующей армией (Рос. гос. военно-ист. арх. Д. 1. Л. 1–5). 17 марта 1812 г. во время чтения последней корректуры «Учреждения для управления большой действующей армией» М. Л. Магницкий как один из самых близких сотрудников обвиненного в измене М. М. Сперанского был арестован и сослан в г. Вологду. Его комиссия была разогнана, а ее наработки в вопросах военного законодательства в большинстве своем были утрачены. «Так, – писал позднее М. Л. Магницкий, – по личному происшествию кончилось и брошено без внимания такое дело, которого желал еще Государь Петр Великий, Императрицы Анна и Елисавета, которое совершенно удалось в малом его обращике, Учреждении по управлению большой действующей армии…» [9, с. 13].

Возобновление работы по систематизации законодательства было осуществлено в 1826 г. по инициативе генерал-майора Д. И. Ахшарумова, который представил начальнику Главного штаба И. И. Дибичу проект Свода военных узаконений, обещав составить его в течение одного–двух лет [9, с. 16]. Предложение было рассмотрено в Совете военного министра и Ахшарумов был причислен к Главному штабу под личное руководство М. М. Сперанского. Свод был обнародован Манифестом от 25.06.1839 под названием «Свод военных постановлений 1838 года» [7]. После двенадцатилетнего упорного труда работа по систематизации российского военного законодательства была завершена. Таким образом, идея создания из разнообразных актов военного законодательства, изданных в различное время, систематизированного единого свода военных постановлений впервые была осуществлена только во время императорства Николая I. Работы в этом направлении проводились под руководством М. М. Сперанского, который руководил систематизацией остального общегосударственного законодательства. Комиссия из всей массы законодательного материала на основе Полного собрания законов Российской империи отобрала 12 176 нормативных актов, имевших отношение к армии. После их изучения соответствующими управлениями, штабами и другими органами военного управления применимыми для вышеназванной системы кодифицированных нормативных актов в военной области оказались 2788 актов, все остальные были признаны утратившими силу [4, с. 7].

При создании Свода военных постановлений 1838 г. весь законодательный материал был расположен по той же системе, что и в Своде законов Российской империи, то есть по степени важности регулируемых общественных отношений. Свод распадался на пять частей и 15 книг, размещенных в 12 томах. Первая часть (т. 1–4) содержала в себе образование военных учреждений, вторая (т. 5–6) – устав о службе по военному ведомству, третья (т. 7) – наказ войскам, четвертая (т. 8–11) – устав хозяйственный, пятая (т. 12) – устав военно-уголовный. Значение факта появления первого свода военных законов трудно переоценить. Однако в документе оказались и серьезные недостатки. В свод по своему юридическому статусу закона попало большое количество норм, собственно к закону отношения не имевших. Так, включенные многие статьи оказались основанными не только на актах административного характера центральных органов управления (постановления Совета министров и Военного совета, приказы военного министра, циркуляры департаментов), но даже «на распоряжении какого-то ‘‘высшего начальства’’, или же на приказе, неизвестно кем, когда и кому отданном, или же на распоряжении какого-то ‘‘бывшаго директора департамента’’» и т. п. (ст. 355 кн. 1 ч. 1; ст. 980, 2563, 2652. кн. 2 ч. 1; ст. 690. кн. 4 ч. 1; ст. 260, 262, 282, 283. кн. 1 ч. 3 и др. Свода военных постановлений 1838 г.). На недостаточный уровень компе-

тентности составителей указывает и большое количество статей, имеющих формулировки, не выверенные в юридическом смысле, например: «наказывать… по всей строгости», «принятый порядок», «по существующему порядку» и др. (ст. 83, 742, 1379 кн. 2 ч. 1; ст. 395 кн. 3 ч. 1 Свода военных постановлений 1838 г.). Наряду с такого рода проблемами, имеющими в своей основе субъективный фактор, Свод военных постановлений 1838 г., как и любой другой свод законов, объективно создал проблему дополнения его вновь появляющимися законодательными актами, согласования с новыми формами армейской жизни. Средством для решения такой задачи было избрано периодическое издание продолжений свода в виде специальных книг, своевременное издание которых было поручено Военно-походной канцелярии. Однако специалистов такого рода в канцелярии не оказалось, и в течение пяти лет она смогла издать только три продолжения: первое – с 01.05.1838 по 01.01.1840, второе – с 01.01.1840 по 01.01.1841 и третье – по 01.01.1843. В мае 1843 г. обязанности по изданию продолжений были возложены на специально образованное для этой цели 4-е отделение Канцелярии Военного министерства. В течение последующих десяти лет силами отделения было издано шесть продолжений, и, таким образом, к началу 1853 г. Свод военных постановлений 1838 г. имел девять продолжений, которыми было отменено 726 статей, изменено 3380, дополнено 10 922, прибавлено 3739 новых, итого – 18 767 статей. Таким образом, большая часть из имевшихся в Своде военных постановлений 1838 г. статей (23 126) к 1853 г. была изменена (18 767), что сильно затрудняло использование свода.

Принимавшиеся после издания свода нормативные акты в соответствии с указом императора от 1 июля 1838 г. о введении в действие данного закона периодически издавались в виде продолжений к нему. Поскольку до 1853 г. продолжений накопилось девять, то при Александре II началось создание нового свода военных постановлений, который был утвержден в 1859 г. Все дополнения и изменения, произошедшие в актах военного законодательства после издания Свода военных постановлений 1859 г., вносились так же, как и ранее в особые продолжения, которых было шесть. В них вошли все изменения в военном законодательстве на 1 июля 1869 г. Своды военных постановлений как 1838 г., так и 1859 г. имели одну и ту же систему разделения на пять частей, каждая из которых подразделялась на различное число книг. Всего книг было пятнадцать. Они были размещены в двенадцати томах, поскольку некоторые из книг были сдвоены в одном томе. Каждая книга подразделялась на разделы, разделы – на главы, главы – на отделения. В каждой книге нормы, содержавшиеся в отдельных статьях, имели особую нумерацию. Под статьями указывалось, в каких источниках они находятся. В конце каждой книги располагались: а) приложения, в которых помещались отдельные нормы по некоторым частным вопросам и образцы различных документов; б) подробное оглавление книги; в) сравнительный указатель статей сводов 1839 и 1859 гг. Однако, будучи только составленным, новый свод уже оказался устаревшим. 5 апреля 1859 г. в указе, изданном Военным министерством, объявлялось о создании особой военно-кодификационной комиссии. Указ предоставлял комиссии право пересмотра положений Свода военных постановлений 1859 г., исправления и исключения устаревших и неэффективных норм, в том числе заимствованных из Свода законов Российской империи.

Развитие вооруженных сил во второй половине XIX в. повлекло необходимость пересмотра и постепенного изменения норм почти всех отраслей военного законодательства. Изменения эти выразились в издании ряда новых положений, каждое из которых представляло собой систематизированный нормативный акт в отдельной области. Эти положения значительно отличались от норм Свода военных постановлений 1859 г. и не могли быть включены в его систему, а также заменяли собой значительное число статей, разбросанных по всему своду. Поэтому использование Свода военных постановлений 1859 г. стало затруднительным, а работа по созданию нового была продолжена Главным военно-кодификационным комитетом, преобразованным из Военно-кодификационной комиссии. Программа переработки свода была составлена комитетом и утверждена военным министром Д. А. Милютиным 30 мая 1867 г. 30 июня 1869 г. был издан указ военного министра «О правилах для руководства при составлении Военно-Кодификационным Комитетом нового Свода военных положений» [8]. В указе отмечалось, что новое военное законодательство (о преобразовании военного министерства, новой организации войск, способах укомплектования войск на военное время, Военно-судебный устав, Воинский устав о наказаниях

и др.) фактически заменило собою целые отделы действующего свода. Военно-кодификационный комитет должен был составить новое издание Свода военных положений, исключив из старого нормы, заимствованные из Свода законов Российской империи, а также правила строевой, гарнизонной, полевой и внутренней службы войск.

Система нового свода стала иной. Каждая часть подразделялась на книги, число которых было неодинаково. Всего было двадцать четыре книги. Каждая книга подразделялась на разделы, главы и отделения. После каждой статьи указывались дата принятия и источник первоначальной публикации ее в Полном собрании законов Российской империи, Собрании узаконений правительства или сборниках приказов военного ведомства. В конце каждой книги приводились приложения, сравнительные указатели или «ведомости статьям» для отыскания соответствующей статьи в предыдущих изданиях. Сводный алфавитный указатель был только к Своду военных постановлений 1839 г. Книгам Свода военных постановлений 1869 г. была присвоена общая по всему своду нумерация. Военный министр Д. А. Милютин считал необходимым издавать все книги по возможности одновременно, чтобы новый свод мог сразу заменить Свод военных положений 1859 г. [6, с. 13]. Однако процесс издания книг нового свода растянулся на долгие десятилетия, что в конечном итоге привело к тому, что в России не только не был создан Кодекс военного законодательства, но и сложившаяся (хотя и с недостатками) целостная система военного законодательства, основанная на Своде военных положений 1838 г., была к концу XIX в. окончательно разрушена.

Свод военных постановлений 1869 г. имел пять изданий. Часть шестая данного документа объединяла законодательство о юридической ответственности военнослужащих (дисциплинарной и уголовной), а также уголовно-процессуальное законодательство, действовавшее в вооруженных силах.

Свод военных постановлений стал наиболее универсальной формой военного законодательства России конца XIX – начала XX вв. Акты военного законодательства, систематизированные в нем, регулировали значительную по объему и наиболее важную часть общественных отношений, существовавших в военной области. Своду была присуща достаточно подробная регламентация военных правоотношений, что можно считать его положительной стороной. Он был нормативным актом прямого действия и имел юридическую силу закона.

Таким образом, прослеживая особенности систематизации военно-уголовного и процессуального законодательства начиная с Артикула воинского 1715 г., следует отметить развитие двух тенденций: отраслевой дифференциации военно-уголовного и процессуального законодательства, которое заменяет крупные законодательные акты межотраслевого характера предшествующего периода, и унификации норм военно-уголовного законодательства. Вторая тенденция не была реализована в чистом виде, поскольку кодекс, регламентирующий уголовную ответственность за воинские преступления, так и не был принят. Его заменяли различные специализированные акты – артикул, уложение, свод, устав, сочетавшие в себе на разных исторических этапах различные способы систематизации нормативного материала: инкорпорацию, консолидацию и частичную кодификацию, включая выделение консолидированных массивов, предусматривающих ответственность за воинские преступления, совершаемые в военное и мирное время. Для завершающего периода развития военно-уголовного законодательства Российской империи характерным является доминирование воинских уставов о наказаниях, что подтверждается их действием вплоть до 1917 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Безнасюк, А. С.** История развития российского законодательства о наказаниях военнослужащих / А. С. Безнасюк, А. А. Толкаченко // Основы государства и права. – 2000. – № 4. – С. 62–71.
2. **Заустинский, П. Ф.** Кодификация русского военного права в связи с историею развития русского войска до реформ XIX века / П. Ф. Заустинский. – Санкт-Петербург : Военная типография, 1909. – 548 с.
3. История России в лицах : справочник. Часть II. – Москва : ПиК, 1995. – 263 с. – ISBN 5-86161-002-9.
4. К**ороль**ков, Н. Н. Законодательство России XIX века / Н. Н. Корольков. – Москва : ВПА им В. И. Ленина, 1970. – 104 с.
5. **Кудейкин, В. Ю.** Деятельность государственных органов России по правовому регулированию строительства армии (XIX в. – февраль 1917 г.) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Кудейкин Владимир Юриевич. – Москва, 1997. – 27 с.
6. **Милютин, Д. А.** Военные реформы Александра II / Д. А. Милютин // Вестник Европы. – 1881. – № 1. – С. 13–15.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Санкт-Петербург : Тип. II отд-ния собств. Его Имп. Величества канцелярии, 1830–1885. – Т. 55.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. – Санкт-Петербург : Гос. тип., 1885–1916. – Т. 33.

9. Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. 3. Отд. 1. Кодификационный отдел. Исторические очерки / составитель Э. М. Лисенко. – Санкт-Петербург : Тип. т-ва М. О. Вольф, 1902. – 83 с.

REFERENCES

1. Beznasyuk A. S., Tolkachenko A. A. Istoriya razvitiya rossijskogo zakonodatel'stva o nakazaniyah voennosluzhashchih [The history of the development of Russian legislation on the punishment of military personnel]. *Osnovy gosudarstva i prava – Fundamentals of State and Law*, 2000, no. 4, pp. C. 62–71. (In Russ.).
2. Zaustinskij P. F. *Kodifikaciya russkogo voennogo prava v svyazi s istorieyu razvitiya russkogo vojska do reform XIX veka* [Codification of Russian military law in connection with the history of the development of the Russian army before the reforms of the 19th century]. St. Petersburg, 1909. 548 p. (In Russ.).
3. *Istoriya Rossii v licah. CHast' II* [The history of Russia in persons. Part II]. Moscow, 1995. 263 p. (In Russ.).
4. Korol'kov N. N. *Zakonodatel'stvo Rossii XIX veka* [Russian legislation of the 19th century]. Moscow, 1970. 104 p. (In Russ.).
5. Kudejkin V. YU. *Deyatel'nost' gosudarstvennyh organov Rossii po pravovomu regulirovaniyu stroitel'stva armii (XIX v. – fevral' 1917 g.). Avtoref. diss. kand. ist. nauk* [The activities of state bodies of Russia on the legal regulation of army construction (XIX century – February 1917). Author's abstract of the diss. PhD. in History]. Moscow, 1997. 27 p. (In Russ.).
6. Milyutin D. A. Voennye reformy Aleksandra II [Military reforms of Alexander II]. *Vestnik Evropy – Bulletin of Europe*, 1881, no. 1, pp. 13–15. (In Russ.).
7. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 2-e* [Complete collection of laws of the Russian Empire. 2nd meeting]. St. Petersburg, 1830–1885. Vol. 55. (In Russ.).
8. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 3-e* [Complete collection of laws of the Russian Empire. 3rd meeting]. St. Petersburg, 1885– 1916. Vol. 33. (In Russ.).
9. Lisenko E. M. (red.) *Stoletie voennogo ministerstva. 1802–1902. T. 3. Otd. 1. Kodifikacionnyj otdel. Istoricheskie ocherki* [Centenary of the War Department. 1802–1902. Vol. 3. Dep. 1. Codification department. Historical essays]. St. Petersburg, 1902. 83 p. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2020-10035
УДК 342.98:343.140.01

Об опыте организации зонального контроля за деятельностью подразделений дознания территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне

О. В. ДЕРБИНА – доцент кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

А. В. КАЛАЧЕВА – начальник отдела организации дознания Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Вологодской области

Реферат

Одной из разновидностей ведомственного контроля в системе органов внутренних дел является зональный контроль, который в том числе осуществляется и в отдельных подразделениях территориальных органов УМВД России по субъектам Российской Федерации. Так, распоряжением начальника отдела организации дознания УМВД России по Вологодской области за пятью оперативными зонами закреплены шесть дознавателей отделения зонального контроля.

Изучение опыта работы по указанному направлению деятельности свидетельствует о наличии проблем в осуществлении зонального контроля. В целях их решения отделом организации дознания УМВД России по Вологодской области с 2018 г. реализуется проект «Автоматизированное рабочее место дознавателя», одним из результатов которого стали экономия времени, затрачиваемого дознавателями на составление процессуальных документов, а также сокращение количества технических ошибок при подготовке обвинительного акта. У исполнителей зонального контроля появилась возможность дистанционно осуществлять контроль за производством дознания по уголовным делам, находящимся в производстве дознавателей территориальных органов внутренних дел, в онлайн режиме изучать находящиеся в производстве дознавателей уголовные дела, не запрашивая документы и не отвлекая дознавателей от работы.

Ключевые слова: зональный контроль; дознание; органы внутренних дел; территориальные органы; информационно-техническое обеспечение; автоматизированное рабочее место.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

On the experience of organizing zonal control over the inquiry units of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation at the district level

O. V. DERBINA – Associate Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor;

A. V. KALACHEVA – Head of the Inquiry Department of the Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Vologda Region

Abstract

One of the varieties of departmental control in the system of internal affairs bodies is zone control, which is also carried out in separate units of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the subjects of the Russian Federation. Thus, by order of the head of the organization of the inquiry department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Vologda Region six inquiry officers of the zone control department were assigned to five operational zones.

The study of experience in this area indicates the presence of problems in the implementation of this type of control. In order to solve them the Inquiry Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Vologda Region has been implementing the project “Automated workplace of the inquiry officer” since 2018. As a result there is a saving time spent by inquiry officers on the preparation of procedural documents, a decrease in the number of technical errors in the preparation of the indictment. The zonal control performers have the opportunity to remotely control the production of inquiries in criminal cases being conducted by inquiry officers of the territorial internal affairs bodies, to study online criminal cases in the interrogation proceedings without requesting documents and without distracting the inquiry officers from work.

Key words: zone control; inquiry; internal affairs bodies; territorial bodies; information and technical support; automated workplace.

12.00.11 – Judicial activity, prosecutorial activity, human rights and law enforcement

Контроль как неотъемлемая функция государства реализуется практически во всех отраслях государственной и общественной жизни. Особое значение контрольная деятельность имеет в правоохранительной сфере, прежде всего в органах внутренних дел. Важность контроля за деятельностью органов внутренних дел определяется объемом и многогранностью задач, которые возложены на эти органы. Так, полное, объективное и всестороннее расследование уголовных дел в форме дознания, профилактика совершения преступлений требуют высокой дисциплины, организованности, точного и неукоснительного исполнения законов, приказов и указаний.

В теории управления выделяются различные виды контроля [2, с. 170]. Так, по подведомственности объекта субъекту контроля выделяют внешний (надведомственный) контроль, осуществляемый органом, не входящим в систему проверяемого ведомства, и внутренний (отраслевой, ведомственный) контроль, осуществляемый собственными силами министерства и иного ведомства.

Одна из разновидностей ведомственного контроля – зональный контроль, который осуществляется по территориальному или иному принципу (по зонам контроля) и охватывает все направления деятельности контролируемого органа.

В соответствии с приказами МВД России от 03.02.2012 № 77 «Об основах организации ведомственного контроля за деятельностью органов внутренних дел Российской Федерации» и УМВД России по Вологодской об-

ласти от 29.02.2017 № 219 «Об организации ведомственного контроля за деятельностью территориальных органов МВД России по Вологодской области» в целях реализации зонального контроля определены пять единых оперативных зон: «Центральная», «Западная», «Восточная», «Северо-Восточная» и «Северо-Западная».

Субъектами зонального контроля УМВД России по Вологодской области являются: главный инспектор инспекции УМВД, организатор зонального контроля – сотрудник руководящего состава подразделения УМВД, на которого возложены функции по организации зонального контроля за отдельным направлением (направлениями) деятельности объекта (объектов) зонального контроля, отнесенным к зоне ответственности подразделения, и исполнитель зонального контроля – сотрудник подразделения УМВД, на которого возложены функции по осуществлению зонального контроля за отдельным направлением (направлениями) деятельности объекта (объектов) зонального контроля, отнесенным к зоне ответственности подразделения.

Зонами ответственности являются: для главного инспектора – территориальные органы в целом, расположенные в пределах закрепленной оперативной зоны, для организатора и исполнителя зонального контроля – отдельные подразделения (направления деятельности) территориальных органов в пределах закрепленной зоны ответственности.

Закрепление за органами внутренних дел и в целом за зонами субъектов контроля осуществляется распоряжением начальника УМВД России по Вологодской области, закрепление исполнителя зонального контроля – распоряжением начальника соответствующего подразделения УМВД России по Вологодской области. Так, распоряжением начальника отдела организации дознания за пятью оперативными зонами закреплены шесть дознавателей отделения зонального контроля (за оперативной зоной «Центральная» – два сотрудника, за остальными – по одному).

Сотрудники отдела организации дознания УМВД России по Вологодской области как исполнители зонального контроля осуществляют сбор, систематизацию, обобщение и анализ информации об оперативной обстановке и результатах оперативно-служебной деятельности подконтрольных подразделений на районном уровне. Кроме того, аналитическая работа осуществляется по конкретным уголовным делам в связи с выявлением фактов нарушений законности или необходимостью оперативного вмешательства и реагирования, предупреждения и своевременного устранения недостатков.

Зональные сотрудники обобщают и анализируют причины и условия, способствовавшие совершению преступлений; организуют работу территориальных подразделений дознания по возмещению материального ущерба, причиненного преступлениями, а также сокращению сроков производства дознания, соблюдению прав и законных интересов граждан; выявляют, изучают положительный опыт расследования отдельных видов преступлений и организуют его внедрение в практическую деятельность.

В целях обеспечения эффективного расследования преступлений сотрудники зонального подразделения должны контролировать взаимодействие дознавателей с органами, осуществляющими оперативно-розыскную и экспертно-криминалистическую деятельность, особенно при подготовке и проведении тактических комбинаций при расследовании наиболее сложных преступлений, а также соблюдение учетно-регистрационной и статистической дисциплины, использование сотрудниками дознания централизованных оперативно-справочных и криминалистических учетов.

На 1 июля 2019 г. в структуру территориальных органов МВД России по Вологодской области входило 10 отделов, 9 отделений, 8 групп, 5 направлений дознания. Штатная численность аттестованных сотрудников и руководителей подразделений дознания области составляла 244 единицы. Кроме аттестованных сотрудников в штатное расписание подразделений дознания включено 8 вольнонаемных единиц и 2 специалиста-эксперта федеральной государственной гражданской службы.

Анализ кадровой ситуации свидетельствует, что 35 сотрудников (14,7 %) работают в подразделениях дознания меньше 1 года, 66 (27,4 %) – от 1 до 3 лет. Таким образом, 42,1 % дознавателей не имеют достаточного опыта и практики расследования уголовных дел. В этой связи зональные сотрудники оказывают помощь в организации планирования расследования конкретных уголовных дел и контролируют полноту выполнения запланированных мероприятий.

Сотрудники подразделения зонального контроля при выполнении функций по контролю за организацией расследования

преступлений по уголовным делам должны обеспечить их качественное, объективное расследование, выполнение необходимых запланированных мероприятий, своевременное производство следственных действий и соблюдение сроков расследования. Однако стоит отметить, что на практике возникают проблемы в осуществлении такого контроля.

Важным фактором выступает недостаточная численность сотрудников. Один сотрудник отдела организации дознания закрепляется за оперативной зоной, в которую входит до семи территориальных органов внутренних дел, что затрудняет своевременное и качественное выполнение возложенных на него функций.

Не во всех структурных подразделениях УМВД России по Вологодской области имеются специализированные отделы (отделения) зонального контроля, поэтому исполнение данных функций ложится дополнительной нагрузкой на сотрудников. Как следствие, не обеспечиваются надлежащий зональный контроль за деятельностью территориальных органов МВД России на районном уровне, своевременность реагирования на ухудшение оперативной обстановки.

Требует совершенствования и информационно-техническое обеспечение деятельности органов внутренних дел. Современные возможности электронно-вычислительной техники используются не в полной мере. Имеющиеся большие информационные массивы практически не анализируются, не решаются логические задачи с выдачей оптимальных рекомендаций по конкретным проблемам [1, с. 17].

В целях повышения эффективности оперативно-служебной деятельности в части улучшения качества производства дознания, сокращения сроков расследования и рабочего времени, затрачиваемого дознавателями на выполнение технической работы по уголовным делам, улучшения информационно-технического обеспечения зонального контроля с 2018 г. в Вологодской области начата работа по реализации проекта «Автоматизированное рабочее место дознавателя» (АРМД).

В рамках проекта было разработано программное обеспечение, предназначенное для автоматизированной подготовки документов по уголовным делам в подразделениях дознания.

Задачами проекта стали: создание интегрированного контура учета движений уголовных дел по всем структурным подразделениям дознания УМВД по Вологодской области; автоматизация подготовки печатных форм протоколов допроса и обвинительных актов по уголовным делам; сокращение рабочего времени составления обвинительного акта; улучшение качества производства дознания.

Общая технологическая схема работы заключается в следующем. Руководитель подразделения дознания после возбуждения уголовного дела определяет дознавателя и в порядке ст. 40.1 УПК РФ передает уголовное дело для дальнейшего расследования. Дознаватель при возбуждении уголовного дела добавляет его в справочник «Дела». Дальнейшая работа осуществляется в подсистеме подготовки печатных форм.

Работа дознавателя осуществляется с двумя документами: протоколом допроса и обвинительным актом. При заполнении протокола допроса дознаватель может выбрать только те уголовные дела, которые находятся в его производстве. Поле «Текст» содержит строку неограниченной длины, в которую нужно занести текст допроса. При работе с обвинительным актом помимо заполнения грифа «Утверждение документа» необходимо заполнить поля «Дата формирования обвинительного акта», «Вещественные доказательства», «Издержки» и т. д. После заполнения и корректировки данных осуществляется вывод документов в печатную форму. При необходимости корректировку шаблонов документов для заполнения выполняет сотрудник отдела организации дознания УМВД России по Вологодской области с функциями администратора.

Важно отметить, что данный программный продукт предусматривает возможность исполнителям зонального контроля и руководителям подразделений дознания дистанционно со своего рабочего места осуществлять контроль за производством дознания по уголовным делам, находящимся в производстве дознавателей территориальных органов внутренних дел.

Приказом УМВД России по Вологодской области от 21.11.2018 № 1226 «Об осуществлении апробации программного продукта “Автоматизированное рабочее место дознавателя”» апробация данного программного продукта была запущена на базе отдела дознания отдела полиции № 3 УМВД России по г. Вологде с ноября 2018 г.

Отделом организации дознания УМВД России по Вологодской области разработаны и направлены в подчиненные подразделения дознания методические рекоменда-

ции по эксплуатации автоматизированной системы подготовки документов по материалам уголовных дел в подразделениях дознания.

Во время апробации был проведен хронометраж рабочего времени, затраченного дознавателем на составление обвинительного акта, экономия составила от 30 до 45 мин. Кроме того, отмечено улучшение качества производства дознания по уголовным делам, поскольку дублирующие поля протоколов допроса и обвинительного акта заполняются автоматически, оформление вышеуказанных документов происходит однообразно, что исключает технические ошибки.

В связи с полученными положительными результатами с 1 мая 2019 г. приказом УМВД России по Вологодской области от 17.04.2019 № 407 «Об осуществлении внедрения программного продукта ‘‘Автоматизированное рабочее место дознавателя’’» данный программный продукт внедрен в эксплуатацию во всех подразделениях дознания территориальных органов внутренних дел. В первом полугодии 2019 г. с использованием АРМД заведено 538 электронных уголовных дел, с составлением обвинительного акта окончено 98 уголовных дел.

Отделом организации дознания УМВД России по Вологодской области проведен выборочный мониторинг информации от надзирающих прокуроров области о практике применения дознавателями АРМД. Так, прокурором Тотемского района Вологодской области отмечается улучшение качества дознания, на что указывает сокращение на 33,3 % количества уголовных дел, возвращенных для производства дополнительного дознания. Уголовные дела для пересоставления обвинительного акта не возвращались. Аналогичные положительные результаты отмечаются прокурором Вологодского района: количество уголовных дел, возвращенных для производства дополнительного дознания, сократилось на 25 %, для пересоставления обвинительного акта – на 71 %. Обращено особое внимание на сокращение количества технических ошибок при подготовке обвинительного акта.

С введением в действие АРМД сотрудники зонального подразделения дознания в рамках ведомственного и зонального контроля имеют возможность дистанционно изучить любое уголовное дело, находящееся в производстве дознавателя, дать по нему необходимые указания о проведении дальнейших следственных действий, осуществлять ежедневный контроль за соблюдением сроков производства дознания. Так, за первое полугодие 2019 г. сотрудниками отделения зонального контроля с применением рассмотренной системы изучено 375 уголовных дел, находящихся в производстве дознавателей курируемых подразделений дознания, даны указания по ходу расследования уголовных дел.

В соответствии с требованиями ст. 40.2, 40.1 УПК РФ в обязанности руководителя территориальных органов внутренних дел, начальника полиции (его заместителей), руководителя подразделения дознания как начальника органа дознания и подразделения дознания входит осуществление процессуального контроля за ходом и результатами расследования уголовных дел, находящихся в производстве дознавателей.

В связи с введением в работу АРМД руководители органа дознания и подразделений дознания в территориальных органах районного уровня активно используют в повседневной деятельности данный программный продукт: в онлайн режиме изучают находящиеся в производстве дознавателей уголовные дела, не запрашивая документы в бумажном виде и не отвлекая дознавателя от работы.

В целях совершенствования и расширения возможностей дальнейшего применения программного продукта АРМД УМВД России по Вологодской области проведена доработка используемых форм с учетом требований процессуального законодательства. Начата работа по разработке и внедрению новых форм шаблонов документов: протокола допроса несовершеннолетнего субъекта уголовного судопроизводства во всех процессуальных статусах; обвинительного акта по многосоставному уголовному делу; постановления о прекращении уголовного преследования и возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему подозреваемому принудительной меры воспитательного воздействия. Рассматривается вопрос об адаптации программного продукта к сокращенной форме дознания.

Таким образом, можно сделать вывод, что усовершенствование и внедрение новых информационных технологий и программного обеспечения будут способствовать совершенствованию управления органами внутренних дел, повышению эффективности влияния на организацию и результаты оперативно-служебной деятельности территориальных органов МВД России, обе-

спечивать своевременное реагирование на изменение оперативной обстановки и оказание необходимой комплексной практической помощи подчиненным органам внутренних дел, в том числе подразделениям дознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Корнеев, В. В.** Оперативно-зональный контроль в МВД, ГУВД, УВД по субъектам Российской Федерации: организационно-правовые аспекты : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Корнеев Вадим Владимирович. – Москва, 2009. – 21 с.
2. Основы управления в уголовно-исполнительной системе : курс лекций / Н. В. Анискина [и др.]. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2015. – 365 с. – ISBN: 978-5-94991-326-0.

REFERENCES

1. Korneev V. V. *Operativno-zonal'nyj kontrol' v MVD, GUVD, UVD po sub»ektam Rossijskoj Federacii: organizacionno-pravovye aspekty. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [Operational-zonal control in the Ministry of Internal Affairs, Central Internal Affairs Directorate, Internal Affairs Directorate for the subjects of the Russian Federation: organizational and legal aspects. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Moscow, 2009. 21 p. (In Russ.).
2. Aniskina N. V., Bobrov A. M., Golodov P. V., Derbina O. V., Kirilovskij O. V., Klimanov D. A., Kosonogova S. V., Mel'nikova N. A., Mironov R. G., Motorova N. V., Perov S. V., SHilov YU. V., YAkovlev E. A. *Osnovy upravleniya v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme* [Fundamentals of management in the penal system]. Vologda, 2015. 365 p. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2020-10036
УДК 343.98

Данные о свойствах личности преступника, совершившего умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в условиях исправительного учреждения

О. М. ДЕЧКИН – преподаватель кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета ВИПЭ ФСИН России

Реферат

Среди преступлений, совершенных осужденными, отбывающими уголовные наказания в местах лишения свободы, повышенную опасность представляет умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, так как оно прежде всего посягает на конституционные права человека и гражданина.

Раскрытие и расследование обозначенных преступлений, а также выработка определенных мер по своевременному их предупреждению оказываются более эффективными при выделении и использовании основных данных о свойствах личности преступника, проявляющихся в процессе подготовки, совершения и сокрытия противоправного деяния, а также в ходе его раскрытия и расследования.

Среди свойств личности преступника, совершившего умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в условиях исправительного учреждения, прежде всего представляют интерес сведения социально-демографического, производственно-бытового, социально-правового, социально-ролевого характера, а также морально-психологические свойства личности.

Исследование названных свойств позволяет сотрудникам органов предварительного расследования и оперуполномоченным выдвинуть наиболее оптимальные версии, осуществить поиск следов и орудий преступления, планировать процесс его расследования, а также избрать определенные приемы, комбинации при производстве отдельных следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и т. п. Тем самым они способствуют качественному и своевременному раскрытию и расследованию преступлений.

Ключевые слова: свойства личности преступника; осужденный; исправительное учреждение; преступление; причинение тяжкого вреда здоровью; расследование преступления; раскрытие преступления.

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Data on the personality characteristics of convicts committed the grievous bodily injury in a correctional facility

O. M. DECHKIN – Lecturer of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Investigation of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

Among crimes committed by convicts serving criminal sentences in places of imprisonment grievous bodily injury poses an increased danger, since it primarily infringes on the constitutional rights of a person and a citizen.

The disclosure and investigation of these crimes as well as the development of certain measures to prevent them in a timely manner are more effective in identifying and using basic data on the personality characteristics of the offender, which are manifested in the process of preparation, commission and concealment of an unlawful act as well as in the course of its disclosure and investigation.

Among the personality characteristics of the offender who committed the grievous bodily injury in the correctional institution information of a socio-demographic, industrial, social, legal, socio-role character as well as moral and psychological characteristics of the personality are of primary interest.

The study of these properties allows employees of preliminary investigation bodies and operative officers to put forward the most optimal versions, to search for traces and instruments of crime, to plan the process of its investigation as well as to select certain techniques, combinations in the course of individual investigative actions, operational search measures, etc. Thus they contribute to high-quality and timely crime detection and investigation.

Key words: personality traits of the offender; convict; correctional institution; crime; grievous bodily injury; crime investigation; crime detection.

12.00.12 – Forensics; forensic activity; operational investigation

Личность преступника является сложным социальным феноменом, постоянно привлекающим внимание исследователей различных областей знания, в том числе криминалистов [5, с. 3–5], которые в рамках данного вопроса обращают свое внимание на комплекс разных свойств (признаков, качеств) личности субъекта преступления, проявляющихся в процессе подготовки, совершения и сокрытия противоправного деяния, а также в ходе его раскрытия и расследования [3, с. 76–77; 6, с. 3–9; 8, с. 297–299]. Так, например, В. А. Образцов обозначает, что «лица, совершившие преступления, характеризуются с точки зрения их различных признаков. Имеются в виду собственные свойства указанных лиц, а также их отношения» [7, с. 120].

Выделяя качества, характеризующие личность преступника, следует отметить, что они представляют особую ценность при раскрытии и расследовании преступлений, поскольку позволяют: а) проследить специфику отображения свойств личности преступника при совершении и сокрытии противоправного деяния; б) выделить комплекс средств и методов по получению, исследованию и использованию информации о личности преступника; в) определить следы, показывающие признаки личности преступника, а также выявить другие источники информации о ней; г) провести поисковые мероприятия по установлению личности человека, совершившего преступление, и т. д. [6, с. 8–9].

Анализируя свойства личности преступника, В. К. Гавло отметил, что криминалистическую науку интересует такая информация о личности, которая указывает на связи между преступником и совершенным общественно опасным деянием и проявляется вовне, то есть в различных последствиях произошедшего события. Тем самым ее следует изучать как следообразующий объект, то есть некий источник информации о совершенном преступлении, и как средство его раскрытия [4, с. 197]. Изучение данных, характеризующих личность субъекта преступления, должно включать в себя не отдельные сведения, относящиеся к различным ее сторонам, а давать полное, законченное представление о ней [3, с. 76].

Вопрос о сторонах личности преступника, подлежащих исследованию, не вызывает больших расхождений среди ученых. Отдельные спорные моменты связаны с

различными подходами к классификации криминалистически значимых качеств личности преступника.

Так, В. А. Образцов подразделяет индивидуальные свойства личности следующим образом: а) неизменяющиеся естественные свойства человека (природные, биологические и др.); б) изменяющиеся, социально обусловленные свойства (профессиональная принадлежность, образование, различные травмы и т. д.) [7, с. 40].

Н. Т. Ведерников отмечал, что немаловажную роль для криминалистической характеристики преступления имеют социально-демографические, социально-психологические и иные свойства личности преступника. Они характеризуют и индивидуализируют ее. Сюда же он относит и сведения биографического, анкетного характера и т. п. [3, с. 76–77].

В свою очередь, Ф. В. Глазырин свойства личности преступника объединил в три группы: психологические (потребности, характер, темперамент и др.), социально-демографические (семейное положение, образование, профессия и т. д.) и биологические (пол, возраст, физические особенности и т. д.) [5, с. 18].

Исследуемая информация остается актуальной и в настоящее время. Так, Н. Г. Шурухнов при изучении личности преступника обращает внимание на данные: а) биографического характера (пол, возраст, образование), б) о физической силе; в) о трудовой деятельности (род занятий, занятость, профессия); г) о социально-психологических свойствах личности (темперамент, эмоции, знания). Сюда же относится информация, характеризующая антиобщественное, противоправное поведение личности преступника (судимость, иные нарушения различного рода) и т. д. [10, с. 29–30].

Сведения о свойствах личности пенитенциарного преступника представляют особый интерес в силу того, что данный человек, отбывая наказание в местах лишения свободы за какое-либо преступление, вновь его совершает. При этом повышенную опасность представляет умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, так как посягает на конституционные права человека и гражданина. Несмотря на то что в общей массе преступлений, зарегистрированных на территории исправительных учреждений, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью составляет всего 3,5 % [9, с. 19–20], по своему содержанию оно отличается общественной опасностью, сложностью в раскрытии и расследовании.

В рамках настоящего исследования автором проанализировано 93 уголовных дела по рассматриваемым преступлениям. Следует прежде всего отметить, что изучение свойств личности преступника является первостепенным не только в теории криминалистики, но и в уголовно-следственной практике.

Среди качеств личности осужденного лица, совершившего умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в условиях исправительного учреждения, на наш взгляд, представляют интерес сведения: а) социально-демографического (пол, возраст, образование, семейное положение и т. п.), б) производственно-бытового (трудовая занятость, род занятий и др.), в) социально-правового (судимость, нарушения и т. п.), г) социально-ролевого характера (неформальный статус в местах лишения свободы и т. п.), а также д) морально-психологические свойства личности (способности, привычки, образ жизни, черты характера, потребности, приоритеты, взгляды и др.).

Результаты проведенного исследования показали, что 96 % осужденных, совершивших анализируемые преступные деяния, являются лицами мужского пола, и лишь 4 % – женского. Указанная закономерность является очевидной в части количества осужденных обоих полов, отбывающих наказание в виде лишения свободы (например, в 2018 г. 92 % от общего количества осужденных составляли лица мужского пола) [9, с. 5–7]. Кроме того, для женщин в большей степени характерно совершение противоправных деяний ненасильственного характера.

Говоря о возрасте исследуемой группы лиц, следует указать, что в массе своей это осужденные от 18 до 29 лет (55 %), от 30 до 39 лет (28 %). Реже совершаются общественно опасные деяния в возрасте от 40 до 49 лет (15 %), от 50 лет и выше (2 %).

Большое число совершаемых преступлений рассматриваемой группы именно осужденными в возрасте от 18 до 29 лет, как правило, обусловлено тем, что лица указанной возрастной категории наиболее импульсивны, агрессивны, легко поддаются провокациям и т. д. Попадая в места лишения свободы, они стремятся показать силу другим осужденным, утвердить свой авторитет в тюремном сообществе и т. д. Не думая о последствиях, нередко решают свои пробле-

мы путем нанесения телесных повреждений своему обидчику. Поскольку умышленное причинение тяжкого вреда здоровью принято относить к насильственным преступлениям, то в большинстве случаев оно предполагает наличие у субъекта преступления соответствующей силы, позволяющей ему осуществить противоправные действия. В возрасте от 18 до 39 лет для данных лиц характерен как раз пик физической активности и наличие соответствующего физического здоровья.

В отличие от первой возрастной группы, осужденные в возрасте от 30 до 39 лет и старше стараются обдумывать свои действия с точки зрения возможных последствий, разрешать конфликтные ситуации мирным путем. В результате чем старше человек, тем выше степень обдуманности, рассудительности его действий.

Следующим свойством личности преступника является уровень образования. Материалы изученных уголовных дел показали, что значительная часть лиц, совершивших умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (53 %), не имеет какого-либо образования или имеет неполное среднее образование. Среднее общее образование имеют 28 % респондентов, среднее специальное – 17 %, высшее – 2 %. Таким образом, можно сделать вывод, что чем выше уровень образования у осужденных, тем реже ими избирается противоправный путь выхода из конфликтных ситуаций.

Не менее важными в характеристике свойств личности преступника являются сведения о его семейном положении. В большинстве проанализированных случаев осужденные не состояли в браке или находились в разводе (77 %), доля женатых (замужних) составила всего 23 %. Также следует отметить, что у большинства исследуемых лиц не было детей (81 %), лишь 19 % имели одного или более ребенка.

Объяснить указанные обстоятельства можно тем, что семья оказывает определенное положительное воздействие на отбывающих наказание в местах лишения свободы. Находясь в учреждениях закрытого типа, в большинстве случаев данные лица желают вернуться домой к своим родным и близким. Совершая преступление, они отдаляют время встречи с ними на неопределенный срок. В данном случае положительным моментом будет обоюдная постоянная связь осужденного с семьей.

Также необходимо отметить важную роль сведений, указывающих на отношение осужденного к трудовой деятельности в местах лишения свободы, на наличие у них поощрений или взысканий, полученных от администрации исправительного учреждения. 85 % осужденных, совершивших умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, в период отбывания наказания не были трудоустроены и не занимались иным общественным трудом. Большинство осужденных (86 %) имели различные взыскания от администрации учреждения: 47 % – от 1 до 3 взысканий, 26 % – от 4 до 7, 15 % – от 8 до 11, 12 % – от 12 и выше. Одним из серьезных нарушений установленного порядка отбывания наказания в соответствии с уголовно-исполнительного законодательством Российской Федерации является употребление спиртных напитков, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. При этом материалы изученных уголовных дел свидетельствуют о том, что во время совершения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью 23 % лиц находились в состоянии наркотического или алкогольного опьянения.

Наличие преступного опыта является следующей значимой характеристикой осужденных, совершивших умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в условиях исправительных учреждений: 47 % лиц на момент совершения преступления имели одну судимость, 53 % – две и более; 41 % был осужден за преступления против жизни и здоровья, 59 % – за совершение иных преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ.

Следовательно, осужденные, имея одну и более судимости, как правило, знают различные тактические приемы и комбинации, используемые следователем и оперуполномоченными в ходе служебной деятельности, а также хорошо разбираются в уголовно-правовом, уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации. С учетом этого они могут разрабатывать разные способы противодействия предварительному расследованию. Например, в ходе раскрытия и расследования преступлений осужденные предпринимают определенные активные действия, направленные на уничтожение или сокрытие различных следов, орудий преступления, еще не обнаруженных либо не изъятых следователем или оперуполномоченными; оказывать давление на потерпевших, очевидцев (свидетелей) путем уговоров, обещаний, угроз и т. д.

В условиях мест лишения свободы особую ценность представляют сведения о

социальном статусе осужденного, совершившего умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в период отбывания наказания. В первую очередь это связано с социальной средой, в которой находятся сами осужденные. Поведение осужденных регламентировано как общепринятыми принципами, ценностями и традициями, так и специфическими нормами поведения, выраженными в тюремной субкультуре, которая сформировалась в результате слияния различных субкультур как криминального, так и некриминального характера и является неким компромиссом между микросредой осужденных и обществом в целом [1, с. 66–69].

В этих условиях осужденный становится заложником своего положения, даже если он не придерживается криминальных норм поведения либо нейтрально относится к ним, ему придется их соблюдать и исполнять. Н. П. Барабанов отмечает, что специфические нравы, традиции и в целом общий уклад жизни в местах лишения свободы касаются всех осужденных, обусловливают строгое соблюдение ими неофициальных правил поведения в тюремной общности, регламентированных нормами жизнедеятельности в условиях изоляции [2, с. 31].

С учетом сказанного можно выделить несколько категорий осужденных: а) осужденные, придерживающиеся норм тюремной субкультуры; б) осужденные, нейтрально относящиеся к нормам тюремной субкультуры; в) осужденные, нарушившие нормы тюремной субкультуры.

К первой группе следует отнести лиц, причисляющих себя к категории так называемых «воров в законе», «смотрящих», «блатных» и т. д., характеризующихся активным противодействием установленному порядку отбывания наказания, выполнением и распространением норм тюремной субкультуры, негативным отношением к администрации учреждения, принадлежностью к группам отрицательной направленности, стремлением к лидерству и превосходству над другими осужденными и т. д.

Несмотря на то что осужденные первой группы редко совершают преступления, связанные с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью в условиях исправительного учреждения (9,7 %), их действия, как правило, отличаются продуманностью, определенностью умысла, а также конкретными целями. Они в первую очередь выступают организаторами либо активными соисполнителями. Часто ими совершаются преступления с особой жестокостью или цинизмом по отношению к потерпевшему, так как данным осужденным необходимо утвердить свой авторитет в криминальном сообществе, а также показать силу и безнаказанность своих действий.

Так, в исправительной колонии № 12 ГУФСИН России по Новосибирской области у осужденного Б., занимающего определенное лидирующее положение в одном из отрядов учреждения, возникли подозрения о причастности осужденного А. к хищению ряда личных вещей, принадлежащих другим осужденным. О своих подозрениях он уведомил К. и Т., которые согласились проучить А. В результате Б., К. и Т. в составе группы умышленно причинили тяжкий вред здоровью, опасный для жизни осужденного А., с применением предметов, используемых в качестве оружия (Арх. Куйбышев. район. суда Новосиб. обл. за 2016 г. Уголов. дело № 1-13/2016).

Именно указанная категория осужденных наиболее активно противодействует не только установленному порядку отбывания наказания в исправительном учреждении, но и в целом раскрытию, расследованию преступлений. Здесь следует отметить отказ от дачи показаний; уничтожение или сокрытие следов, орудий преступления; оказание давления на потерпевшего, свидетеля путем не только уговоров и обещаний с целью дачи ими заведомо ложных показаний в пользу данных лиц, а также применения физического воздействия на данных лиц и т. д.

Вторую группу составляют лица, нейтрально относящиеся к нормам тюремной субкультуры. Это основная масса осужденных («мужики»).

С одной стороны, данные лица в большинстве случаев выполняют требования, определенные администрацией учреждения в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, стремятся к условно-досрочному освобождению, не входят в группы отрицательной направленности, стараются не нарушать режим отбывания наказания. Совершение ими противоправного проступка чаще всего носит необдуманный характер и является бессистемным. С другой стороны, осужденные данной группы обращают свое внимание и на законы тюремного мира, которые ими воспринимаются как некая сила, с которой необходимо считаться, находясь в местах лишения свободы. Тем самым в отдельных случаях осужденные поддерживают законные действия администрации

учреждения, в других – лиц отрицательной направленности.

Занимая нейтральное положение в сообществе осужденных, «мужики» также совершают предусмотренные ст. 111 УК РФ преступления в условиях мест лишения свободы. Среди проанализированных уголовных дел доля таких осужденных составила 65,6 % от общего количества лиц, совершивших умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Это объясняется тем, что основной частью лиц, отбывающих наказание в учреждениях закрытого типа, являются именно осужденные указанной категории.

Чаще всего названные лица не предпринимают каких-либо подготовительных действий для совершения исследуемых преступлений, а также их дальнейшего сокрытия. Причинение тяжкого вреда здоровью ими осуществляется в зависимости от обстановки на момент совершения преступления (например, в условиях внезапной ссоры). В этом случае нанесение телесных повреждений может происходить в ходе обоюдной драки, нередко связанной с употреблением спиртных напитков. Поводом могут служить различные оскорбления, распространение порочащих сведений, унижение как самого осужденного, так и его близких родственников и т. д. Так, в исправительной колонии № 8 УФСИН России по Омской области в одном из отрядов осужденные Б. и С., распивая спиртные напитки, стали выражаться нецензурной бранью по отношению друг к другу. Возник конфликт, который постепенно перерос в драку, где Б. нанес деревянным табуретом осужденному С. множество ударов в область головы, чем причинил последнему тяжкий вред здоровью (Арх. Советского район. суда г. Омска за 2015 г. Уголов. дело № 1–65/2015).

Следует указать, что при совершении преступлений исследуемого вида для осужденных, нейтрально относящихся к нормам тюремной субкультуры, не характерны организаторские функции. Как правило, они причиняют тяжкий вред здоровью в одиночку.

Третью группу составляют осужденные, нарушившие неофициальные нормы тюремной субкультуры, например «отверженные» («обиженные», «опущенные» и т. д.). Они лишены всяких прав, предусмотренных указанными нормами. С учетом своего положения, а также постоянного унижения со стороны других осужденных обозначенная категория лиц, как правило, отличается повышенной мнительностью, скрытностью и враждебностью по отношению к окружающим, избегает постоянных отношений, в том числе и с администрацией учреждения. По результатам анализа уголовных дел доля данных осужденных составила 24,7 % от общего количества лиц, совершивших умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. При подготовке, совершении и сокрытии рассматриваемого преступления осужденные, нарушившие неофициальные нормы тюремной субкультуры, в большинстве случаев не имеют четкой линии поведения. В одних случаях они прибегали к различным способам подготовки и сокрытия преступлений, в других – нет. Для них характерны частые конфликты с другими осужденными по причине нарушения ими норм тюремной субкультуры, унижения со стороны других лиц. В результате осужденные с пониженным статусом могут совершить преступления, связанные с причинением тяжкого вреда здоровью, например, из чувства мести к своему обидчику и т. п.

Так, в исправительной колонии № 1 УФСИН России по Архангельской области осужденный К. на протяжении некоторого времени заставлял осужденного Б., относящегося к лицам с пониженным социальным статусом, делать уборку в одном из помещений, при этом постоянно высказывал в его адрес унизительные и оскорбительные слова. В один из дней осужденный Б., не выдержав такого отношения к себе, подошел к осужденному К. и нанес ему один удар металлической пластиной в живот, тем самым причинив тяжкий вред здоровью (Арх. Исакогорского район. суда г. Архангельска за 2014 г. Уголов. дело № 1–18/2014).

Помимо того, осужденные, нарушившие нормы тюремной субкультуры, нередко совершали исследуемые преступления под влиянием лиц отрицательной направленности, когда не могли, например, вернуть долг в установленный срок. Для данных осужденных не характерны организаторские функции. Они причиняют тяжкий вред здоровью, как правило, в одиночку.

В заключение сделаем некоторые выводы к сказанному.

Во-первых, рассматривая характеристику признаков личности преступника, на наш взгляд, стоит обращать внимание на следующие данные: а) сведения социально-демографического характера (пол, возраст, образование, семейное положение и т. п.); б) сведения производственно-бытового характера (трудовая занятость, род занятий; отношение к трудовой деятельности и др.);

в) сведения социально-правового характера (судимость, нарушения и т. п.); г) сведения социально-ролевого характера (неформальный статус в местах лишения свободы и т. п.); д) морально-психологические свойства личности (способности, привычки, образ жизни, черты характера, потребности, приоритеты, взгляды и др.).

Во-вторых, полученные данные о свойствах личности преступника позволяют создать определенный портрет субъекта преступления, ориентирующий следователя и оперуполномоченных в обстоятельствах произошедшего противоправного деяния, в круге лиц, среди которых следует искать виновное лицо, и определить основные направления в расследовании противоправного деяния. Большинство рассматриваемых преступлений совершается лицами мужского пола в возрасте от 18 до 39 лет, обладающих следующими признаками: как правило, отсутствие семьи и детей; невысокий уровень образования; наличие преступного опыта; неудовлетворительная или отрицательная характеристика в период отбывания наказания; нетрудоустроенность и отказ от общественного труда в период отбывания наказания; наличие физического здоровья. Данные лица наиболее импульсивны, агрессивны, легко поддаются провокациям и т. п.

В-третьих, изучение рассмотренных сведений позволяет сотрудникам органов предварительного расследования и оперуполномоченным выдвинуть наиболее оптимальные версии, осуществить поиск следов и орудий преступления, планировать процесс расследования, а также избрать определенные приемы, комбинации при производстве отдельных следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и т. п. Тем самым они способствуют качественному и своевременному раскрытию и расследованию преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Анфиногенов, В. А.** Субкультура осужденных и ее влияние на их поведение в условиях изоляции : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Анфиногенов Василий Анатольевич. – Саратов, 2016. – 215 с.
2. **Барабанов, Н. П.** Криминологическая и психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных / Н. П. Барабанов // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Том 25, № 2. – С. 28–36.
3. **Ведерников, Н. Т.** Личность преступника как элемент криминалистической характеристики / Н. Т. Ведерников // Криминалистическая характеристика преступлений : сборник научных трудов. – Москва : Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984. – С. 74–77.
4. **Гавло, В. К.** Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений / В. К. Гавло. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1985. – 197 с.
5. **Глазырин, Ф. В.** Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий : учебное пособие / Ф. В. Глазырин. – Свердловск : [б. и.], 1973. – 156 с.
6. **Жванков, В. А.** Человек как носитель криминалистически значимой информации / В. А. Жванков. – Москва : АПО, 1993. – 35 с.
7. Криминалистика / под редакцией В. А. Образцова. – Москва : Юрист, 1995. – 592 с. – ISBN 5-7357-0056-1.
8. **Малыхина, Н. И.** Классификации свойств и состояний лица, совершившего преступление, и формы их отражения в окружающей действительности / Н. И. Малыхина // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 4 (9). – С. 297–302.
9. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (январь–декабрь 2018 гг.) : информационно-аналитический сборник. – Тверь : НИИИТ ФСИН России, 2019. – 328 с.
10. **Шурухнов, Н. Г.** Криминалистика / Н. Г. Шурухнов. – 2-е изд., исправл. и доп. – Москва : Эксмо, 2008. – 720 с. – ISBN 978-5-699-25014-1.

REFERENCES

1. Anfinogenov V. A. *Subkul'tura osuzhdennyh i ee vliyanie na ih povedenie v usloviyah izolyacii. Diss. kand. yurid. nauk* [Subculture of convicts and its influence on their behavior in isolation. Diss. PhD. in Law]. Saratov, 2016. 215 p. (In Russ.).
2. Barabanov N. P. Kriminologicheskaya i psihologicheskaya harakteristika kriminal'noj subkul'tury osuzhdennyh [Criminological and psychological characteristics of the criminal subculture of convicts]. *CHelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment*, 2017, vol. 25, no. 2, pp. 28–36. (In Russ.).
3. Vedernikov N. T. Lichnost' prestupnika kak element kriminalisticheskoj harakteristiki [The identity of the offender as an element of the forensic characteristics]. *Sbornik nauchnyh trudov "Kriminalisticheskaya harakteristika prestuplenij"* [Collection of scientific works "Forensic characteristics of crimes"]. Moscow, 1984, pp. 74–77. (In Russ.).
4. Gavlo V. K. *Teoreticheskie problemy i praktika primeneniya metodiki rassledovaniya otdel'nyh vidov prestuplenij* [Theoretical problems and the practice of applying methods of investigation of certain types of crimes]. Tomsk, 1985. 197 p. (In Russ.).
5. Glazyrin F. V. *Izuchenie lichnosti obvinyaemogo i taktika sledstvennyh dejstvij* [Study of the identity of the accused and tactics of investigative actions]. Sverdlovsk, 1973. 156 p. (In Russ.).
6. ZHvankov V. A. *CHelovek kak nositel' kriminalisticheski znachimoj informacii* [Man as a carrier of forensic information]. Moscow, 1993. 35 p. (In Russ.).
7. Obrazcov V. A. (red.) *Kriminalistika* [Forensics]. Moscow, 1995. 592 p. (In Russ.).
8. Malyhina N. I. Klassifikacii svojstv i sostoyanij lica, sovershivshego prestuplenie, i formy ih otrazheniya v okruzhayushchej dejstvitel'nosti [Classifications of the properties and conditions of the person who committed the crime, and the forms of

their reflection in the surrounding reality]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Actual problems of Russian law*, 2008, no. 4 (9), pp. 297–302. (In Russ.).
9. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii (yanvar'–dekabr' 2018 gg.)* [Key performance indicators of the penal system of the Russian Federation (January–December 2018)]. Tver, 2019. 328 p. (In Russ.).
10. SHuruhnov N. G. *Kriminalistika* [Forensics]. Moscow, 2008. 720 p. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2020-10037
УДК 343.8:342.92

Предмет и пределы доказывания по делам об административных правонарушениях в деятельности исправительных учреждений и следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы

В. А. ПОНИКАРОВ – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент

Реферат

В статье впервые научно сформулированы многие компоненты (составляющие) совершенствования доказательной базы по делам об административных правонарушениях, в частности исследованы предмет и пределы доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности учреждений УИС.

В общем плане предмет доказывания устанавливает, что подлежит доказыванию, а пределы доказывания определяют необходимые границы (рубежи) доказывания по интересующим нас делам.

В конкретном аспекте предмет доказывания является системой фактов и обстоятельств, установление которых необходимо для правильного разрешения дела, а пределы доказывания представляют их материально-процессуальное выражение, которое позволяет сделать достоверные выводы.

В теоретическом плане пределы доказывания по делам об административных правонарушениях в деятельности пенитенциарных учреждений представляют уже более конкретную материально-процессуальную составляющую, связанную с объемом доказательной базы.

В работе представлены результаты исследования практики реализации доказательств по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности учреждений и органов ФСИН России, и на основе этого сделан вывод о том, что в целях обеспечения законности запрещенные предметы для осужденных должны быть зафиксированы в федеральном законе (например, Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации), а не в подзаконных актах (правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений и следственных изоляторов).

Ключевые слова: предмет; пределы доказывания; дела об административных правонарушениях; учреждения и органы УИС; ФСИН России.

12.00.14 – Административное право; административный процесс

The subject and scope of evidence in cases of administrative offenses in the activities of correctional institutions and pre-trial detention facilities of the penal system

V. A. PONIKAROV – Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor

Abstract

For the first time the article scientifically formulated many components of improving the evidence base in cases of administrative offenses, in particular, examined the subject and scope of evidence in cases of administrative offenses in the law enforcement activities of penal institutions.

In general terms the subject of proof establishes what is to be proved, and the limits of proof determine the necessary boundaries of proof in cases of interest to us.

In a specific aspect the subject of proof is a system of facts and circumstances, the establishment of which is necessary for the proper resolution of the case, and the limits of proof represent their material and procedural expression, which allows us to draw reliable conclusions.

In theoretical terms the limits of evidence in cases of administrative offenses in the activities of prisons represent a more specific material and procedural component related to the amount of evidence.

The paper presents the results of a study of the practice of implementing evidence in cases of administrative offenses in the law enforcement activities of institutions and bodies of the Federal Penal Service of Russia and on the basis of this, it is concluded that, in order to ensure legality, prohibited items for convicts should be recorded in federal law (for example, Criminal Executive code of the Russian Federation), and not in by-laws (internal rules of correctional institutions and pre-trial detention centers).

Key words: subject; limits of evidence; cases of administrative offenses; institutions and bodies of the penal correction system; Federal Penal Service of Russia.

12.00.14 – Administrative law; administrative process

Возбуждение и рассмотрение конкретных дел об административных правонарушениях осуществляются в рамках реализации правоохранительной функции исправительных учреждений и следственных изоляторов УИС. Соответствующие действия производятся непосредственно служащим, который ответственен за выполнение административно-правовых процедур в различных областях общественных отношений, например начальником исправительной колонии. Указанные процедуры разнообразны и требуют регламентации, особенно в правоохранительной сфере [1, с. 27].

Одной из административных операций является сбор, разбор доказательств по делам об административных правонарушениях в учреждениях и органах УИС. Заметим, что правовым формулированием рассматриваемого понятия выступает сам предмет доказывания. Он четко корреспондирует с обстоятельствами, подлежащими выявлению по конкретным делам в рассматриваемой сфере государственного управления.

Как нам представляется, сотрудникам УИС в части предмета доказывания необходимо руководствоваться гл. 26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

В обстоятельства, подлежащие выяснению по делу об административном правонарушении (ст. 26.1 КоАП РФ), на наш взгляд, входят как события, так и действия, а также отдельные свойства, формы, связанные с правонарушением, например виновность лица (умысел и неосторожность). Однако в процессе доказывания выявляются отдельные вещи, которые, на наш взгляд, являются не предметом, а объектом доказывания. Следовательно, предмет доказывания по делам об административных правонарушениях в деятельности учреждений УИС состоит из событий и действий, а также отдельных свойств, связанных с правонарушением.

Основная сложность рассматриваемой деятельности заключается в надлежащей фиксации предметов, орудий совершения административного правонарушения непосредственно на режимной территории учреждений и органов ФСИН России.

Анализируя понятие предмета доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях с научной точки зрения, следует принимать во внимание все факты и условия, которыми являются любые явления объективной действительности, необходимые для правильного разрешения дела об административном правонарушении в пенитенциарной системе.

Факт означает действительное, вполне реальное событие, условие – это обстоятельство, определяющее какое-либо положение. Было бы неверно сводить предмет доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности подразделений УИС лишь к фактам. Предмет доказывания охватывает также явления из категории условий.

Анализ правоприменительной практики показал, что в рамках такого рода доказывания сотрудники исправительных учрежде-

ний и СИЗО обязаны установить следующие основные обстоятельства и факты:

1) факт передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы;

2) фактическое (реальное, не мнимое) неповиновение гражданина законному требованию должностного лица пенитенциарной системы;

3) виновность лица в совершении административного правонарушения.

Актуальным является вопрос об отнесении иных доказательств собственно к предмету доказывания по рассматриваемым делам. Статья 26.1 КоАП РФ включает указание лишь на те обстоятельства и факты, которые имеют юридическое значение для разрешения соответствующих дел.

С точки зрения науки полагаем необходимым классифицировать обстоятельства и факты, которые укладываются в компонент доказывания. Критерием при этом выступает видовая характеристика доказательств.

Во-первых, деление обстоятельств и фактов на основные и дополнительные (второстепенные) условия фиксирует действующее административное законодательство.

Во-вторых, в теории права факты доказывания, зафиксированные в КоАП РФ, подразделяются на прямые (истинные) и косвенные (добавочные). Здесь во внимание принимается юридическое содержание ситуаций, подлежащих доказыванию.

В-третьих, в делах об административных правонарушениях в деятельности пенитенциарных учреждений содержатся сами компоненты предмета доказывания. Их необходимо сгруппировать надлежащим образом, а именно в предмет доказывания по указанным выше делам входят:

1) факт события непосредственного совершения лицом или группой лиц правонарушения;

2) характер совершенного противоправного деяния (действие или бездействие), наступление вредных последствий, причинно-следственная связь с административным правонарушением, наличие материального ущерба, факультативные признаки (время, место, способ совершения);

3) фактическое присутствие признаков субъективной стороны по данным делам;

4) обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность.

Кроме того, в предмет входят обстоятельства и факты, имеющие юридическое значение, а именно:

– обстоятельства, возбуждающие и исключающие производство по делу об административных правонарушениях в сфере деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы;

– обстоятельства, характеризующие возраст физического лица, привлекаемого к административной ответственности (по юридическим лицам должностные лица дела не рассматривают);

– обстоятельства, способствовавшие совершению административного правонарушения в сфере деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

Еще раз подчеркнем, что вопрос о сущности пределов доказывания по рассматриваемым делам в науке остается открытым. Это обусловлено существованием множества определений соответствующего понятия [2, с. 59].

Самое удачное, на наш взгляд, толкование предложил видный ученый М. С. Строгович: «Доказывание – это установление всех фактов, обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела» [3, с. 295].

Субъекты доказывания по делам об административных правонарушениях в деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы перечислены в приказе ФСИН России от 19.12.2013 № 780 «Об утверждении перечня должностных лиц учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, и органов уголовно-исполнительной системы, уполномоченных осуществлять административное задержание».

В соответствии с п. 5 ч. 5 ст. 28.3 КоАП РФ должностные лица уголовно-исполнительной системы возбуждают дела об административных правонарушениях. Кроме того, согласно ст. 23.4 этого же кодекса они имеют право рассматривать соответствующие дела в рамках своей компетенции. Указанные правовые нормы корреспондируют со ст. 26.1 КоАП РФ «Обстоятельства, подлежащие выяснению по делу об административном правонарушении».

Доказывание по делам об административных правонарушениях осуществляется в деятельности исправительных учреждений и следственных изоляторов ФСИН России в несколько этапов в соответствии с основными стадиями производства, которые юридически зафиксированы в Кодексе Российской

Федерации об административных правонарушениях.

На наш взгляд, в предмет доказывания входят содержание диспозиции конкретной статьи, а также нормы процессуального права, которые фиксируют диспозицию нарушенной нормы. Пределы же доказывания по делам об административных правонарушениях в деятельности пенитенциарных учреждений представляют уже более конкретную материально-процессуальную составляющую, свидетельствующую об объеме доказательной базы. Следовательно, необходимой совокупностью доказательств по делам об административных правонарушениях в рассматриваемой сфере является их достаточное количество.

Следует заметить, что пределы доказывания по анализируемым делам неодинаковы. Это объясняется тем, что составы административных правонарушений, рассмотрение которых отнесено к компетенции УИС, различны по своим объективным признакам. Например, доказывание факта неповиновения законному требованию сотрудника УИС (физическое сопротивление, нападение, неподчинение) – это одно, а доказывание реальной передачи любым способом лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, запрещенных предметов – уже другое доказательственное содержание предмета и пределов доказывания.

В целях обеспечения законности в сфере возбуждения дел об административных правонарушениях перечень запрещенных предметов, как нам представляется, должен быть закреплен в федеральном законе (например, в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации), а не в подзаконных актах (правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений и следственных изоляторов).

Проведенный нами опрос практических сотрудников (285 чел.) показал следующие результаты в части видов доказывания по делам об административных правонарушениях:

Должны ли должностные лица УИС осуществлять экспертизу по делу об административном правонарушении?		
Да	224	78,6 %
Нет	45	15,8 %
Затрудняюсь ответить	16	5,6 %

На практике должностные лица УИС очень редко проводят экспертизу по делам об административных правонарушениях. Как правило, материалы направляются в экспертно-криминалистические центры (отделы), которые входят в структуру МВД России.

Каковы действия должностных лиц УИС, направленные на сбор доказательств по делу об административном правонарушении?		
Взятие объяснения у лица, в отношении которого ведется производство по делу, сбор показаний потерпевшего и свидетеля	171	60 %
Изъятие вещественных доказательств	86	30,2 %
Взятие проб, образцов	11	3,85 %
Снятие показаний специальных технических средств	17	5,95 %

В указанной выше таблице представлены виды доказательств, которые наиболее часто осуществляются в деятельности исправительных учреждений и следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы.

Таким образом, наиболее часто в условиях исправительных учреждений используются такие виды доказательств, как объяснения лица, в отношении которого ведется производство, показания потерпевшего и свидетеля, а также вещественные доказательства.

Кто конкретно оценивает доказательства по делам об административных правонарушениях?		
Сотрудник УИС, выявивший правонарушение	43	15,1 %
Начальник исправительного учреждения	34	11,9 %
Мировой судья	12	4,2 %
Коллегиальный орган	194	68,1 %
Заместители начальника исправительного учреждения	1	0,35 %
Дежурная часть исправительного учреждения	1	0,35 %

Доказательства конкретными субъектами доказывания в деятельности пенитенциарных учреждений оцениваются по внутреннему воззрению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела.

Существует ли необходимость законодательного закрепления нового вида доказательств в рамках отдельной статьи, например ст. 26.8.1 КоАП РФ «Доказательства, полученные с использованием фото- и видеосъемки»?		
Да	255	90 %
Нет	23	8 %
Затрудняюсь ответить	7	2 %

Очевидно, что гл. 26 КоАП РФ должна быть дополнена новым видом доказательств.

Законодательное закрепление использования фото- и видеосъемки в ходе доказывания по делам об административных правонарушениях чрезвычайно важно для сотрудников исправительных колоний и следственных изоляторов ФСИН России.

Являются ли доказательством по делу об административном правонарушении поручения и запросы?		
Не являются	72	25 %
Являются	198	70 %
Затрудняюсь ответить	15	5 %

Многие сотрудники УИС полагают, что поручения и запросы могут выступать доказательствами по делу. Это корреспондирует с положениями ст. 26.9 КоАП РФ. По данным поручениям и запросам уже истребуются сведения, необходимые для разрешения дела.

Показания специалиста являются доказательством по делу об административном правонарушении?		
Да	256	90 %
Нет	20	7 %
Затрудняюсь ответить	9	3 %

В учреждениях и органах УИС имеются свои специалисты в различных сферах управления, которые дают пояснения по конкретным делам, и эти пояснения образуют конкретный вид доказательств. Следовательно, гл. 26 КоАП РФ должна быть дополнена новым видом доказательств, а именно показаниями специалиста. Это будет корреспондировать со ст. 25.8 данного кодекса.

Является ли постановление о назначении административного наказания доказательством по делу?		
Да	143	50 %
Нет	127	45 %
Затрудняюсь ответить	15	5 %

Большинство опрошенных дали утвердительный ответ на предложенный вопрос, так как само постановление о назначении административного наказания строится собственно на доказательной базе.

Можно ли обжаловать доказательства по делу об административном правонарушении?		
Да	253	89 %
Нет	29	10 %
Затрудняюсь ответить	3	1 %

В соответствии с положениями КоАП РФ лицо имеет право обжаловать только само постановление о наложении административного наказания, а не доказательства по делу. И тем не менее в рамках постановления, которое подкрепляется доказательствами, логично обжаловать и конкретно их.

Есть ли необходимость закрепления в федеральном законе «Об учреждениях и органах, исполняющих наказания в виде лишения свободы» видов доказательств по делу об административном правонарушении?		
Да	101	36 %
Нет	154	54 %
Затрудняюсь ответить	30	10 %

Большинство респондентов заявили, что не нужно фиксировать виды доказательств в законе «Об учреждениях и органах, исполняющих наказания в виде лишения свободы» в силу того, что все они перечислены в базовом нормативном акте, а именно в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях.

Нужно ли законодательно закрепить конкретный список технических и иных средств, имеющих силу доказательств?		
Да	208	73 %
Нет	57	20 %
Затрудняюсь ответить	20	7 %

Такое закрепление представляется необходимым, так как в дальнейшем это влияет на оценку доказательств. Например, на сегодняшний день в правоохранительной деятельности учреждений и органов УИС применяется система радиоподавления, радиоблокирования каналов управления беспилотными летательными аппаратами, но юридически это не зафиксировано, и поэтому использование соответствующих средств является незаконным действием со стороны администрации исправительного учреждения и следственного изолятора.

Необходимо ли закрепить положение о том, что данные, полученные в ходе проведения ОРД, являются доказательствами по делу?		
Нет	228	80 %
Да	42	14,7 %
Затрудняюсь ответить	15	5 %

Даже по уголовным делам не все сведения, полученные в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, могут считаться доказательствами, а по административным делам это тем более недоступно.

Какие протоколы о мерах, обеспечивающих производство по делу, наиболее часто составляют сотрудники УИС в своей правоохранительной деятельности?		
Протокол об административном правонарушении, задержании	171	60 %
Протокол об изятии вещей и документов	86	30 %
Затрудняюсь ответить	28	10 %

Должностные лица УИС в своей практической деятельности составляют протоколы об административных правонарушениях значительно чаще, чем, например, протоколы о доставлении, изъятии, административном задержании. Это объясняется тем, что протокол об административном правонарушении является основным документом по делу.

Итак, в ходе рассмотрения сущности предмета и предела доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности учреждений УИС нами было определено, что предмет доказывания устанавливает, что подлежит доказыванию, а пределы доказывания определяют необходимые границы (рубежи) доказывания. Если предмет доказывания является системой фактов и обстоятельств, установление которых необходимо для правильного разрешения дела, то пределы представляют их материально-процедурное выражение, которое позволяет сделать достоверные выводы.

Таким образом, исследуемые компоненты (элементы) доказывания в рассматриваемой деятельности преследуют только одну цель – помочь должностным лицам исправительных учреждений в реализации положений Кодекса РФ об административных правонарушениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Нагорных, Р. В.** Административно-правовое регулирование государственной службы Российской Федерации в правоохранительной сфере : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Нагорных Роман Вадимович. – Москва, 2016. – 40 с.
2. **Поникаров, В. А.** Институт доказывания по делам об административных правонарушениях в правоохранительной деятельности исправительных учреждений и следственных изоляторов ФСИН России : монография / В. А. Поникаров, Л. В. Павлова, Е. В. Сенатова. – Москва : Проспект, 2017. – 144 с. – ISBN 978-5-392-22630-6.
3. **Строгович, М. С.** Курс советского уголовного процесса. В 2 томах. Том 1. Основные положения науки советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – Москва : Наука, 1968. – 470 с.

REFERENCES

1. Nagornyh R. V. *Administrativno-pravovoe regulirovanie gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federacii v pravoohranitel'noj sfere. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk* [Administrative and legal regulation of the public service of the Russian Federation in law enforcement. Author's abstract of the diss. Dsc. in Law]. Moscow, 2016. 40 p. (In Russ.).
2. Ponikarov V. A., Pavlova L. V., Senatova E. V. *Institut dokazyvaniya po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah v pravoohranitel'noj deyatel'nosti ispravitel'nyh uchrezhdenij i sledstvennyh izolyatorov FSIN Rossi*i [The Institute of Evidence in Administrative Offenses in Law Enforcement Activities of Correctional Institutions and Detention Bodies of the Federal Penal Service of Russia]. Moscow, 2017. 144 p. (In Russ.).
3. Strogovich M. S. *Kurs sovetskogo ugolovnogo processa. Tom 1. Osnovnye polozheniya nauki sovetskogo ugolovnogo processa* [The course of the Soviet criminal process. Vol. 1. The main provisions of the science of the Soviet criminal process]. Moscow, 1968. 470 p. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2020-10038
УДК 343.915

Особенности законодательства Республики Беларусь, регулирующего правовое положение несовершеннолетних, отбывающих наказание

Е. А. ШАРКОВА – доцент кафедры юридических дисциплин Военной академии Республики Беларусь, кандидат юридических наук

Реферат
В статье говорится о реализации международных стандартов в законодательстве Республики Беларусь, регулирующем правовое положение несовершеннолет-

них преступников, отбывающих наказание в воспитательной колонии. Демократизация социальных процессов позволила Республике Беларусь присоединиться к ряду международных соглашений, касающихся прав человека и положения осужденных несовершеннолетних. Для обязательных международных стандартов, пактов, конвенций, ратифицированных республикой, характерно прямое юридическое действие: они должны непосредственно применяться в законодательстве. Также уделяется внимание основным вопросам исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних преступников, их ресоциализации после освобождения из воспитательной колонии. Анализируются проблемы преступности несовершеннолетних как самостоятельного асоциального явления, характеризующегося структурой, динамикой и причинами. Представлено криминологическое исследование, которое позволило выделить обстоятельства, негативно влияющие на духовное и нравственное воспитание подростка, затрудняющие его физиологическое развитие и тем самым приводящие к совершению преступления.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних; воспитательная колония; криминализация личности несовершеннолетнего; отбывание наказания несовершеннолетними преступниками; меры профилактики подростковой преступности; социальная адаптация.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Features of the legislation of the Republic of Belarus regulating the legal status of minors serving sentences

E. A. SHARKOVA – Associate Professor of the Department of Legal Disciplines of the Military Academy of the Republic of Belarus, PhD. in Law

Abstract

The article refers to the implementation of international standards in the legislation of the Republic of Belarus, which regulates the legal status of minor offenders serving sentences in an educational colony. The democratization of social processes allowed the Republic of Belarus to join a number of international agreements relating to human rights and the situation of convicted minors. Obligatory international standards, covenants, conventions ratified by the republic are characterized by direct legal effect: they must be directly applied in legislation. Attention is also paid to the main issues of the execution of sentences against minor offenders as well as their re-socialization after being released from the educational colony. The problems of juvenile delinquency as an independent asocial phenomenon characterized by structure, dynamics and causes are analyzed. A criminological study is presented, which made it possible to single out circumstances that negatively affect the spiritual and moral education of a teenager, comlicating his physiological development and thereby leading to the commission of a crime.

Key words: juvenile delinquency; educational colony; criminalization of the personality of a minor; serving sentences by minor delinquents; preventive measures for minor delinquency; social adaptation

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Республика Беларусь – член ООН с 1945 г., участник основных международных договоров по правам человека, поэтому берет на себя обязательство защищать права и свободы, признанные в этих договорах, обеспечивать соответствие национального законодательства и правоприменительной практики положениям этих договоров. Международные стандарты по исполнению уголовных наказаний обращают внимание всех стран на то, что несовершеннолетний осужденный имеет особенные свойства личности. Это прежде всего ребенок со всеми вытекающими из этого последствиями: неустойчивой психикой, незавершенным процессом социализации личности и т. п. [1].

Воспитательная колония в г. Бобруйске для несовершеннолетних входит в систему исправительных учреждений Республики Беларусь, исполняющих наказание в виде лишения свободы. Особое место воспитательных колоний в системе исправительных учреждений закреплено в ряде международных нормативных правовых ак-

тов. Основные положения международных стандартов отражены в действующем законодательстве: в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (УПК РБ), Уголовном кодексе Республики Беларусь (УК РБ), Уголовно-исполнительном кодексе Республики Беларусь (УИК РБ).

Нормы уголовно-процессуального закона всесторонне и объективно регулируют судебное производство по делам о преступлениях несовершеннолетних с учетом особенностей их личности. Важной в плане соответствия международным стандартам обращения с несовершеннолетними правонарушителями является норма УПК РБ об обязательности при постановлении приговора несовершеннолетнему обсуждения судом вопросов о назначении наказания, не связанного с лишением свободы, а также об освобождении от наказания. Дела данной категории, согласно ст. 430 УПК РБ, подлежат рассмотрению специальными судами по делам несовершеннолетних либо судьями, имеющими специальную подготовку.

Если несовершеннолетний, достигший 14 лет, совершает общественно опасное деяние, ответственность за которое наступает с 16 лет, но в его действиях одновременно имеются признаки другого преступления, указанного в ч. 2 ст. 27 УК РБ, то он подлежит уголовной ответственности. Рассмотрение судами уголовных дел в отношении несовершеннолетних происходит в соответствии с требованиями законности и при исследовании имеющихся данных, характеризующих личность несовершеннолетнего правонарушителя, а также при тщательном изучении условий, в которых он развивался, сведений о его ближайшем окружении, семье, родственниках.

В 2018 г. в стране было завершено расследование по уголовным делам в отношении 1665 несовершеннолетних преступников при численности несовершеннолетних в возрасте от 10 до 19 лет – 908 999 чел.

Анализ норм УК РБ об уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в возрасте до 18 лет, показывает, что они в большей мере базируются на принципах карательного правосудия, где главная проблема в том, каким образом наказывать преступника. Согласно ст. 108–117 УК РБ предусмотренная уголовным законом система наказаний для несовершеннолетних ни юридически, ни фактически не решает вопроса, каким образом восстановить благополучие несовершеннолетнего, потерпевшего, общества.

С 2004 г. стал снижаться показатель применения судами такого вида наказания, как лишение свободы в отношении несовершеннолетних: по ст. 115 УК РБ в 2004 г. было осуждено 1119 чел., в 2015 г. – 246 (снижение в 4,5 раза), в 2016 г. – 241, в 2017 г. – 178, в 2018 г. – 113. По применению судами такого вида наказания, как исправительные работы, имеются следующие данные: по ст. 113 УК РБ в 2004 г. было осуждено 288 чел., в 2015 г. – 6, в 2016 г. – 6, в 2017 г. – 5, в 2018 г. – 3.

В соответствии со ст. 115 УК РБ лицу, не достигшему 18 лет ко дню постановления приговора, отбывание наказания в виде лишения свободы назначается в воспитательной колонии. Отбывание наказания в виде лишения свободы в тюрьме к несовершеннолетним в Республике Беларусь не применяется. В соответствии со ст. 132 УИК РБ в воспитательной колонии г. Бобруйска могут находиться осужденные, оставленные в ней после достижения ими 18 лет.

Воспитательная колония создается аналогично исправительной: территория учреждения делится на производственную и жилую зоны. Изолированно от других объектов оборудуется здание дисциплинарного изолятора (ДИЗО). В воспитательных колониях лица, отбывающие наказания, называются воспитанниками, и сотрудники должны к ним обращаться соответственно, а осужденные могут обращаться к представителям администрации колонии по имени и отчеству.

В ст. 129 УИК РБ указаны меры взыскания, применяемые к осужденным в воспитательной колонии за нарушение установленного порядка отбывания наказания: 1) выговор; 2) внеочередное дежурство по уборке помещений или территории воспитательной колонии; 3) лишение права на получение очередной посылки или передачи; 4) лишение очередного свидания; 5) водворение в дисциплинарный изолятор на срок до семи суток. При применении мер взыскания к осужденным учитываются обстоятельства совершения нарушения, личность осужденного и его предыдущее поведение. Меры взыскания в виде лишения права на получение очередной посылки или передачи, а также в виде лишения очередного свидания применяются, как правило, за грубые или неоднократные нарушения установленного порядка отбывания наказания, несоблюдение установленных в колонии запретов. Однако считаем, что применение этой меры и даже ее существование имеет ряд антигу-

манных моментов, противоречащих международно-правовым документам.

По нашему мнению, необходимо законодательно закрепить невозможность применения таких мер взыскания к несовершеннолетним осужденным, как лишение встреч с семьей, телефонных разговоров с близкими людьми. В п. 59 Правил ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, рекомендуется использовать все средства для обеспечения должной связи несовершеннолетних с внешним миром, что является неотъемлемой частью права на справедливое обращение и считается важным для подготовки несовершеннолетних к возвращению в социум, в п. 60 указывается, что каждый несовершеннолетний должен иметь право на регулярные свидания со своей семьей (раз в неделю и не менее раза в месяц). Это подтверждается п. 26.5 Пекинских правил, где говорится, что в интересах благополучия несовершеннолетних, помещенных в исправительные учреждения, их родители или опекуны должны иметь право посещать их.

Мера поощрения определяется также исходя из личности осужденного и признаков, характеризующих его поведение. При надлежащем выполнении установленных обязанностей, добросовестном отношении к труду, обучению, участии в воспитательных мероприятиях и иной полезной деятельности возникают основания для мер поощрения, применяемых к несовершеннолетним осужденным в воспитательной колонии, которые направлены на стимулирование их правомерного поведения и исправления.

Администрация исправительного учреждения обязана привлекать воспитанников к общественно полезному труду с учетом их возраста, а на лицевой счет несовершеннолетних независимо от всех удержаний поступает не менее половины начисленной им заработной платы или иных доходов. Воспитанники в трудовых правоотношениях приравниваются к совершеннолетним, а в области охраны труда, рабочего времени, отпусков и некоторых других условий труда пользуются гарантиями, установленными Трудовым кодексом Республики Беларусь и иными законодательными актами.

Согласно положениям ч. 1 ст. 134 УИК РБ воспитательная работа в воспитательных колониях осуществляется в сочетании с образовательным процессом. Для реализации профилактического воздействия организуется единый учебно-воспитательный процесс, предусматривающий сочетание воспитательной работы с получением общего базового, общего среднего образования, профессионально-технического образования и осуществлением различной профессиональной подготовки. В п. 38 Правил ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, устанавливается, что каждый подросток в возрасте обязательного школьного обучения имеет право на получение образования, соответствующего его потребностям и способностям и имеющего целью подготовить его к возвращению в общество. В дипломах или свидетельствах об образовании, выдаваемых несовершеннолетним, не следует делать каких-либо пометок о том, что данный несовершеннолетний находился в колонии.

К основным направлениям воспитательной работы в воспитательной колонии относятся правовое, нравственное, духовное, трудовое, эстетическое, санитарно-гигиеническое и физическое воспитание. Несовершеннолетним необходимо доводить полноценную информацию о современном праве и его отраслях, правах и обязанностях гражданина, определенных в Конституции Республики Беларусь.

В исправлении осужденных к лишению свободы, а также в осуществлении общественного контроля деятельности воспитательных колоний участвуют комиссии по делам несовершеннолетних при местных исполнительных и распорядительных органах. Комиссии выполняют следующие функции: принятие мер по защите, восстановлению и реализации прав и законных интересов несовершеннолетних; оказание помощи в трудовом и бытовом устройстве несовершеннолетних, освобожденных из воспитательной колонии; участие в разработке нормативных правовых актов по вопросам защиты прав и законных интересов несовершеннолетних; осуществление общественного контроля деятельности воспитательных колоний; согласование оставления в колонии осужденных, достигших 18 лет, а также продление срока пребывания в ней лиц, достигших возраста 21 года; согласование решения о переводе в исправительную колонию осужденного, достигшего 18-летнего возраста. В ст. 106 УИК РБ говорится об участии общественных воспитателей в исправительном процессе, но не регламентируется их деятельность специальными нормативными правовыми актами: все происходит по согласованию с руководством колонии, поэтому эти нормы законодательства требуют серьезной корректировки.

Большой интерес для криминологической характеристики имеет общеобразовательный уровень несовершеннолетних преступников. Статистические данные свидетельствуют о том, что в 2018 г. в средней общеобразовательной школе обучались 412 чел., в колледже – 358, не учились и не работали – 116, в 2017 г. – 462, 441 и 173 чел. соответственно. Потребности, интересы и избираемые способы их удовлетворения, а также увлечения осужденных несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях, достаточно типичны. Только 12 % опрошенных лиц интересовала учеба, 74 % проводили все свое свободное время в общении с друзьями, 42 % увлекались физкультурой и спортом, 38 % – компьютером, 31 % – музыкой, у 23 % времяпрепровождение было связано с распитием спиртных напитков, курением, 8% вообще ничем не интересовались.

В 2018 г. в семье с одним родителем воспитывались 298 несовершеннолетних осужденных, вне семьи – 38, в 2017 г. – 351 и 40 соответственно, в 2016 г. – 491 и 58. В 2018 г. в Республике Беларусь за совершение преступления было привлечено 17 несовершеннолетних граждан иностранных государств, в 2017 г. – 13, в 2016 г. – 26 (несовершеннолетние, отбывающие наказание в воспитательных колониях, делятся по национальности следующим образом: белорусы – 94 %, россияне – 2 %, цыгане – 2 %, украинцы – 1 %, другие национальности – 1 %).

На основе анкетирования было выявлено, что 63 % несовершеннолетних верят в то, что они ни при каких обстоятельствах не совершат нового преступления; 31 % вообще не знает, что с ним будет дальше; 4 % не исключают, что, находясь на свободе, они совершат новое преступление, а 2 % уверены, что их уже не исправить, они будут и впредь совершать преступления.

Взгляды на будущее несовершеннолетних осужденных разносторонни: например, 55 % респондентов ответили, что в будущем они хотят обязательно получить образование, 74 % – устроиться на работу, 12 % – заниматься домашним хозяйством, 33 % – наладить отношения с родными, 55 % – завести свою семью, 14 % – жить в свое удовольствие. Только 2 % воспитанников ответили, что после отбывания наказания им некуда идти, поэтому они не знают, чем будут заниматься в дальнейшем.

Практически всем несовершеннолетним преступникам свойственны индифферентное, циничное отношение к общепринятым человеческим ценностям, бедам и неприятностям других людей, к закону и ярко выраженный правовой нигилизм. Так, половина респондентов не задумывалась о последствиях совершенного преступления, 23 % не ожидали произошедших последствий, 6 % относились к наступившим последствиям безразлично, а 5 % надеялись, что они скрыли следы своего преступления.

Индивидуально-профилактическая работа с несовершеннолетними не может осуществляться стихийно, она должна иметь свою научно обоснованную тактику, очередность, результативность. Настало время подумать о введении в общеобразовательных школах штатной единицы криминолога под юрисдикцией Министерства юстиции Республики Беларусь, который должен иметь право получать информацию о действиях и планах несовершеннолетнего с противоправным поведением, используя определенные законные методы. В обязанность данного специалиста будет входить составление криминологических прогнозов относительно перспективного поведения правонарушителей. На каждое несовершеннолетнее лицо, в отношении которого осуществляется прогноз, должен создаваться индивидуальный банк данных, поэтому прогностический вывод во многом будет зависеть от количества и качества информации.

Требуются законы, регламентирующие сбор и защиту собираемой криминологической информации, ведь криминология изучает не только преступность как комплексное явление, но и личность преступника, проводит анализ механизмов контроля, прогнозирование возможных действий и их последствий. Криминолог должен тесно сотрудничать с комиссией по делам несоверншеннолтних для разработки совместных мер по профилактике преступности среди несовершеннолетних. Для этого надо наделить его необходимыми полномочиями на законодательном уровне. Качественные прогнозы возможного преступного поведения несовершеннолетнего вооружат правоохранительные органы материалами и оценками развития процесса, позволят обосновать и разработать конкретные профилактические мероприятия. Результаты такого прогноза, несмотря на их вероятностный характер, должны использоваться для принятия управленческих решений.

Как показывают статистические данные, в 2018 г. было осуждено 993 несовершеннолетних, из которых 140 совершили преступление повторно, потому что их личности не

до конца исследовались, не был составлен заключительный прогноз о криминализации личности (к трем из них до совершения повторного преступления уже применялось освобождение от уголовной ответственности, к 19 – отсрочка исполнения наказания, к 11 – условное наказание). Предупреждение преступности несовершеннолетних – сложный, непрерывный процесс. Профилактическая деятельность по месту жительства с бывшими воспитанниками воспитательных колоний должна быть направлена на ликвидацию проблем в жилищно-бытовой сфере с возвращением в учебный коллектив, с трудоустройством. Требуются действенные перспективные программы по трудоустройству таких осужденных или особые школы с усиленными производственными базами для дальнейшего их обучения.

Таким образом, несовершеннолетние, совершившие правонарушения, противопоставляют себя обществу, которое отвергает и игнорирует их проблемы. Порой малолетние преступники сами являются жертвами социума, когда их право на качественную жизнь не было удовлетворено, поэтому они нуждаются в реальной помощи, чтобы найти в себе силы для законопослушной жизни и, возможно, в будущем сделать значимый вклад в общество. Однако важно, чтобы не только судебное постановление было законным, обоснованным и справедливым, но и его исполнение соответствовало международным стандартам защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, а также способствовало предупреждению последующих преступлений. Действия суда обязаны получить преемственность и развитие в органах, исполняющих наказание или работающих с несовершеннолетними после вынесения судебного постановления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Шаркова, Е. А.** Предупреждение формирования и криминализации личности несовершеннолетнего преступника : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шаркова Елена Анатольевна ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск, 2016. – 24 с.

REFERENCES

1. SHarkova E. A. *Preduprezhdenie formirovaniya i kriminalizacii lichnosti nesovershennoletnego prestupnika. Avtoref diss. kand. yurid. nauk* [Prevention of the formation and criminalization of the identity of a minor offender. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Minsk, 2016 24 p. (In Russ.).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.24411/2686-9764-2020-10039
УДК 159.9.075

Системно-базисное определение и измерение духовности личности курсанта ведомственного вуза

К. Б. МАЛЫШЕВ – профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук;

О. А. МАЛЫШЕВА – доцент кафедры общей психологии психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук;

Н. Г. СОБОЛЕВ – начальник кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук

Реферат

Данная статья обозначает в психологии новую версию «синтетического» системного описания информации, которая является дедуктивно-теоретическим методом исследования. Главным инструментом, который предлагается в авторской версии системного подхода, является понятие базиса, взятое из математики и позволяющее структурировать и организовывать большие массивы информации. Авторский вариант использования метода базиса, который является полным, упорядоченным и измеримым множеством знаковых объектов, позволяет: 1) убедиться в полноте системного описания компонентов информации; 2) упорядочить эти компоненты; 3) получить устойчивую опору описания; 4) использовать ее для соотнесения различных описаний одного и того же объекта; 5) обнаруживать общность объектов различной природы; 6) измерять информацию (владеющий мерой – владеет миром диагностики). В работе определяется духовность курсанта Вологодского института права и экономики ФСИН России на основе системно-базисного типологического метода. Измерительный типологический базис – это полное, упорядоченное и измеримое множество типов. Использование такого базиса в психологии – это проверка его на типологическую полноту, упорядоченность типов и возможность создания диагностической методики, в частности образно-проективной или словесно-числовой (то есть текста).

Ключевые слова: типологизация; системность; трехмерность; базисность; профессиональная направленность личности; профиль; семантическая близость; ценностные ориентации; духовность.

19.00.06 – Юридическая психология

System-based definition and measurement of spirituality of personality of a cadet of a departmental university

K. B. MALYSHEV – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Psychology;

O. A. MALYSHEVA – Associate Professor of the Department of General Psychology of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics;

N. G. SOBOLEV – Chief of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology

Abstract

This article denotes in psychology a new version of the "synthetic" systemic description of information, which is a deductive and theoretical research method. The main tool that is proposed in the author's version of the system approach is the concept of a basis, taken from mathematics and allowing to structure and organize large amounts of information. The author's version of the use of the basis method, which is a complete, ordered and measurable set of symbolic objects, allows you to: 1) verify the completeness of the system description of information components, 2) organize these components, 3) obtain a stable description support, 4) use it to correlate different descriptions one and the same object, 5) detect the commonality of objects of different nature, 6) measure information (who owns the measure – owns the world of diagnostics). The spirituality of the cadet of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia is determined in this work on the basis of a system-based typological method.

A measuring typological basis is a complete, ordered, and measuring set of types. Using this basis in psychology is checking it for typological completeness, ordering of types, and the ability to create a diagnostic technique, in particular figuratively projective or verbal-numerical (i.e. test).

Key words: typologization; consistency; three-dimensionality; basicity; professional orientation of the personality; profile; semantic affinity; value orientations; spirituality.

19.00.06 – Legal psychology

Являясь центральным вопросом философии, духовность была, есть и остается важнейшей общечеловеческой проблемой безопасности и сохранения цивилизаций. Предельное богатство и разнообразие исследований духовности в современной философии указывает на исключительность этого феномена как «вызывающего явления» в науке. Следует отметить, что современные исследования, раскрывающие содержательные параметры духовности, во многом дополняют их общетеоретическое осмысление, заложенное еще в эпоху Античности. Общей тенденцией исследований духовности становится стремление к более целостному, системно-концептуальному представлению о духовном мире и целеполагании в жизнедеятельности человека. Анализ духовности представляется в настоящее время одним из основных направлений исследований современной философии и психологии. Его актуальность в контексте решения теоретико-методологических проблем пенитенциарной психологии обусловлена прерогативой этого феномена в рассмотрении многогранной природы внутреннего мира человека, образ которого определяется его духовной сущностью [3].

В науке есть много определений понятия «духовность». В онтологии это «сопричастность души к духу», преодолевающая абсолютизацию самодостаточности индивидуальной души (душа – это одно из названий психики человека в древности). Духовность также можно определить как природное естественное свойство, как проявляемое в сознании человека состояние, заключающееся в притяжении, в стремлении к единению человека с богом, с метасознанием, выражаемое в божественной любви, в высших критериях духовной этики, являющееся управляемой способностью человека, которую можно сформировать, то есть воспитать (например, через уроки богословия или теологии, которые дадут возможность связать сознание курсанта ведомственного вуза с формированием духовных ценностей). Божественный мир не совпадает ни с научным миром, ни с реальным миром людей. Для многих он представляет особое таинство. Это мир, воспринимаемый на уровне интуиции, не описываемый языком науки. Чтобы войти в этот необычный мир, необходимо ввести человека в особое «трансперсональное состояние», породить мистические переживания, особые формы духовного опыта, то есть это психология за пределами личности и измененные состояния сознания. Определение бога как биологической объединенной голограммы является тоже условным и ненаучным. Кстати, термины

«бог», «божественное», «святой дух» можно спроектировать и связать с перцептивными способностями сознания субъектной личности, направленной на ее «духовные ценности». Возможны по крайней мере три пути формирования духовности у курсанта: 1) через среду проживания, родителей, знакомых, друзей, товарищей, сокурсников; 2) учебные занятия по богословию и теологии; 3) мировоззрение, сформированное за счет образования и самообразования.

Религиозность, оцерковление как соблюдение определенного культа и религиозных ритуалов не имеет ничего общего с духовностью. Духовный человек может быть религиозным, а может и не быть таковым. Духовность – это главное условие нравственного возрождения людей (кстати, нравственное воспитание часто связывают с формированием духовных ценностей).

Позитивная духовность связана с 1) ориентацией человека на высшие общечеловеческие ценности (любовь, доброту, сострадание, милосердие и т. д.), 2) укоренением их в своей повседневной жизни.

Духовность – это нематериальность, бесплотность; одухотворенность, наполненность духом творчества или творящим духом; процесс гармоничного развития духовных способностей человека. В богословском смысле духовность есть пребывание того или иного духа в человеческой душе, связь души с духом; бездуховность – отсутствие духа в душе, прерывание связи души с духом. С материалистической точки зрения духовность есть интериоризация сознанием индивида высших общественных ценностей (моральных, эстетических, научных и др.). Личность – это духовная субстанция и совокупность духовных качеств индивида. Духовность может представлять собой особое качество личности, основанное на ее способности создавать свой ценностный внутренний мир, осознавая, бескорыстно оценивая и чувственно переживая полученную информацию на основе общезначимых внешних социальных норм нравственности, и направлять свою деятельность на достижение истины, добра, красоты и любви в процессе самосовершенствования. Умом (аналитическим, научным) веру (как и Россию) не понять. В нее надо просто бездоказательно верить на уровне интуиции как чутья без научного анализа. Научное мышление – это аналитико-синтетическое преобразование информации, в результате которого рождается мысль. В интуиции как в полумышлении человека есть только синтез, но без научного анализа. Поэтому не надо «онаучивать веру». Вера и наука в этом смысле противоположны и представляют разные области и методы анализа информации об окружающей реальности. Единственно можно показать, что существует предрасположенность, тяготение или тенденция связи сознания личности с ее духовными ценностями, то есть с ее духовной верой или духовностью.

В прямом, то есть религиозно-философском, смысле духовность – это: а) состояние духовного, из одного только духа составленное; б) относимое к духовному ведомству (духовенство, духовное учебное заведение); в) присутствие духа Божьего в человеке, непосредственный контакт души с каким-либо внешним духом («сдержанность духом»); существенное свойство души быть образом, зеркалом духа Божьего. Соответственно, бездуховность есть прежде всего покинутость человека Богом, разрыв связи души (то есть психики) с духом, замыкание способностей души на деятельности по обслуживанию своей телесной оболочки (плоти) (это, в частности, ориентация сознания (психики) на материальные ценности) и сохранению достигнутой жизненной формы.

В переносном, светско-материалистическом, смысле духовность чаще всего трактуется как тяга людей к вершинам культуры и совершенствованию своих творческих способностей. Душе (то есть психике) животных никогда не будет свойственна духовность. Духовность – это такой высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности человека, на котором основными мотивационно-смысловыми регуляторами ее жизнедеятельности становятся высшие человеческие ценности. Понимающая психология подчеркивала необходимость изучения психики в связи с порождениями человеческого духа – историей, культурой, искусством, этикой и т. п., а не с физикой, биологией и медициной [1].

А. Маслоу связывает духовность с высшими духовными бытийными ценностями и пиковыми переживаниями, характерными для самоактуализирующихся личностей. Метамотивами являются высшие бытийные ценности, такие как истина, добро, совершенство, красота, жизненность, единство противоположностей, простота, игра и т. д.

В. Франклом заложены основы экзистенциально-аналитической антропологии. Им впервые в психологии используется философский аппарат для выделения метафизической (духовной) природы человека и проводится разотождествление его сущно-

сти и бытия с психическими и психологическими феноменами, имеющими важное, но созависимое, вторичное значение в жизни индивида. Ключевым положением такого понимания психологического измерения человека явилась оппозиция духовного психофизиологическому. Духовность при этом выступает конституирующей особенностью и смыслом существования человека [4].

В. Франкл создает трехмерную модель человека, содержащую в горизонтальной плоскости телесное и психодинамическое измерения, а в вертикальной – духовное, противопоставленное первым двум. Духовность является первой из трех характеристик человеческого существования, которая отличает нас от животных и представляется главным атрибутом человека. Человек должен быть ответственным перед собой, своей совестью и Богом [4].

Христианская психология связывает человеческую духовность с высшими силами «божественной природы», проявляющимися в поступках, отрицая возможность иной духовности, основанной, например, на ценностях культуры. Духовность является не структурой, а наряду со свободой и ответственностью способом существования человека, достигшего личностной зрелости. На уровне духовности на смену иерархии узколичных потребностей, жизненных отношений и личностных ценностей, определяющих жизнь большинства людей, приходит ориентация на широкий спектр общечеловеческих социально-духовных ценностей. Человек перестает быть изолированным индивидом, решающим эгоцентрические задачи эффективной адаптации к среде, и подключается к социальной созидательной энергии общностей людей. Духовность выступает предпосылкой личностной свободы и автономии, то есть субъектной позиции личности. Духовная жизнь связана с любовью, радостью, миром, долготерпением, благостью, милосердием, верой, кротостью и воздержанием [1].

Развитие философских идей в определении духовности актуализирует анализ метатеорий, разработанных на основе междисциплинарного подхода. Духовность сегодня с этих позиций рассматривается как главное ценностное состояние сознания, как интеллектуальный и нравственно-психологический потенциал человека, как акт становления человека, как инобытие, как системообразующее начало, «как путь и образ жизни, как обретение благодати и Духа…» [3, с. 168].

Духовность является и системообразующим началом, определяющим организацию и развитие внутреннего мира человека, его интенциональность, выступая одновременно и как главный фактор системы ресурсов совладающего поведения и обеспечения жизнестойкости. «Являясь вневременным образованием, духовная сфера участвует в удержании и стабилизации психических состояний человека, предупреждая их распад – хаос, характерный для открытых систем, подверженных энтропии. Результатом участия духовной сферы в регуляции фазовых (неравновесных) состояний сознания и других квазиобъектов человека становится возможным достижение сверхадаптации» [3, с. 168–169]. Духовная сфера в качестве регулятора сознания и психических параметров поведения обладает способностью удерживать жизнеспособность человека в экстремальных ситуациях, сохраняя тем самым жизнь субъективной реальности. Именно эта сверхфункция духовности, являющаяся консервирующей, остается малоизученной в философии и психологии [3, с. 169].

Трехмерная базисная типологическая модель ценностей – это эстетические ценности – нормативные ценности, материальные ценности – духовные ценности, исследовательские ценности – организаторские ценности.

Духовные ценности личности и определяют ее духовность (см. таблицу).

Сравнительный анализ типологий профессиональной направленности, эго-состояний, поведения и ценностных ориентаций личности

Личностный профессиональный типологический базис (Д. Голланд)	Уточненные типы эго-состояний (Э. Берн) и типы поведения (Б. Бейлз)	Базисные типы ценностных ориентаций личности курсанта ВИПЭ ФСИН России
1	*2*	*3*
Предприимчивый тип. Стремится к руководству другими людьми, социален, любит организационную работу, активен, в поведении опирается часто на эмоции, своей волей может подавлять волю	Взрослый организующий (ВО) – стремится к организации и руководству. Социален, импуль-	Организаторские ценности Стремится к социальным контактам, публичный

1	2	3
других людей, для него важны статус и власть. Бессистемен в мышлении, отбирает лучшее из разных систем мысли, обладает эклектическим умом, порой не хватает вкуса и чувства меры. Смешивает несоединимое. Использует все для получения результата и стремится любой ценой получить прибыль. Использует практику и теорию для достижения цели. При воздействии на людей может умело использовать тактику и стратегию поведения. Не теряется в сложных жизненных ситуациях. Это заведующий, директор, телерепортер, товаровед, дипломат, журналист	сивен, эмоционален, может проявить агрессивность; любит, чтобы его признавали и почитали, стремится к авторитарной позиции. Всегда умен, всегда прав и не любит критики в свой адрес Эмоциональность (по Б. Бейлзу)	тип, любит руководить и управлять людьми, любит организационную работу, активен, в поведении опирается часто на эмоции, своей волей может подавлять волю других людей, для него важны статус и власть. В конфликте часто использует подавление
Интеллектуальный тип. В поведении проявляет свою индивидуальность, аналитический склад ума, рациональность, креативность, стремится к интеллектуальному труду, исследованиям. Предпочитает дедуктивный способ в мышлении. Отбирает самый эффективный способ в деятельности, стремится к формально-логическим рассуждениям. Опирается на формулы и модели в деятельности и стремится к научным решениям, правилам, предписаниям и нормативности. Склонен к теории и методу, а не к практическим данным. Любит плановость, детализацию, результативен, стабилен в структурированной деятельности. Это ботаник, астроном, физик, математик, исследователь	Взрослый познающий (ВП) – проявляет поисково-исследовательскую активность, стремится к решению умственных задач, любит учиться и познавать что-то новое, любознателен, самостоятелен, обладает аналитическим складом ума, креативен, абстрактен Аналитичность (по Б. Бейлзу)	Исследовательские ценности Любит индивидуально, самостоятельно решать интеллектуальные задачи и получает от этого большое удовлетворение. В решении творческих задач проявляет аналитичность, яркую неповторимость и индивидуальность. В конфликте использует переговоры
Социальный тип. Коммуникабелен, социальная направленность в поведении, коллегиален в принятии решений, любит советоваться с другими людьми, дружелюбен. Находит сходство во внешне, казалось бы, несовместимых вещах. Учитывает разные мнения, взгляды, стремится к нормативности, идеальным решениям, человеческим ценностям, синтезу, может через конфликт решать определенные задачи. Любит динамику изменений, сензитивен. Зависим, проявляет зачастую пассивность в деятельности, привлекает на помощь других людей. Большое желание быть любимым, меньше любить других, развито целеполагание, в неструктурированных ситуациях проявляет хорошую ориентацию. Помогает людям, добрый, заботливый, сдержанный. Проявляет милосердие, сострадание, сочувствие, мудрость, кротость, бескорыстие, нравственность. В поведении миролюбив, терпелив и прост в общении. Это учитель, врач, психолог, психотерапевт, психиатр, священник	Родитель воспитывающий (РВ) – это эго-состояние родителя, показывающее, как человек ведет себя, воспитывая, заботясь и помогая другим. Это ласковый, опекающий родитель. Стремится к духовным человеческим ценностям. В поведении проявляет помощь другим людям, доброту, заботу, сдержанность, милосердие, сострадание, сочувствие, мудрость, кротость, бескорыстие, нравственность. Эмпатичен, миролюбив, терпелив. В поведении дружелюбен Дружелюбность (по Б. Бейлзу)	Духовные ценности Стремится к идеальным решениям, духовным человеческим ценностям. Душевно теплый человек. В поведении проявляет помощь другим людям, доброту, заботу, сдержанность, милосердие, сострадание, сочувствие, мудрость, кротость, бескорыстие, нравственность. Эмпатичен, миролюбив, терпелив, прост в общении, дружелюбен. В конфликте часто использует сотрудничество
Реалистический тип. Любит конкретно-предметный труд, индивидуален, разбирается в математике. Точность, контроль, нормативность своих действий – это главное в поведении. В общении с людьми проявляет часто недружелюбие, индуктивен, эмпирик, опирается на факты и мнения экспертов. Хорошо решает реальные, конкретные задачи, может по ходу дела корректировать свою и чужую деятельность. Для него важны факты, результат, а не теория. Учитывает ресурсы, прагматичен, экономит средства. Стремится к приобретению материальных благ, вещей. Любит что-то изготовлять руками, мастерить. Результативный, импульсивный, целенаправленный, энергичный, мотивирующий людей на практическую деятельность. Это механик, электрик, инженер, агроном, садовод, шофер, столяр, плотник, мастер	Родитель контролирующий (РК) – это эго-состояние родителя, показывающее, как человек ведет себя с целью контроля (как себя, так и других), управления, критики. В общении проявляет напористость и отстаивает свои интересы. Это авторитарный родитель Недружелюбность (по Б. Бейлзу)	Материальные ценности Учитывает материальные ресурсы, прагматичен, экономит средства. Стремится к приобретению материальных благ, вещей. Любит что-то изготовлять руками, мастерить. Обладает практическим типом мышления. В конфликте часто использует соперничество

1	2	3
Артистический тип. Независим в поведении, индивидуален, креативен, импульсивен, энергичен, динамичен, проявляет доминирующую позицию в общении. Хороший импровизатор, эстетичен в деятельности, находит общее в различных вещах и явлениях. Любит динамику в окружающей среде. Спокойно относится к недоказательной аргументации, опирается на основополагающие принципы, к людям неравнодушен, в деятельности опирается на теорию, уверенно ведет себя в спорной ситуации, может инициировать творчество в группе. Это музыкант, художник, писатель, поэт, фотограф	Дитя свободное (ДС) – проявляет свою индивидуальность, импульсивность, доминантность, непослушание, бунтарство, креативность, стремится к эстетичности Доминирование (по Б. Бейлзу)	Эстетические ценности Хороший импровизатор, эстетичен. Проявляет творчество в художественной деятельности. Стремится к музыке, поэзии, изобразительному искусству. Может хорошо оценить красоту окружающего мира. В конфликте часто использует избегание
Конвенциальный тип. Предпочитает четко структурированную деятельность, социален, в поведении стремится к подчинению, признает социальные нормы в поведении и работе, любимые занятия – это канцелярия, делопроизводство, имеет математические способности. Любит технологическую, структурированную деятельность. Больше методолог, чем теоретик. В работе использует апробированные методики, строго соблюдает последовательность выполнения этапов в деятельности. Дисциплинирован, системен в работе, любит контролировать свою и чужую работу, нормативен. Это юрист, экономист, технолог, программист	Дитя адаптивное (ДА) – стремится к выполнению правил и социальных требований, проявляет позицию подчинения, ведет себя в соответствии с требованиями взрослых. Нормативен, проявляет конформизм, но может быть и самостоятельным не по годам Подчинение (по Б. Бейлзу)	Нормативные ценности Признает социальные (в частности, конвенциальные, юридические) нормы. Его любимые занятия – это канцелярия, делопроизводство, юриспруденция, экономические расчеты. Дисциплинирован, упорядочен, адаптивен, системен в работе. В конфликте часто использует приспособление

Измерение «духовности» реализуется на основе измерительного системно-базисного метода. Используя принцип семантической близости, можно спроектировать психологические характеристики ценностных ориентаций личности на ее базисные типы профессиональной направленности, на ее типы эго-состояний и поведения. Построим трехмерную типологию ценностных ориентаций личности курсанта ВИПЭ ФСИН России и определим в ней место духовных ценностей, то есть духовности личности.

Типологический изоморфизм двух типологий (трехмерная базисная типологическая модель ценностей и трехмерная базисная типологическая модель «эго-состояний» личности), построенный на основе применения принципа семантической близости, позволяет выйти на доминирующее эго-состояние личности, обладающей духовными ценностями, и спроектировать его на соответствующую пиктограмму (условное схематическое выражение эмоций на лице) и, соответственно, составить физиогномический портрет курсанта. Результат этой проективной методики, конечно, должен перепроверяться с помощью других методов (например, наблюдений или тестовых (валидных, стандартизированных и репрезентативных) методик). Результаты вышеуказанного семантического соответствия нескольких типологий личности были занесены в таблицу (см. выше) [1]. Полная и упорядоченная типология личности, по Д. Голланду, является трехмерным базисом и состоит из трех одномерных базисов (артистический – конвенциальный, реалистический – социальный, интеллектуальный – предприимчивый) с единой дихотомией «индивидуальное – социальное».

Для измерительной оценки профессиональной направленности личности курсанта ВИПЭ ФСИН России и измерения его профиля ценностных ориентаций можно использовать авторский вариант тестовой базисной методики, который включает шесть типов личности, связанных с 18 диагностическими суждениями, которые оцениваются по симметрической дихотомической числовой шкале от -2 до +2 [2]. Создание отдельной тестовой методики для измерения профиля ценностных ориентаций личности курсанта не входило в задачу нашего исследования. Практика показывает, что определенный тип профессиональной направленности личности будет ярко проявляться в доминирующем типе эго-состояния и ориентации личности (см. таблицу) [2].

Доминирующая пиктограмма эго-состояния «Родитель воспитывающий» (душевно теплое, эмоциональное выражение лица) отображается на социальный тип личности

и соответствует духовному типу ценностей. Профили типов ценностных ориентаций личности можно представить в виде гексаграмм, где наличие определенной ценности будет обозначаться сплошной чертой, а отсутствие определенной ценности – разорванной. В итоге можно составить 64 профиля, состоящих из 64 гексаграмм, построить по 32 профиля духовных гексаграмм и 32 профиля бездуховных гексаграмм. Духовная позиция «Родителя воспитывающего», связанная с «социальным типом личности», как раз и направлена на «воспитание» (или формирование) духовности. Воспитатель должен быть прежде всего сам воспитан. Возможен смешанный тип, содержащий духовную направленность личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Никольская, А. С.** Роль психологической культуры в формировании духовности личности / А. С. Никольская // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 5. – С. 38–42.
2. **Малышев, К. Б.** Системные описания типологий / К. Б. Малышев, О. А. Малышева. – Вологда : ВоГУ ; ВИПЭ ФСИН России, 2019. – 206 с. – ISBN 978-5-907205-42-0.
3. **Оботурова, Н. С.** Философско-антропологические основания методологии психотерапии осужденных : монография / Н. С. Оботурова, А. М. Чирков. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2019. – 186 с. – ISBN 978-5-94991-469-2.
4. **Франкл, В.** Человек в поисках смысла / В. Франкл ; под общей редакцией Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. – Москва : Прогресс, 1990. – 356 с. – ISBN 5-01-001606-0.

REFERENCES

1. Nikol'skaya A. S. Rol' psihologicheskoj kul'tury v formirovanii duhovnosti lichnosti [The role of psychological culture in the formation of personality spirituality]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,* 2010, no. 5, pp. 38–42. (In Russ.).
2. Malyshev K. B., Malysheva O. A. *Sistemnye opisaniya tipologij* [Typology System Descriptions]. Vologda, 2019. 206 p. (In Russ.).
3. Oboturova N. S., CHirkov A. M. *Filosofsko-antropologicheskie osnovaniya metodologii psihoterapii osuzhdennyh* [Philosophical and anthropological foundations of the methodology of psychotherapy of convicts]. Vologda, 2019. 186 p. (In Russ.).
4. Frankl V. *CHelovek v poiskah smysla* [Man in search of meaning]. Moscow, 1990. 356 p. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2020-10040
УДК 14:159.9.01:343.82

Идеи консерватизма в методологии юридической психологии и психотерапии осужденных

С. В. КОВАЛЕВ – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по кадрам;

А. М. ЧИРКОВ – профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор медицинских наук, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности

Реферат

В статье обосновывается необходимость консервативного подхода к развитию теоретической базы методологии юридической психологии и психотерапии осужденных в ракурсе традиционных представлений о духовной сущности человека. Философско-антропологический анализ духовности актуализирует важность традиционных консервативных подходов к познанию духовной сферы человека, допускающих включение богословских парадигм и принципов в виде совокупности образцов экзегетики Священного Писания и других творений Церкви. Показана перспективность дальнейших исследований духовной сущности человека на основе междисциплинарного подхода, предполагающего диалог современной философии и научной психологии с богословием в контексте раскрытия сущности традиционных взглядов на понятие и достижение духовности. Рассмотрен сотериологический аспект духовности в трудах М. К. Мамардашвили, указывающего на необходимость личных усилий в достижении развития благодатной «бытийности» души. Раскры-

то соответствие взглядов М. К. Мамардашвили на символ учению А. Ф. Лосева и Н. А. Бердяева, отрицающих возможность постижения сознания и Высшего разума с помощью слов. Культура, по М. К. Мамардашвили, как некая способность деяния и поведения должна пребывать в условиях универсального неполного знания, которое не представимо и не обозначаемо символически. Под реальностью бессмертия души М. К. Мамардашвили понимал реальность бесконечной длительности нашей сознательной жизни. В трудах М. К. Мамардашвили, А. Ф. Лосева, Н. А. Бердяева, патриарха Сергия Страгородского подчеркивается важность личных усилий для развития человека и обретения им духовности. М. К. Мамардашвили понимал спасение как постоянное мыслительное усилие человека, претворение чувств в духовный эквивалент и освобождение мысли от культурных объективаций.

Обосновывается истинность православной веры и раскрываются следствия утраты духовности в виде прижизненной смерти души. Постулируется важность дальнейшей разработки метапарадигмы духовности для экспликации ее роли в методологию пенитенциарной науки. Ее идейная концептуальная схема (модель) включает принцип иерархичности и противоречивости базовой концепции релевантных проблеме научных положений, находящихся на нижележащих уровнях.

Ключевые слова: философия; методология; юридическая психология; психотерапия осужденных; консерватизм; традиции; метафизика; символ; культура; богословие; парадигма; неолиберализм; душа; дух человека; духовность; деструктивная духовность; бытие; покаяние; молитва; любовь; сознание; ум; познание; развитие; бессмертие; вечность; понимание; внутренний мир; смерть души; спасение; сотериология; человек; личность; метапарадигма духовности; трансцендентность; иерархичность; апофатичность; эпифания.

19.00.06 – Юридическая психология

The ideas of conservatism in the methodology of legal psychology and psychotherapy of convicts

S. V. KOVALEV – Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia for Personnel;

A. M. CHIRKOV – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Medicine, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety

Abstract

The article substantiates the need for a conservative approach to the development of the theoretical base of the methodology of legal psychology and psychotherapy of convicts in the perspective of traditional ideas about the spiritual essence of man. A philosophical and anthropological analysis of spirituality actualizes the importance of traditional conservative approaches to cognition of the spiritual sphere of man, allowing the inclusion of theological paradigms and principles in the form of a set of exegetical examples of Holy Scripture and other creations of the Church. The prospects of further studies of the spiritual essence of man on the basis of an interdisciplinary approach, which involves a dialogue of modern philosophy and scientific psychology with theology in the context of revealing the essence of traditional views on the concept and achievement of spirituality, is shown. The soteriological aspect of spirituality in the works of MK K. Mamardashvili is considered, indicating the need for personal efforts in achieving the development of the graceful “beingness” of the soul. The correspondence of the views of M.K. Mamardashvili on the symbol to the teachings of A.F. Losev and N.A. Berdyaev, which deny the possibility of comprehending consciousness and the Higher Mind with the help of words, is revealed. Culture, according to M.K. Mamardashvili, as a certain ability of action and behavior should remain in conditions of universal incomplete knowledge, which is not representable and symbolically not designated. Under the reality of the immortality of the soul, M.K. Mamardashvili understood the reality of the infinite duration of our conscious life. The works of M.K. Mamardashvili, A.F. Losev, N.A. Berdyaev, and Patriarch Sergiy Stragorodsky emphasize the importance of personal efforts for the development and attainment of human spirituality. M.K. Mamardashvili understood salvation as a constant mental effort of a person, the conversion of feelings into a spiritual equivalent and the liberation of thoughts from cultural objectivities.

The truth of the Orthodox faith is substantiated and the consequences of the loss of spirituality in the form of the lifetime death of the soul are revealed. The importance of the further development of the metaparadigm of spirituality for the explication of its role in the methodology of penitentiary science is postulated. Its ideological conceptual scheme (model) includes the principle of hierarchy and inconsistency of the basic concept of scientific provisions relevant to the problem, located on the underlying levels.

Key words: philosophy; methodology; legal psychology; psychotherapy of convicts; conservatism; traditions; metaphysics; symbol; consciousness; culture theology; paradigm; neoliberalism; soul; human spirit; spirituality; destructive spirituality; being; the rescue; repentance; prayer; love; consciousness; mind; cognition; development; immortality; eternity; understanding; inner world; death of the soul; the rescue; soteriology; human; personality the metaparadigm of spirituality; transcendence; hierarchy; apophaticity; epiphany.

19.00.06 – Legal psychology

В последние годы для развития теоретической базы методологии юридической психологии, и в частности психотерапии осужденных, все чаще используется платформа философской антропологии. Многочисленные современные философско-антропологические и психологические исследования духовной сферы человека свидетельствуют о важности рассмотрения феномена духовности в области познания субъективной реальности и включения в научную психологию понятий «душа» и «дух» как фундаментальных категорий бытия человека. Отражая интенциональность личности, духовность рождается в культуре и устремляет человека к поиску смысла жизни и совершенству его бытия. Обращение к проблеме духовности как субъективной реальности и основе бытия человека актуализируется парадигмой консерватизма в контексте духовного возрождения наших народов. Сущность идеологии консерватизма заключается не столько в сохранении, сколько в творческом развитии традиционных представлений о влиянии духовной культуры на личность в контексте подлинного и созидательного бытия человека, что приобретает сегодня особую актуальность, поскольку именно духовность определяет сознание народа и вносит свой вклад в психологию сознания, разума, чувств, воли и веры.

Несмотря на всю сложность принятия и восстановления традиционных взглядов на природу и духовную сущность человека, решение этой проблемы продиктовано необходимостью расширения полисемантического контента дискурса духовности, имеющегося в культуре и философии [1; 4; 6; 10; 12]. В этой связи рассмотрение внутреннего мира человека в контексте анализа его родовой принадлежности как духовного существа соответствует консервативной идеологической мировоззренческой платформе. Особое место в трактовке души, духовности и духа человека отводится диалогу философской антропологии и психологии с богословием [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. Их взаимодействие, отражающее междисциплинарный подход к развитию традиционных и фундаментальных дискурсов и познания духовной природы человека, способствует не только синкрезису естественно-научного и гуманитарного мышления, но и демонстрирует перспективность подобного анализа духовности, повышающего теоретический потенциал методологии пенитенциарной психотерапии осужденных, духовная сфера которых, как и нравственность, характеризуется дефицитарностью [10; 14]. Деструктивная духовность как смерть души при биологической жизни человека является следствием широкомасштабного кризиса и распада духовной культуры, что лимитирует эффективность психотерапии. Разрушительным последствиям позитивизма в жизни современного человека и пагубным влияниям антропоцентризма с его неолиберальной идеологией противостоят взгляды консерватизма, методологические принципы которого во многом тождественны принципам постнеклассичности современной науки и философии. Консерватизм как активно развивающееся философское направление в блоке гуманитарных дисциплин и взглядов раскрывает сущность традиционного пути оптимального достижения духовности и сознательного бытия человека. Сегодня он представлен в различных метатеоретических исследованиях, в частности в метапарадигме духовности и сознания [9; 10]. Ее основой явились идеи мировой и отечественной, в том числе и современной, философии, достижения гуманитарной психологии, патристики, образцы экзегетики Священного Писания и других творений церкви, многие положения нрав-

ственного богословия, православной антропологии, сотериологии и других областей науки и человеческого знания.

Особенностью метатеоретического исследования феномена духовности как совокупности идей и смыслов – достижений мысли, полученных в естественно-научных, философско-антропологических, психологических и богословских трудах и учениях, явился анализ ее консервативной функции [9; 10]. Изучение и оценка функции духовности, традиционно анализируемой в сотериологии, дает основание не только для раскрытия онтологической сущности – истинного бытия духа, но и природы деструктивной духовности, что имеет практическое значение, поскольку эффективность психотерапии определяется мерой ее духовного воздействия. Этим положением обосновывается целесообразность дальнейшего рассмотрения роли духовности в сотериологическом ракурсе, представленном в трудах мыслителей, философов, богословов и святых. Так, И. А. Ильин предупреждает нас о гибельных и страшных последствиях утраты духовности, что приводит к смерти души при жизни как у отдельного человека, так и у народа. [3, с. 305–332]. Его взгляды соответствуют мыслям о спасении человека и его души К. Н. Леонтьева, предсказавшего неизбежность падения великой Русской империи и распад всех форм западной государственности как следствия отхода от Бога под натиском богоборческого либерализма [5]. В его сотериологии стяжание благодати Святого Духа является залогом и смыслом личного спасения. Истина православного христианства, по К. Н. Леонтьеву, заключается в аскетическом обретении духовности. Ее бытийная истина связана с троической иерархией человека и мира, которая недоступна уму [5]. Классик сотериологии патриарх Сергий (Страгородский) указывает, что «философия без выводов для жизни не есть философия, а пустая игра в философские слова» [11, с. 7]. Причем вопрос о личном спасении – это вопрос самоопределения, а не теоретические рассуждения. Развивая православное церковное учение о спасении, он, как и Н. А. Бердяев, раскрывает ложность западного христианства, построенного по «правовому» образцу вне Христа. Он утверждает, что целью спасения человека является познание Бога и достижение вечной святой жизни в общении с Ним [11, с. 180–265]. Его богословским открытием стало положение о том, что истинная духовность есть созерцание, видение Бога и они «тождественны спасению – вечному блаженству и вечной жизни» [11, с. 124–127]. Познание Бога и духовности умом он также считает невозможным, поскольку оно достигается лишь чистым сердцем в виде получения даров Его благодати. Патриарх Сергий писал, что Богоподобие останется недостижимым, если человек будет идти к Нему только путем собственного совершенствования независимо от Бога, поскольку спасение совершается по милости Божией. И человек в достижении спасения, то есть святости, должен собственными усилиями и свободным выбором стать участником истинной Божественной жизни. Он предупреждал, что при отхождении от Бога душа становится мертвой [11]. Это означает, что святое общение с Богом – не обязанность, а прямая необходимость.

Для осознания этого следует рассмотреть понятия души и духа в православной антропологии, основанной на догматическом и нравственном богословии – толковании и философском осмыслении Священного Писания Отцами Церкви [3; 4; 7; 8]. Ее предмет – человек, но сотворенный Богом, спасенный Им и идущий к Нему как во временной жизни, так и в наследие вечности. Особенностью методологии православной антропологии является разработка модели человека сверху вниз, то есть от Бога к творению. Христоцентричность и иерархичность – главные принципы, исключающие существование человека вне Бога. В строении души различают сущностное и экзистенциальное, которое есть ее бытие, жизнь, энергии, то есть форма деятельности, не сводимая к онтологии. В ней раскрываются не только новая реальность, но и новые формации (мистические органы души), не имеющие своей природно-сущностной основы – сердце, сознание, совесть и т. д. К общим положениям в понимании души как субстанции со своими свойствами относятся ее тварная духовная сущность, невещественность, уникальность, самостоятельность жизни, бессмертие, разумность, словесность и т. д. Душа самобытна и прекрасна, но ее образ не имеет однозначного понятия, поскольку в творении душа получает образ небесный, но в процессе бытия приобретает черты образа жизни человека. То есть душа имеет образ, отражающий как божественные онтологические, так и индивидуальные, конкретные, экзистенциальные черты [4; 7; 8].

Под духом человека понимается плод Духа Божия, Который приходит через бла-

годать Божию – действования (энергии) Святого Духа [3; 4; 6; 7; 8; 10; 11; 12; 13]. Благодать есть духовный дар, требующий конкретного душевного усилия, и познается в том виде, в каком реализуется деятельность души. В сверхчувственном созерцании благодать познается как свет, радость, сердечное тепло. Метафорично дух человека – это как бы «душа души». С понятием духа, его действия связано сознание человека – сложный синтез многих процессов, сверхдушевный уровень бытия души. Сознание есть плод духа, присутствие духа (наитие), то есть иное знание, знание как бы извне. Духовная жизнь – внутреннее творчество человека, сосредоточие духовного совершенства, она проявляется как ум, любовь, воля, совесть, вера, а дух человека – единство всего этого. Следствием обретения духовности как преображающего действия даров Святого Духа является формирование личности как образа и подобия Божия [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 11]. В. Н. Лосский указывал, что «дело же Святого Духа относится к человеческим личностям, обращается к каждой из них в отдельности» [8, с. 125]. Богоподобие предполагает обóжение души, которое и есть богоуподобление, то есть спасение [3; 4; 5; 6; 7; 8; 11]. Один из величайших святых XX в. русский подвижник преподобный Силуан Афонский говорит, что Святой Дух учит нас творить волю Божию и любить, Он просвещает, дает силы делать добро и возможность видеть Бога [10; 12; 13]. При этом «Бог не может быть познан простым умом», так как духовное познается только «духовным» [13, с. 312]. Святой Силуан предупреждает, что утрата духовности (благодати), охлаждение и смерть души еще при жизни, как и будущие неизмеримые ее мучения после физической смерти, – следствие неисполнения Заповедей Божиих [6; 12; 13]. То есть человек может лишиться духа, что означает богооставленность, и окончательная его утрата есть смерть души.

Невыразимые страдания человека как последствия прижизненной смерти души раскрыты в экзистенциальной сотериологии М. К. Мамардашвили. Философ свидетельствует о необходимости личных усилий в достижении состояний духовного восхождения (акта высшей «мыслимости» вне слов) сознания как благодатной «бытийности» души [9]. Его живая, личная, современная и вечная философия духа не помещается в матрицу течений и школ современной западной философии. Эта философия – традиция бессмертия, сосредоточенная на жизни сознания и непрерывного введения в состояние мысли. Само понимание при этом не является чем-то совершенно отрезанным от тайны, оно обретается в тайне и является тайным пониманием. В основе понимания, по М. К. Мамардашвили, лежат метафизические апостериори, а не логические допущения или экзистенциальные жесты с их тайной. Философия понимается им как подлинная и универсальная метафизика, хотя и идущая «поверх учений и систем» [9, с. 167]. В его устном способе метафизических размышлений философия становится этикой, выступающей в виде познания. Размышляя над тем, как сочетаются воображение того, что есть, и думание невыдуманного, свобода принудительного и случайность необходимого, философ в качестве основного транспорта движения (усилия, держания, напряжения, интенсивности) мысли выбирает метафору, новозаветные образы, используя богословский лексикон в исихастской традиции (апофатизм, созерцатель и участник, эпифания, воскресение души, спасение и т. д.). Созвучными аскетическому богословию являются мысли М. К. Мамардашвили о возможности и способности выйти человеку из собственной тьмы лишь в событии встречи. Преобразуя установку декартовско-гуссерлевского трансценденталзима (я мыслю, следовательно, я есмь) в экзистенциальную формулу онтологии времени (страдая и любя, я вспоминаю и, следовательно, я есмь), он утверждает, что есть, бытийствует не только видимый, но и невидимый мир [9, с. 132]. Философ указывает, что сознание, научившееся воссоздавать наличное, является нетривиальным типом сознания, в поле которого могут встречаться образ и мысль. В его радикальном тезисе о том, что сознание там, где нет языка, а там, где есть язык, нет сознания, сознание приравнивается к действительному положению вещей. Он протестует против онтологизации бессознательного, наделения его самостоятельным существованием, указывая, что в освобожденном от процедур классической рефлексии сознании действуют символы, конструирующие реальность по присущим им особым законам. По М. К. Мамардашвили, символ – это то, что «вводит» в сознание, но одновременно он есть вещь, и в отличие от знака, не имеет отличного от себя означаемого. Здесь философ близок к мыслям А. Ф. Лосева, о том, что миф – символ, получивший статус бытия, вещи, и есть сама действительность. М. К. Мамардашвили указывает, что помимо вещественной ча-

сти, проросшей в объект (чего-то видимого), символ включает и то, что проросло в нашу сознательную жизнь, а их соединение и есть понимание. Вгляды М. К. Мамардашвили на символ соответствуют учению А. Ф. Лосева и Н. А. Бердяева, что проявляется в использовании ими апофатического подхода. Как и указывающий на недоступность познания и определения Первосущности А. Ф. Лосев, М. К. Мамардашвили, исследующий проблему метафизики сознания и культуры, отрицает возможность постижения сознания и Высшего Разума с помощью слов. В обоих случаях четко просматриваются богословский принцип апофатичности и исихастская проекция мысли философов, требующая иной созерцательной духовной традиции и особой символики, наполненной иным содержанием. Культура, по М. К. Мамардашвили, переводит символы сознания в собственные знаки – псевдосимволы, в связи с чем символ в культуре деградирует и теряет связь с сознанием. Он подчеркивает, что культура как некая способность деяния и поведения должна пребывать в условиях универсального неполного знания, которое не представимо и не обозначимо символически. Только бескультурье требует знания и обладания, тем самым уничтожая свой предмет, превращая его в проекцию своей воли.

В философском подходе М. К. Мамардашвили к сознанию как парадоксальности и немыслимой неисчерпаемости его бытия (инобытия) иносказательно, в преобразованном ключе философии символа, мифа и недоступного слову образа во всей глубине выступает богословское начало в учении о духовности, соотнесенное с психологической топологией бытия человека на пути к вечной жизни (его спасении). В его творчестве ярко отражена «лестница духовного восхождения» – божественный мрак и возможность достижения сверхдушевного уровня ума и сознания (созерцания Бога). Он утверждает невозможность опредметить специфические состояния духа, а в его речах и текстах неизбежно присутствует новозаветная и часто апокалипсическая (эсхатологическая) коннотация. Сущностью христианства он считал принципиальную возможность реализации бесконечного в конечном, достигаемой путем самодеятельного человеческого труда. Под реальностью бессмертия души М. К. Мамардашвили понимал реальность бесконечной длительности нашей сознательной жизни – нашей души, той души, «которую мы и знать не знаем, и отдать на растерзание не желаем никому» [9, с. 137]. Основным вкладом в сотериологию и философскую танатологию явилось его понимание необходимости спасения путем постоянного мыслительного усилия человека, претворения чувств в духовный эквивалент, освобождения мысли от культурных объективаций. Для достижения эпифании (благодатного состояния) следует высветить способность мысли к самопорождению и получить духовные эквиваленты, позволяющие выйти в другое, неподвластное распаду время (вечность). Выпавший из такого бытия человек становится мертвым при жизни, и это состояние (зомби) более страшное, чем смерть, оно ассоциируется с адом. Поэтому человек всегда должен находиться в стадии становления, поскольку он не существует, он «становится» (и это постоянный акт), а ад – «это вечная несмерть» [9, с. 184]. Его христианское мировоззрение раскрылось в призыве к Грузии идти ко Христу, а не к Сатане – западной «демократии», наркотикам и войне. Последними словами философа были слова о вечной жизни души.

Таким образом, в отечественной философии и богословии показана необходимость спасения человека через достижение духовности, то есть богосоответствие своей жизни. При этом указывается невозможность познания духовности и Бога умом, но только сердечным созерцанием, являющимся даром Бога (благодати Святого Духа). Подчеркивается важность личных усилий и духовной практики (покаяния, очищения, молитвы и т. д.). Раскрывается забытое понятие религиозного метода, ведущего человека к Богу, единение с Ним. Утверждается, что Христос и есть истинный метод и путь спасения. Обосновывается истинность православной веры и раскрываются следствия утраты духовности в виде прижизненной смерти души. Из представленных данных можно заключить, что душа человека оживотворяется, получает жизнеспособность, жизнестойкость и вечную жизнь благодаря энергийной божественной природе духа. Душа приобретает определенную меру духовности, эквивалентную затраченным усилиям по исполнению условий для получения благодати (даров) Святого Духа. Обобщенная сущность этих условий (покаяния, молитвы и т. д.) заключается в одном слове – любовь, потому что Бог есть Любовь. Об этом свидетельствует вся практика православия, которая раскрывается в изучении опыта Святых Отцов,

являющегося не только богословием, но и живым опытом богообщения, истинность которого доказана не логическими процедурами, а жизнью святых. И если человек исполняет данный Богом Закон – Закон сотворенной Им Вселенной, то душа его не имеет границ получения благодати Святого Духа, и даже материя тела освящается и сохраняется в вечности. Не соблюдая условий (Закона), душа становится мертвой, лишаясь бытия. Этот Закон – образ и заповеди Христа, которые были, есть и останутся для всех непреложными в деле личного спасения. Свет евангельского учения исходит от самого Христа и Его слов: «Он (Отец) дал мне заповедь, что сказать и что говорить. И Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная» (Ин. 12, 48–50). Богослов и подвижник, ученик святого Силуана, блаженный старец архимандрит Софроний (Сахаров) пишет, что «боговоплощение дало человечеству возможность вступить на верный путь ко Отцу через пребывание в духе заповедей Христа во всех обстоятельствах земной жизни» [12, с. 201]. Все святые указывают, что человек в своем стремлении сохранить и исполнить заповеди приходит к осознанию своего бессилия, но даже краткое пребывание в духе слова Божия позволяет постичь, что только заветы, данные Христом, являются нетварным Светом Божества. Церковь, как говорит нам старец Софроний, «основана на КАМНЕ исповедания БОЖЕСТВА Христа Иисуса» [12, с. 187]. И задачей спасения человека является стояние на Этом Камне, соблюдая в неизменном постижении заповеди Христа. Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл в одной из проповедей на пасхальной седмице 2019 г. указал, что подвиг христианина, как и Самой Церкви Христовой, – это не только сверхусилие, это движение вперед и вверх. По мнению архимандрита Софрония, далеко не все люди обладают достаточным мужеством, чтобы жить по заповедям Христа, но спасение, то есть совершеннейшая жизнь в Боге, выражено в простых словах Его заповедей [12, с. 80]. Он свидетельствует, что христианство «не есть некоторая философская доктрина, а именно ЖИЗНЬ, Жизнь и любовь…» [12, с. 168]. Митрополит Иларион Алфеев указывает, что заповеди блаженства Спасителя должны применяться современным человеком в деле его спасения, отмечая, что они содержат неизмеримую кротость и любовь Спасителя к человеку, освободившего нас от рабского состояния. Для нас они являются Евангельской Истиной и указывают путь для спасения души [2].

Следовательно, в исследованиях духовности человека отражается тесное взаимопроникновение антропологии древности с философией и богословием. Одним из ключевых положений духовной метапарадигмы сознания и стресса, разработанной на этой платформе в пенитенциарной стрессологии, явилось признание стресслимитирующей функции духовности. При этом консервативный подход к духовной сфере рассматривает человеческий живой дух в качестве системообразующего начала, истоком которого является действие в душе Святого Духа. Дальнейшее развитие этих теоретических положений в методологии пенитенциарной психотерапии связано с исследованием роли традиционной культуры с целью минимизации негативных психических состояний и явлений у осужденных, а также с обоснованием положений метапарадигмы духовности и принципов постнеклассической философии в позитивной трансформации их духовной сферы. Это обосновывает необходимость построения многоуровневой и одновременно монопарадигмальной диалектической системы для анализа многогранных функций духа. Архитектоника такой методологической системы должна отвечать принципам иерархичности, и ее разработка предполагает включение множества подходов к исследованию проблемы с позиций догматической («или–или»), сетевой комплексной («и–и») и диалектической системной (понятийной) логики. Диалектичность подобного подхода заключается в допущении (терпимости) доминантной парадигмой верховного уровня других, противоречащих ее идее положений и взглядов, находящихся на нижележащих уровнях. Каждая из входящих в систему парадигм должна обладать высоким научным потенциалом и быть релевантной «проблеме определенного типа». Основой аранжировки разрабатываемой философской метапарадигмы в качестве залога развития базовой идеи, определяющей интегративную роль духовности, выбраны принципы противоречивости и диалогичности с парадигмами квантовой механики, платонической, плотиновской, августиновской, паламистской и т. д. Это позволит рассмотреть главные ценностные состояния сознания – осмысленного бытия духа в превенции и коррекции деструктивной духовности осужденных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бердяев, Н. А.** Философия свободы. Смысл творчества. Опыт оправдания человека / Н. А. Бердяев. – Москва : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2015. – 522 с. – ISBN 978-5-8291-1669-9 (Академический проект), ISBN 978-5-88687-223-1 (Деловая книга).
2. **Иларион (Алфеев), митрополит.** Иисус Христос: жизнь и учение. В 6 книгах. Книга 4. Притчи Иисуса / Митрополит Иларион (Алфеев). Москва : Изд-во Сретенского монастыря, Эксмо, 2017. – 608 с. – ISBN 978-5-7533-1214-6.
3. **Ильин, И. А.** Аксиомы религиозного опыта / Иван Ильин. – Москва : АСТ, АСТ МОСКВА, 2006. – 668 с. – ISBN 5-17-038152-2 (АСТ), ISBN 5-9713-3273-2 (АСТ МОСКВА).
4. **Иоанн (Мейендорф), протоиерей.** Введение в святоотеческое богословие / Протоиерей Иоанн Мейендорф. – Минск : Лучи Софии, 2007. – 384 с. – ISBN 978-5-985-6171-82-9.
5. К. Леонтьев, наш современник / Составители Б. Адрианов, Н. Мальчевский. – Санкт-Петербург : Издательство Чернышева, 1993. – 469 с. – ISBN 5-85555-008-7.
6. **Ларше, Ж.-К.** Преподобный Силуан Афонский / Ж.-К. Ларше. – Москва : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2015. – 312 с. – ISBN 978-5-7429-0471-7.
7. **Лосский, В. Н.** Боговидение / В. Н. Лосский. – Минск : Белорусский Экзархат, 2007. – 495 с. – ISBN 978-985-511-073-7.
8. **Лосский, В. Н.** Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / В. Н. Лосский. – Москва : Центр «СЭИ», 1991. – 288 с.
9. Мераб Константинович Мамардашвили / под ред. Н. В. Мотрошиловой. – Москва : РОССПЭН, 2009. – 438 с. – ISBN 978-5-8243-1218-8.
10. **Оботурова, Н. С.** Философско-антропологические основания методологии психотерапии осужденных : монография / Н. С. Оботурова, А. М. Чирков. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2019. – 186 с. – ISBN 978-5-94991-469-2.
11. **Сергий (Страгородский), архиепископ.** Православное учение о Спасении / Архиепископ Сергий Страгородский. – Санкт-Петербург : Общество памяти игуменьи Таисии, 2010. – 320 с. – ISBN 978-5-91041-034-7.
12. **Софроний (Сахаров), архимандрит.** Видеть Бога как Он есть / Архимандрит Софроний Сахаров. – 3-е изд., испр. – Сергиев Посад : Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, Свято-Троицкая Сергеева Лавра, 2016. – 400 с. – ISBN 978-5-00009-120-3.
13. **Софроний (Сахаров), схиархимандрит.** Преподобный Силуан Афонский / Схиархимандрит Софроний Сахаров. – 4-е изд. испр. – Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергеева Лавра, 2015. – 536 с. – ISBN 978-5-00009-073-2.
14. **Чирков, А. М.** Полимодальная психотерапия ассоциации стрессовых и психических личностных расстройств у осужденных / А. М. Чирков // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2017. – № 1 (37). – С. 67–71.

REFERENCES

1. Berdyaev N. A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka* [The philosophy of freedom. The meaning of creativity. Human Justification Experience]. Moscow, 2015. 522 p. (In Russ.).
2. Ilarion (Alfeev), mitropolit. *Iisus Hristos: zhizn' i uchenie. V 6 knigah. Kniga 4. Pritchi Iisusa* [Jesus Christ: life and doctrine. In 6 books. Book 4. The Parables of Jesus]. Moscow, 2017. 608 p. (In Russ.).
3. Il'in I. A. *Aksiomy religioznogo opyta* [Axioms of Religious Experience]. Moscow, 2006. 668 p. (In Russ.).
4. Ioann (Mejendorf), protoierej. *Vvedenie v svyatootecheskoe bogoslovie* [Introduction to Patristic Theology]. Minsk, 2007. 384 p. (In Russ.).
5. Adrianov B., Mal'chevskij N. (red.) K. *Leont'ev, nash sovremennik* [K. Leontiev, our contemporary]. St. Petersburg, 1993. 469 p. (In Russ.).
6. Larshe ZH.-K. *Prepodobnyj Siluan Afonskij* [Reverend Silouan of Athos]. Moscow, 2015. 312 p. (In Russ.).
7. Losskij V. N. *Bogovidenie* [The vision of God]. Minsk, 2007. 384 p. (In Russ.).
8. Losskij V. N. *Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoj Cerkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie* [Essay on the mystical theology of the Eastern Church. Dogmatic theology]. Moscow, 1991. 288 p. (In Russ.).
9. Motroshilova N. V. (red.) *Merab Konstantinovich Mamardashvili* [Merab Konstantinovich Mamardashvili]. Moscow, 2009. 438 p. (In Russ.).
10. Oboturova N. S., CHirkov A. M. *Filosofsko-antropologicheskie osnovaniya metodologii psihoterapii osuzhdennyh* [Philosophical and anthropological foundations of the methodology of psychotherapy of convicts]. Vologda, 2019. 186 p. (In Russ.).
11. Sergij (Stragorodskij), arhiepiskop. *Pravoslavnoe uchenie o Spasenii* [Orthodox doctrine of salvation]. St. Petersburg, 2010. 320 p. (In Russ.).
12. Sofronij (Saharov), arhimandrit. *Videt' Boga kak On est'* [See God as He is]. Sergiev Posad, 2016. 400 p. (In Russ.).
13. Sofronij (Saharov), skhiarhimandrit. *Prepodobnyj Siluan Afonskij* [Reverend Silouan of Athos]. Sergiev Posad, 2015. 536 p. (In Russ.).
14. CHirkov A. M. Polimodal'naya psihoterapiya associacii stressovyh i psihicheskih lichnostnyh rasstrojstv u osuzhdennyh [Multimodal psychotherapy of the association of stress and mental personality disorders in convicts]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*, 2017, no. 1 (37), pp. 67–71. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2020-10041
УДК 159.972:343.8

Современные формы профилактики суицидального поведения осужденных в практике Общественного совета при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы

С. М. ВОРОБЬЕВ – профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Т. П. СКРИПКИНА – заведующий кафедрой социальной психологии Института психологии им. Л. С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета, доктор психологических наук, профессор

Реферат

Статья посвящена изучению современных форм профилактики суицидального поведения среди осужденных, используемых в деятельности Общественного совета ФСИН России, с учетом анализа положений российского законодательства, определяющего правовые основы функционирования институтов гражданского общества. Психологическое обследование заключенных позволяет выявить наличие деструктивных психоневрологических состояний. Личностные переживания, связанные с отношением к своему существованию, могут изменяться на фоне возрастных характеристик и временных показателей ведения преступного образа жизни и длительности процесса отбывания наказания. Авторы условно определяют шесть фаз (периодов) трансформации жизненных ориентиров осужденного: 1) до момента совершения преступления; 2) в момент совершения преступления; 3) после совершения преступления; 4) до назначения уголовного наказания; 5) в процессе отбытия наказания; 6) после отбывания наказания.

Подчеркивается необходимость формирования позитивного мировоззрения, развития осознанности у осужденных. Пенитенциарный психолог должен искать имеющиеся антисуицидальные факторы и способствовать формированию новых, складывающихся в достаточно стройную систему из нескольких составляющих: интенсивной эмоциональной привязанности к значимым близким, родительских обязанностях; выраженного чувства долга, обязательности; религиозных понятий о грехе самоубийства; четкого осознания социальных требований, зависимости от мнения общества; представления о неиспользованных жизненных возможностях; наличия творческих планов, стремления к самореализации; приверженности эстетическим критериям – нежелания неприглядно выглядеть после смерти; боязни причинить себе физическое страдание.

По мнению авторов статьи, профилактическое воздействие на суицидальное поведение осужденных должно осуществляться с привлечением общественных неправительственных организаций, имеющих мировой и региональный опыт данной деятельности, использующих разнообразные современные формы профилактики, реализующих мероприятия, связанные с предупреждением киберпреступлений. Деятельность Общественного совета ФСИН России в вопросах профилактики суицидального поведения осужденных необходимо модернизировать в направлении создания в его составе укрепленных специализированных групп с участием специалистов различных сфер деятельности, имеющих непосредственное отношение к суицидологии.

Ключевые слова: осужденные; суициды; гражданское общество; поведение; психологический кризис; расстройства; профилактика.

19.00.06 – Юридическая психология

Modern forms of prevention suicidal behavior of convicts in the practice of the Public Council at the Federal Penal Service on the problems of the penal system

S. M. VOROBYOV – Professor of the Department of State and Law Theory, International and European Law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

T. P. SKRIPKINA – Head of the Department of Social Psychology of the Institute of Psychology named after L. S. Vygotsky of the Russian State University for the Humanities, Dsc. in Psychology, Professor

Abstract

The article is devoted to the study of modern forms of prevention of suicidal behavior among convicts used by the Public Council of the Federal Penitentiary Service of Russia, taking into account the analysis of the provisions of Russian legislation that defines the legal framework for the functioning of civil society institutions. A psychological examination of convicts reveals the presence of destructive neuropsychiatric conditions. Personal experiences associated with the attitude to one's existence may change against the background of age characteristics and temporary indicators of a criminal lifestyle and the length of the process of serving a sentence. The authors conditionally determine six phases (periods) of transformation of the life guidelines of the convict: 1) until the crime is committed; 2) at the time the crime was committed; 3) after the commission of a crime; 4) prior to the imposition of criminal punishment; 5) in the process of serving a sentence; 6) after serving the sentence.

The necessity of forming a positive worldview, the development of awareness among prisoners is emphasized. A penal psychologist should look for available ones and contribute to the formation of new anti-suicidal factors that form a fairly coherent system of several components: intense emotional attachment to significant relatives, parental responsibilities; a pronounced sense of duty, obligation; religious concepts of the sin of suicide; a clear understanding of social requirements, depending on the opinion of society; ideas about unused life opportunities; the presence of creative plans, the desire for self-realization; adherence to aesthetic criteria – unwillingness to look unsightly after death; fear of causing physical suffering.

According to the author's opinion of the article the preventive effect on the suicidal behavior of convicts should be carried out with the involvement of public non-governmental organizations having world and regional experience in this activity, using a variety of modern forms of prevention, implementing measures related to the prevention of cybercrime. The activities of the Public Council of the Federal Penal Service of Russia in the prevention of suicidal behavior of convicts must be modernized in the direction of creating reinforced specialized groups with the participation of specialists from various fields of activity that are directly related to suicidology.

Key words: convicts; suicides; civil society; behavior; psychological crisis; disorders; prevention.

19.00.06 – Legal psychology

Одним из институтов, способствующих выстраиванию конструктивного диалога между государством и гражданским обществом, ограничивающих распространение социальных рисков, является общественный контроль. Он отражает степень завершенности демократических преобразований и при этом выступает инструментом для полноценного функционирования активно развитого гражданского общества.

В ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации закреплена важная норма о провозглашении России демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления. Одновременно ст. 2 Конституции Российской Федерации устанавливает универсальную конституционную гарантию, согласно которой человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства. Обозначенная гарантия является предопределяющей в контексте соблюдения положений ч. 1 ст. 32 Конституции Российской Федерации всеми субъектами общественных отношений без

исключения и предоставляет гражданам Российской Федерации возможность реализовать непосредственно либо через своих представителей конституционное право, связанное с участием в управлении делами государства. Вместе с тем сбалансированное сочетание обеспечения оптимального уровня законности государственными органами и минимизации различных деструктивных проявлений со стороны граждан является важным действенным признаком правового государства.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 04.08.2006 № 842 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных министерствам» был разработан приказ ФСИН России от 10.10.2013 № 542 «О создании Общественного совета при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы и утверждении его состава», которым было утверждено Положение об Общественном совете при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы и тем самым нормативно определен правовой статус этого специального общественного органа.

Совет является постоянно действующим совещательно-консультативным органом при Федеральной службе исполнения наказаний (п. 1.2 Положения об Общественном совете). Целью совета является привлечение общественности к участию в решении задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой, защите прав и законных интересов работников и ветеранов уголовно-исполнительной системы, а также осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах (п. 1.6 Положения об Общественном совете). Совет вправе информировать общественность и средства массовой информации о деятельности ФСИН России для формирования у населения объективного представления об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания (п. 3.1.1 Положения об Общественном совете), распространять положительный опыт работы учреждений и органов УИС в решении вопросов по защите прав и законных интересов работников УИС, осужденных, лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах (п. 3.1.6 Положения об Общественном совете), создавать по вопросам, отнесенным к компетенции совета, комиссии и рабочие группы, в состав которых могут входить по согласованию с руководством ФСИН России государственные гражданские служащие, представители общественных объединений и организаций (п. 3.1.7 Положения об Общественном совете).

Состав Общественного совета при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы образуют шесть рабочих групп, координирующих деятельность общественного органа по разным направлениям. Среди них имеется группа по оказанию содействия в социальной адаптации и ресоциализации наиболее уязвимым категориям осужденных – несовершеннолетним, женщинам и инвалидам. В нее входят пять специалистов, представляющих разные общественные организации и сферы деятельности (благотворительность, культура, образование, религия, здравоохранение, психология). Данное обстоятельство является свидетельством использования комплексного общественного подхода [3].

Всестороннее и оперативное изучение имеющихся проблем позволяет своевременно принимать меры, связанные с нивелированием негативных последствий изоляции от общества. Нахождение человека в таких условиях чревато возникновением трудной жизненной ситуации, обусловленной ограничением прав и свобод. Это обстоятельство предопределяет необходимость создания комфортных условий содержания спецконтингента, обеспечения гуманного отношения, выявления нарушений законодательства в области прав и свобод человека, предупреждения совершения правонарушений, содействия и оказания помощи в ресоциализации. Одним из острых и наболевших вопросов остается смертность спецконтингента от суицида, вызванного личным психологическим кризисом на фоне трудной жизненной ситуации, обусловленной отбыванием наказания.

В России с 2012 по 2016 г. наблюдалось снижение количества самоубийств в местах лишения свободы. Самыми распространенными способами совершения суицида являлись механическая асфиксия (92,3 %) и нанесение порезов на теле (7,7 %). Суициденты характеризовались наличием различ-

ных психоневротических состояний, таких как эмоциональная напряженность (66 %), вспыльчивость (40 %), замкнутость и осторожность в общении (26 %), импульсивность в ответе на критические замечания, повышенная тревожность, заниженная самооценка (24 %), раздражительность и агрессивность (22 %). Мотивами самоубийств в 2016 г. были: потеря смысла собственной жизни (35 %), конфликты или разрыв отношений с людьми из близкого окружения (23 %), нестабильное состояние психического или физического здоровья (12 %), длительные сроки наказания (11 %), чувство вины (8 %), конфликт с другими осужденными (4 %), реализация демонстративно-шантажного поведения (3 %). На возраст 21 год –30 лет приходилось 38 % самоубийств, 31 год –40 лет – 29 %; 41 год –50 лет – 18 % [7, с. 62, 67].

Динамика применения профилактических мер свидетельствует о том, что за последние годы удалось обеспечить практически 100-процентный охват осужденных в сфере психологического обследования. Это способствовало выявлению среди них лиц, склонных к деструктивному поведению. В 2018 г. с ними проведено свыше одного миллиона психокоррекционных мероприятий. Результатом работы стало уменьшение количества суицидов на 9,4 %. В целом за последние шесть лет количество суицидов осужденных сократилось на 40 % [4, с. 5].

Нахождение в условиях лишения свободы автоматически влечет за собой возникновение дискомфортного состояния, связанного с индивидуальными адаптивными особенностями человека. Это сопровождается появлением стресса, фобий, различных идей о смысле собственной жизни. Кроме этого, дискомфортное состояние может находиться в прямой зависимости от разрыва имевшихся у осужденных родственных связей, негативное изменение которых может привести уже к дистрессу и необратимым последствиям для человека. Детерминантами этого состояния выступают личностные переживания на фоне последствий преступления, изменения процессуального положения, вступившего в силу судебного приговора, этапирования к месту отбывания наказания, межличностного общения в среде осужденных и т. д.

Таким образом, можно предположить, что переживания лица, находящегося в одной или одновременно нескольких трудных жизненных ситуациях, вызванных уголовным наказанием, зависят от множественности взаимосвязанных факторов, определяющих индивидуальную самооценку внутреннего состояния осужденного. Личностные переживания, связанные с отношением к своему существованию, могут изменяться на фоне смены возрастных характеристик, временных показателей ведения преступного образа жизни и длительности процесса отбывания наказания. Представления о смысле жизни могут возникать в разные периоды: 1) до момента совершения преступления; 2) в момент совершения преступления; 3) после совершения преступления; 4) до назначения уголовного наказания; 5) в процессе отбытия наказания; 6) после отбывания наказания. Соответствующие этим периодам фазы обладают свойством трансформации в зависимости от актуальных для осужденного жизненных ориентиров либо их отсутствия.

На фоне имеющегося комплекса личностных психических расстройств может наблюдаться нарушение общего состояния здоровья осужденного, что обусловлено неврозами или обострением имеющихся либо приобретенных заболеваний в процессе отбывания наказания. Нередко суициденты прибегают к специальной провокационной практике преднамеренного нарушения режима отбывания наказания, что существенно осложняет проведение с ними необходимых психолого-профилактических и медицинских мероприятий.

В категорию психических расстройств, наиболее опасных с точки зрения риска совершения суицида, включены шизофрения, аффективные расстройства (депрессия, повышенная тревожность), пограничное личностное расстройство, наркологическая патология, эпилепсия [5, с. 67].

М. И. Хасьминский, член Общественного совета ФСИН России, отмечает: «Существуют определенные сложности в работе с суицидиентом. Надо выявить ресурсы, которые у него имеются, настроить его соответствующим образом, сформулировать цель, показать примеры, когда люди, попавшие в подобную ситуацию, смогли справиться с ней. Естественно, что преодолеть стоящие перед ним трудности он должен сам» [2, с. 37–38].

О. И. Сочивко высказывает следующее мнение: «С целью своевременного распознания неадаптивных позиций осужденного, которые могут привести к суициду, пенитенциарный психолог обязан быть прежде всего наблюдательным. В своей профилактической работе он должен искать имеющи-

еся и способствовать формированию новых антисуицидальных факторов, складывающихся в достаточно стройную систему из нескольких составляющих: интенсивная эмоциональная привязанность к значимым близким; родительские обязанности; выраженное чувство долга, обязательность; религиозные понятия о грехе самоубийства; четкое осознание социальных требований, зависимость от мнения общества; представление о неиспользованных жизненных возможностях; наличие творческих планов, стремление к самореализации; приверженность эстетическим критериям (нежелание неприглядно выглядеть после смерти); боязнь причинить себе физическое страдание» [6, с. 52–53].

Для минимизации негативных проявлений в поведении осужденного очень важно знать внутренний мир человека, каким он мог быть до совершения преступления, что довлело над личностью, что способствовало противоправным проявлениям. Психологу очень важно разобраться с комплексом практических вопросов: каким человеком осужденный был на свободе? какие проблемы его окружали? в каких условиях он воспитывался? какой образ жизни он вел? какие у него были жизненные потребности, ориентиры, увлечения, хобби? кто оказывал на него влияние? какая социальная среда его окружала? Выяснение данной информации на ранней стадии отбывания наказания будет положительным образом влиять на оперативность обнаружения имеющихся у осужденного интенций, обусловливающих вовлечение в суицидальное поведение и усугубляющих личностный кризис. Данные интенции способны иметь различные проявления и находиться в прямой зависимости от источника их активизации. Речь может идти о целом комплексе как внутренних, так и внешних сил, действующих обоюдно, но имеющих различные свойства и происхождение. Это обстоятельство является весьма важным, так как полученные ответы могут вскрыть побудительные мотивы к суицидальному поведению. Мы неизбежно сталкиваемся с ситуацией, при которой суицидальное влечение потенциально появляется до процесса отбывания наказания и усиливается параллельно уже в процессе его отбывания. Интенционным индикатором суицидальных намерений может быть нахождение осужденного до наказания в деструктивных группах (например, киберсуицидальной, оккультной, террористической, экстремисткой направленности) в соцсетях, мессенджерах. Необходимо учитывать также культурный (антикультурный) компонент в поведении суицидента, поскольку это может косвенно свидетельствовать о наличии суицидальных интенций (компьютерные игры с элементами агрессии, насилия и самоуничтожения, увлечение андеграундной музыкой, чтение мистической литературы, активное распространение посредством своих аккаунтов оккультной символики, суицидальных видеороликов, музыки, мультфильмов, фразеологизмов и т. д.).

Общественный совет ФСИН России активно осуществляет деятельность по профилактике деструктивного суицидального поведения среди осужденных и сотрудников пенитенциарных учреждений. Положительный опыт в этой сфере был получен в 2019 г. в ходе проведения выездных методических семинаров М. И. Хасьминского в учреждениях ФСИН России по Тульской, Тверской, Вологодской, Саратовской, Калужской, Ростовской, Курской, Пензенской, Смоленской областям, Республике Башкортостан и Краснодарскому краю. Две специализированные рабочие поездки были осуществлены в воспитательные колонии УФСИН России по Краснодарскому краю и УФСИН России по Республике Башкортостан.

Встречи для обмена опытом, диалоговые беседы, обучающие методические и инструктивно-методические семинары проводились с руководством и личным составом территориальных органов ФСИН России (представители воспитательных, социальных, психологических, медицинских служб, оперативных отделов, отделов кадров, отделов режима и надзора исправительных учреждений, помощники начальников управлений по вопросам работы с верующими). В мероприятиях приняли участие региональные уполномоченные по правам ребенка (Н. А. Зыкова в Тульской области, Т. Ф. Ковалева в Краснодарском крае), руководство Республиканского молодежного социально-психологического и информационно-методического центра Министерства молодежной политики и спорта Республики Башкортостан, представители прокуратуры, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, образовательных учреждений ФСИН России. Были охвачены такие темы, как «Комплексный опыт по предотвращению суицидов и эффективным методам профилактики и практической помощи суицидентам в современных условиях», «Практическая кризисная психология: профилактика суицидального и деструктивного

поведения», «Эффективные методы профилактики протестного поведения подростков и молодежи», «Психология человека: как жить счастливо и что нужно сделать, чтобы не болела душа».

М. И. Хасьминский в ходе мероприятий поделился опытом и практическими наработками в области кризисной психологии. На семинарах подробно рассматривались вопросы профилактики суицидального поведения, выявлялись факторы риска, анализировались статистические показатели, обсуждались способы и последствия совершения суицида. Внимание было обращено на то, что в работе с людьми прежде всего необходимо способствовать формированию их мировоззрения и развитию у них осознанности. Затрагивались вопросы смысла жизни, морали, нравственного и духовного выбора, семейных ценностей, воспитания личности, как помочь человеку, находящемуся в тяжелой кризисной ситуации. Были даны необходимые рекомендации по использованию информационных и наглядных материалов при профилактике суицидов среди осужденных и сотрудников ФСИН России [1].

Вместе с тем деятельность Общественного совета ФСИН России в сфере профилактики суицидального поведения осужденных нуждается в модернизации посредством создания укрепленных специализированных групп с привлечением общественных неправительственных организаций, имеющих мировой и региональный опыт проведения мероприятий, связанных с предупреждением киберпреступлений в отношении несовершеннолетних. В качестве примера можно привести деятельность «Интернационального центра спасения детей от киберпреступлений». Данная автономная некоммерческая организация официально зарегистрирована в Организации Объединенных Наций.

Указанное предложение будет согласовываться с п. 2.1 Положения об Общественном совете при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы, нормативно определившим возможность вхождения в его состав представителей международных неправительственных и российских общественных организаций.

Следует отметить, что только при консолидированной работе, учете разных подходов к профилактике суицидального поведения осужденных можно сохранить уже имеющуюся положительную динамику в этом вопросе, увеличить региональный охват проведения разносторонних мероприятий со стороны Общественного совета ФСИН России. Взаимовыгодные социально-партнерские отношения позволят выстроить новую структуру общественного органа, создадут благоприятные условия для повышения уровня доверия к его деятельности со стороны сотрудников учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, осужденных и населения и, самое главное, усилят комплексную составляющую в профилактике суицидов.

Считаем, что деятельность общественных организаций, направленная на выявление индикаторов суицидального поведения, в России является прямым доказательством подтверждения нашей гипотезы о существовании в социальной действительности различных суицидальных интенций, связанных с киберсоциализацией личности. В связи с этим необходима организация совместных мероприятий по профилактике суицидального поведения с общественными организациями в сфере кибербезопасности в форме совместных научно-методических конференций, обучающих семинаров, лекций (включая онлайн-лекции), инструктивных занятий, встреч с руководством и личным составом территориальных органов. Чрезвычайно важны также разработка психологических диагностических программ по выявлению суицидальных интенций среди спецконтингента, проведение индивидуальных и групповых профилактических бесед с осужденными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деятельность Общественного совета при ФСИН России в 2019 году. – URL: http://фсин.рф/OS/svedeniya/otchet-o-deyatelnosti/ (дата обращения: 24.01.2020).
2. **Кабакин, В.** Кризис – это не тупик! / В. Кабакин // Преступление и наказание. – 2019. – № 6. – С. 37–39.
3. Рабочие группы Общественного совета при ФСИН России. – URL: http://фсин.рф/OS/svedeniya (дата обращения: 24.01.2020).
4. Расширенное заседание коллегии ФСИН России: положительные тенденции. – URL: http://or.fsin.su/upload/territory/Or/PDF/Pin/PDF/2019/pin_4_2019.pdf (дата обращения: 24.01.2020).
5. **Сочивко, О. И.** К вопросу о психических расстройствах осужденных / О. И. Сочивко, Г. М. Токарева // Прикладная юридическая психология. – 2019. – № 2. – С. 66–71.
6. **Сочивко, О. И.** О проведении профилактики суицида среди осужденных / О. И. Сочивко // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2019. – № 11. – С. 50–54.

7. Суициды среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных : аналитический обзор / [М. П. Чернышкова и др.] // Суицидология. – 2017. – Том 8, № 3. – С. 62–70.

REFERENCES

1. *Deyatel'nost' Obshchestvennogo soveta pri FSIN Rossii v 2019 godu* [The activities of the Public Council at the Federal Penal Service of Russia in 2019]. Available at: http://фсин.рф/OS/svedeniya/otchet-o-deyatelnosti/ (accessed 24.01.2020). (In Russ.).
2. Kabakin V. Krizis – eto ne tupik! [Crisis is not a dead end!]. *Prestuplenie i nakazanie – Crime and Punishment,* 2019, no. 6, pp. 37–39. (In Russ.).
3. *Rabochie gruppy Obshchestvennogo soveta pri FSIN Rossii* [Working groups of the Public Council at the Federal Penal Service of Russia]. Available at: http://фсин.рф/OS/svedeniya (accessed 24.01.2020). (In Russ.).
4. *Rasshirennoe zasedanie kollegii FSIN Rossii: polozhitel'nye tendencii* [An expanded meeting of the collegium of the Federal Penal Service of Russia: positive trends]. Available at: http://or.fsin.su/upload/territory/Or/PDF/Pin/PDF/2019/pin_4_2019.pdf (accessed 24.01.2020). (In Russ.).
5. Sochivko O. I., Tokareva G. M. K voprosu o psihicheskih rasstrojstvah osuzhdennyh [On the issue of mental disorders of convicts]. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya – Applied Legal Psychology*, 2019, no. 2, pp. 66–71. (In Russ.).
6. Sochivko O. I. O provedenii profilaktiki suicida sredi osuzhdennyh [On the prevention of suicide among convicts]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy – Journal of the penal system*, 2019, no. 11, pp. 50–54. (In Russ.).
7. CHernyshkova M. P., Cvetkova N. A., Lobacheva L. P., Debol'skij M. G., Dikopol'cev D. E. Suicidy sredi podozrevaemyh, obvinyaemyh i osuzhdennyh [Suicides among suspects, accused and convicted]. *Suicidologiya – Suicidology*, 2017, vol. 8, no. 3, pp. 62–70. (In Russ.).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.24411/2686-9764-2020-10042
УДК 374:371.7

Формирование здорового образа жизни у несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы

Ф. И. КЕВЛЯ – старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор

Реферат

Болезненные социальные явления, характерные для современной России, неблагоприятно сказываются на физическом и психическом здоровье лиц, находящихся в местах лишения свободы, имеющих проблемное здоровье и нуждающихся в психиатрической и наркологической помощи, лечении туберкулеза, ВИЧ-инфекции (СПИДа), гепатита и других заболеваний.

Формирование здорового образа жизни рассматривается в контексте исправления осужденных как мощное педагогическое средство оптимизации всей их жизни и деятельности. Организация воспитательной работы в данном направлении способствует укреплению здоровья в тяжелых условиях отбывания наказания, профилактике эпидемических заболеваний, а также является благотворным фактором успешной и быстрой адаптации к новым обстоятельствам и последующей ресоциализации личности на свободе.

Под здоровым образом жизни осужденных в местах лишения свободы понимаются типичные формы и способы повседневной жизнедеятельности, которые укрепляют и совершенствуют резервные возможности организма человека, обеспечивая тем самым успешное выполнение социальных и профессиональных функций. Особенно важно реализовывать данное направление воспитательной работы в отношении лиц несовершеннолетнего возраста, отбывающих лишение свободы в воспитательной колонии.

Содержание воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными по формированию здорового образа жизни включает просвещение в вопросах здоровья, совершенствование организма человека, формирование механизма самовоспитания и др. Основным результатом воспитания ценностного отношения к своему здоровью является активность несовершеннолетнего осужденного, его повседневное поведение, направленное на улучшение и сохранение здоровья, повышение защитных сил организма, гигиенической грамотности, выполнение медицинских рекомендаций и т. д.

Пропаганда здорового образа жизни в воспитательной колонии осуществляется в различных формах, таких как воспитательные мероприятия на тему здорового образа жизни; обучение практическим приемам само- и взаимопомощи; целесообразное использование свободного времени и организация досуга в борьбе с отрицательными привычками; приобщение к работе в данном направлении других сотрудников и иных лиц.

Организация воспитательной работы по формированию у несовершеннолетних осужденных здорового образа жизни способствует развитию у них ценностного отношения к здоровью, выработке позитивного взгляда на проблемы здоровья, приобретению знаний в этой области, оказывает позитивное влияние на выбор собственного поведения.

Ключевые слова: места лишения свободы; воспитательная работа; несовершеннолетние осужденные; здоровый образ жизни; ценностное отношение к здоровью; формирование здорового образа жизни.

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования

The formation of a healthy lifestyle among juvenile prisoners in imprisonment

F. I. KEVLYA – Senior Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogy, Professor

Abstract

The painful social phenomena, characteristic of modern Russia, adversely affect the physical and mental health of persons in prisons with poor health and in need of psychiatric and drug treatment, treatment of tuberculosis, HIV infection (AIDS), hepatitis and other diseases.

The formation of a healthy lifestyle is considered in the context of correction of convicts as a powerful pedagogical means of optimizing their entire life and activity. The organization of educational work in this direction helps to improve health in difficult conditions of serving sentences, the prevention of epidemic diseases, and is also a beneficial factor for successful and quick adaptation to new circumstances and the subsequent resocialization of the person at large.

A healthy lifestyle of prisoners in prison means typical forms and methods of daily life, which strengthen and improve the reserve capabilities of the human body, thereby ensuring the successful fulfillment of social and professional functions. It is especially important to implement this area of educational work in relation to persons of minor age serving their sentences in an educational colony.

The content of educational work with juvenile prisoners on the formation of a healthy lifestyle includes health education, improving the human body, the formation of a mechanism of self-education, etc. The main result of educating a value-based attitude to his health is the activity of a minor convict, his daily behavior aimed at improving and maintaining health, increasing the body's defenses, hygienic literacy, the implementation of medical recommendations and others.

The promotion of a healthy lifestyle in an educational colony is carried out in various forms, such as educational activities on a healthy lifestyle; training in practical methods of self-help and mutual assistance; the appropriate use of free time and leisure activities in the fight against negative habits; introducing other employees and other persons to work in this direction.

The organization of educational work on the formation of a healthy lifestyle among juvenile offenders contributes to the development of a value-based attitude towards health, the development of a positive outlook on health problems, the acquisition of knowledge in this area and has a positive effect on the choice of one's own behavior.

Key words: places of imprisonment; educational work; juvenile convicts; healthy lifestyle; value attitude to health; the formation of a healthy lifestyle.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education

Болезненные социальные явления, характерные для современной России, неблагоприятно сказываются на физическом и психическом здоровье общества. Ухудшение здоровья людей теперь является не только медицинской, но и серьезной педагогической проблемой. Особенно остро она стоит в местах лишения свободы, так как большинство осужденных имеют вредные привычки и проблемное здоровье.

Одной из основных, требующих своего решения задач медико-санитарного обеспечения лиц, находящихся в учреждениях ФСИН России, является снижение показателей как смертности, так и заболеваемости и инвалидности осужденных. Отмечается сокращение масштабов профилактики заболеваний на фоне увеличения количества проявлений туберкулеза, ВИЧ-инфекции (СПИДа), гепатита и других заболеваний, в том числе передающихся половым путем. С каждым годом все больше становится осужденных, нуждающихся в наркологической и психиатрической помощи.

Так, согласно статистическим данным, в исправительных учреждениях Вологодской области, за 2018 г. общая заболеваемость спецконтингента снизилась на 10,7 % и составила 5504 случая, но показатель смертности в сравнении с 2017 г. увеличился на 42,3 % и составил 30 случаев (внебольничная летальность от заболеваний увеличилась в 1,7 раза, смертность от заболеваний – на 76 %; в структуре причин смертности преобладают болезни системы кровообращения) [4].

Демократизация и гуманизация нашего общества заставляют по-новому взглянуть на процесс воспитания в условиях исполнения уголовного наказания. Формирование здорового образа жизни, физическая культура и санитарно-гигиеническое просвещение рассматриваются в контексте исправления осужденных как мощное педагогическое средство оптимизации всей их жизни и деятельности.

Правовая основа реализации этого направления деятельности получила закрепление в документах различного уровня: Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (ст. 99, 101), Концепции воспитательной работы с осужденными в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы (2000 г.), Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. (2010 г.), приказе ФСИН России № 555 «Об организации воспитательной работы с работниками уголовно-исполнительной системы» (2010 г.) и других нормативных правовых актах. Согласно им обеспечение гуманизации условий отбывания наказаний в местах лишения свободы предполагает осуществление воспитательной работы в целом, при этом особо выделяется санитарно-гигиеническое направление. Более того, для снижения уровня заболеваемости лиц, находящихся в изоляции, планируется развитие сети бактериологических и санитарно-гигиенических лабораторий, а также формирование системы различных мер для повышения мотивации осужденных к здоровому образу жизни [2; 9].

В связи с данными обстоятельствами одной из первоочередных задач сотрудников пенитенциарной системы является формирование у осужденных стремления вести здоровый образ жизни. Организация воспитательной работы в данном направлении способствует укреплению здоровья в тяжелых условиях отбывания наказания, профилактике эпидемических заболеваний, а также является благотворным фактором более эффективной адаптации осужденных к новым для них обстоятельствам и последующей жизни на свободе.

Вопросами воспитания ценностного отношения к здоровью осужденных занимались Х. М. Галимзямов, Э. В. Зауторова, Ю. В. Ишков, Л. В. Комарова, И. С. Нистратова, Н. А. Тючаева и др. Под здоровым образом жизни осужденных в местах лишения свободы понимаются способы, формы и приемы повседневной жизнедеятельности, укрепляющие и совершенствующие резервные возможности человеческого организма и обеспечивающие при этом успешное выполнение профессиональных функций и социальных обязанностей. Процесс формирования здорового образа жизни направлен на изменение стиля и уклада жизни воспитуемого, его оздоровление с использованием гигиенических знаний в борьбе с вредными привычками [3; 5].

Особенно важно реализовывать данное направление воспитательной работы с лицами несовершеннолетнего возраста, отбывающими лишение свободы в воспитательной колонии. Подавляющее большинство осужденных подростков безответственно относятся к своему организму, что проявляется у них в самовредительстве здоровью, обусловленном в том числе низким уровнем развития гигиенической культуры, тягой, привычкой к употреблению алкоголя и табака, наркотической зависимостью и страстью к бесконтрольному чрезмерному приему психотропных лекарств, средств бытовой химии и прочих ядов (токсикомания). Официальная статистика и результаты различных научных исследований показывают, что за последнее время для осужденных данного возраста становятся типичными широкая распространенность привычек, вредных для здоровья, и более ранняя подверженность им [8; 10].

Состояние здоровья любого человека оказывает влияние на успешность учебной и профессиональной деятельности, благополучие всей его жизни. Доказано, что здоровье на 50 % зависит только от самого человека, от того образа жизни, который он ведет, поэтому исправительные учреждения должны быть ориентированы на воспитание у несовершеннолетних осужденных здоровых привычек и потребности заботиться о своем здоровье, развитие и формирование навыков принятия самостоятельных решений в отношении поддержания и укрепления не только своего здоровья, но и здоровья окружающих людей.

Содержание воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными по формированию здорового образа жизни в условиях воспитательной колонии включает:

– просвещение в вопросах здоровья, физической культуры, влияния повреждающих психосоциальных факторов на человека, повышение уровня устойчивости к стрессу, соблюдение мер как личной, так и общественной гигиены, профилактику употребления алкоголя и наркотических веществ;

– совершенствование организма человека, увеличение физической активности, предполагающие развитие двигательной, костно-мышечной и нервной систем, улучшение пропорций тела при сохранении и укреплении здоровья;

– формирование механизма самовоспитания, стимулирование самовоспитания воли, выносливости, настойчивости, самодисциплины и других важных качеств, направленных на сохранение и улучшение здоровья, и др.

Формирование здорового образа жизни лиц несовершеннолетнего возраста осуществляется с опорой на следующие принципы: приобщение всех осужденных подростков к просветительно-воспитательным мероприятиям, непрерывность и систематичность этой работы; полная согласованная деятельность сотрудников всех подразделений исправительного учреждения; воспитание необходимых навыков, регулярное разъяснение санитарно-гигиенических требований. Основным результатом воспитания ценностного отношения к своему здоровью является активность несовершеннолетнего осужденного, его повседневное поведение с ориентаций на сохранение и улучшение здоровья, повышение гигиенической грамотности, укрепление защитных сил организма, выполнение медицинских рекомендаций и т. д.

Пропаганда здорового образа жизни в воспитательной колонии может осуществляться в различных формах, а именно:

– воспитательные мероприятия с целью просвещения на тему здорового образа жизни с сообщением участникам процесса минимума медицинских знаний, необходимых любому человеку, включая игровые формы их проведения (беседы, выступления, лекции, доклады, дискуссии, семинары, тренинги, викторины, виртуальные экскурсии и т. д., например: игра-викторина «Эликсир молодости», дискуссия «Береги платье снову, а здоровье смолоду!», тренинг «Улыбка дарит нам продление века», лекция «Наркоманы – люди без будущего» и др.);

– обучение практическим приемам само- и взаимопомощи (ранение, перелом, ожог, отравление и др.), формирование различных умений и навыков по профилактике осложнений и правильному, рациональному лечению того или иного заболевания, повышению качества жизни с использованием наглядных средств (плакаты, санбюллетени, листовки, иллюстрации, муляжи, слайды, рисунки, значки, фотографии и т. д.);

– занятия физкультурой, способствующие лучшему приспособлению организма к физическим и психологическим нагрузкам, преодолению утомляемости в учебной и трудовой деятельности, помогающие осужденным преодолевать чувства напряженности, страха, неуверенности, подавленности (физкультурно-спортивные мероприятия, работа кружков и секций, зарядка и т. д.);

– целесообразное использование свободного времени в борьбе с отрицательными привычками, азартными играми и другими пороками, например: изучение научно-популярных книг и чтение художественной литературы по санитарии и гигиене (листовки, памятки, статьи, брошюры, доски вопросов и ответов, различные книги для чтения, энциклопедии, хрестоматии, сборники, в которых имеется материал по укреплению и охране здоровья, выдержки из популярных и специальных книг и журналов «Здоровье», «Целебник», «Здоровая газета», «Лечебник» и т. д.); работа санитарных кружков («Школа здоровья»), что будет способствовать развитию активного отношения к здоровью, мотивации к оздоровлению, соблюдению режима, формированию позитивных взаимоотношений, реабилитации и профилактике и т. д. [3; 7];

– приобщение к воспитательной работе в данном направлении сотрудников воспитательной колонии (психолог, сотрудники медицинской части), а также родственников и представителей различных государственных и общественных организаций, которые осуществляют деятельность по пропаганде здорового образа жизни, отводя большую роль профилактике распространенных социально значимых заболеваний, таких как ВИЧ-инфекция, туберкулез, наркомания, алкоголизм, табакокурение и др. Данные мероприятия следует проводить в рамках месячника «Мы выбираем здоровье», когда, например, может работать анонимная почта, для отправления несовершеннолетними писем психологу или врачу, ответы которых можно публиковать в местной газете или на доске вопросов и ответов (в форме заочных консультаций) и т. д. [6].

Здоровый образ жизни способствует развитию у несовершеннолетних осужденных нравственных качеств, формированию правильного понимания мужества и красоты, на фоне которого особенно полно и ярко разоблачаются идеалы уголовной романтики. Важным моментом в выработке у воспитуемого мотивации к сознательному отношению к своему здоровью и здоровью

окружающих людей будет создание успешной ситуации в решении проблем собственного нравственного и физического изменения. Ситуация успеха является результатом общей творческой деятельности педагога и воспитанника, который можно сопоставить с ожиданиями несовершеннолетнего осужденного.

Следует отметить, что деятельность сотрудника-воспитателя в исправительных учреждениях для несовершеннолетних осужденных по реализации формирования здорового образа жизни слабо обеспечена в методическом плане. Вместе с тем в данной сфере имеется положительный опыт.

Так, администрацией воспитательной колонии в Кабардино-Балкарской Республике проводится работа по приобщению юных правонарушителей к здоровому образу жизни, физкультурно-спортивным занятиям. В данном учреждении функционирует спортивный зал, хорошо оборудованы волейбольная и футбольная площадки. Министерство образования и науки Кабардино-Балкарской Республики совместно с городским комитетом по физической культуре и спорту местной администрации в рамках республиканского проекта «Наставничество» организуют и проводят среди воспитанников различные спортивные состязания по гиревому спорту, армрестлингу и др. Воспитательные мероприятия направлены на пропаганду заботы о здоровье, здорового образа жизни и в настоящее время стали традиционными [1].

Таким образом, организация воспитательной работы по формированию у несовершеннолетних осужденных здорового образа жизни способствует развитию у них активной позиции по отношению к собственному здоровью, понимания того, что здоровье – величайшая ценность, дарованная человеку природой. Участие подростков в соответствующих мероприятиях дает им возможность приобрести знания в обозначенной области, оказывает позитивное влияние на выбор собственного поведения, настраивает их на неравнодушное отношение к проблемам, касающимся здоровья, расширяет кругозор, способствует пересмотру своих поступков, разрешению собственных проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В ФКУ «Советская воспитательная колония» прошли соревнования. – URL: http://www.07.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=74670/ (дата обращения: 01.11.2019).
2. **Воронин, Р. М.** Организационно-правовые аспекты охраны здоровья осужденных, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы / Р. М. Воронин // Уголовно-исполнительное право. – 2012. – № 2. – С. 113–115.
3. **Зауторова, Э. В.** Направления воспитательной работы с осужденными в местах лишения свободы : учебное пособие / Э. В. Зауторова. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2019. – 198 с. – ISBN 978-5-94991-479-3.
4. Итоги оперативно-служебной, производственно-хозяйственной и финансово-экономической деятельности УФСИН России по Вологодской области за 2018 год. – Вологда : УФСИН России по Вологодской области, 2019. – 39 с.
5. **Маркеева, М. В.** Проблема формирования социально позитивных жизненных установок в среде несовершеннолетних осужденных / М. В. Маркеева, И. Г. Кораблева, К. А. Кораблева / Молодой ученый. – 2015. – № 23. – С. 882–885. – URL: https://moluch.ru/archive/103/23284/ (дата обращения: 02.12.2019).
6. **Нистратова, И. С.** Несовершеннолетние осужденные с социально значимыми заболеваниями: проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы и их социальной реабилитации / И. С. Нистратова // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 3 (121). – С. 53–56.
7. **Очиров, И. М.** Современные формы и виды формирования здорового образа жизни студентов Республики Бурятия / И. М. Очиров, Л. С. Ёлгина, А. И. Очирова // Педагогический ИМИДЖ. – 2018. – № 1 (38). – С. 49–60.
8. Проблемы и пути формирования здорового образа жизни населения Российской Федерации : монография / под редакцией Т. В. Яковлевой, В. Ю. Альбицкого. Москва : М-Студио, 2011. – 213 с. – ISBN 978-5-903198-25-2.
9. **Тюгаева, Н. А.** Санитарно-гигиеническое воспитание осужденных в исправительных учреждениях / Н. А. Тюгаева // Человек: преступление и наказание. – 2015. – № 4. – С. 143–146.
10. **Шилова, Л. С.** Подростки и молодежь в России – перспективная группа распространения социальных заболеваний / Л. С. Шилова // Здоровье и здравоохранение в условиях рыночной экономики / ответственные редакторы Л. С. Шилова, Л. В. Ясная. – Москва : Институт социологии РАН, 2000. – С. 111–144. – ISBN 5-89697-052-8.

REFERENCES

1. *V FKU «Sovetskaya vospitatel'naya koloniya» proshli sorevnovaniya* [Competitions were held in the Soviet educational colony]. Available at: http://www.07.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=74670/ (accessed 01.11.2019). (In Russ.).
2. Voronin R. M. Organizacionno-pravovye aspekty ohrany zdorov'ya osuzhdennyh, soderzhashchihsya v uchrezhdeniyah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy [Organizational and legal aspects of protecting the health of convicts held in penal institutions]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal Law*, 2012, no. 2, pp. 113–115. (In Russ.).
3. Zautorova E. V. *Napravleniya vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi v mestah lisheniya svobody* [Directions of educational work with convicts in prisons]. Vologda, 2019. 198 p. (In Russ.).
4. *Itogi operativno-sluzhebnoj, proizvodstvenno-hozyajstvennoj i finansovo-ekonomicheskoj deyatel'nosti UFSIN Rossii po Vologodskoj oblasti za 2018 god* [The results of operational, official, production, economic and financial and economic activities of the Federal Penal Service of Russia in the Vologda Region for 2018]. Vologda, 2019. 39 p. (In Russ.).

5. Markeeva M. V., Korableva I. G., Korableva K. A. Problema formirovaniya social'no pozitivnyh zhiznennyh ustanovok v srede nesovershennoletnih osuzhdennyh [The problem of the formation of socially positive attitudes among juvenile prisoners]. *Molodoj uchenyj – Young scientist*, 2015, no. 23, pp. 882–885. Available at: https://moluch.ru/archive/103/23284/ (accessed 02.12.2019). (In Russ.).
6. Nistratova I. S. Nesovershennoletnie osuzhdennye s social'no znachimymi zabolevaniyami: problemy ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody i ih social'noj reabilitacii [Convicted juveniles with socially significant diseases: problems of the execution of sentences of imprisonment and their social rehabilitation]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and practice of social development*, 2013, no. 3 (121), pp. 53–56. (In Russ.).
7. Ochirov I. M., YOlgina L. S., Ochirova A. I. Sovremennye formy i vidy formirovaniya zdorovogo obraza zhizni studentov Respubliki Buryatiya [Modern forms and types of forming a healthy lifestyle for students of the Republic of Buryatia]. *Pedagogicheskij IMIDZH – Pedagogical IMAGE*, 2018, no. 1 (38), pp. 49–60. (In Russ.).
8. YAkovleva T. V., Al'bickij V. YU. (red.) *Problemy i puti formirovaniya zdorovogo obraza zhizni naseleniya Rossijskoj Federacii* [Problems and ways of forming a healthy lifestyle of the population of the Russian Federation]. Moscow, 2011. 213 p. (In Russ.).
9. Tyugaeva N. A. Sanitarno-gigienicheskoe vospitanie osuzhdennyh v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah [Sanitary and hygienic education of convicts in correctional institutions]. *CHelovek: prestuplenie i nakazanie – Man: crime and punishment*, 2015, no. 4, pp. 143–146. (In Russ.).
10. SHilova L. S. Podrostki i molodezh' v Rossii – perspektivnaya gruppa rasprostraneniya social'nyh zabolevanij [Teenagers and youth in Russia – a promising group for the spread of social diseases]. *Zdorov'e i zdravoohranenie v usloviyah rynochnoj ekonomiki* [Health and healthcare in a market economy]. Moscow, 2000, pp. 111–144. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2020-10043
УДК 373

Характеристика нравственно-эстетической воспитанности осужденных женщин

Э. В. ЗАУТОРОВА – профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования

Реферат

Изменение экономических и социально-политических отношений в российском обществе обострило и без того сложную проблему нравственного воспитания лиц, лишенных свободы. Пристального внимания в связи с этим заслуживает категория осужденных женского пола с присущими ей психологическими особенностями.

Одним из важных источников развития в эмоциональном и эстетическом плане, психолого-педагогической коррекции ценностных ориентаций личности является нравственно-эстетическое воспитание. Его основной целью выступает формирование в каждом человеке потребности соответствовать общепринятым морально-нравственным нормам, способности видеть и самим создавать красоту в разнообразных жизненных явлениях и ситуациях.

Под нравственно-эстетическим воспитанием мы понимаем целенаправленный процесс, который у осужденных женщин способствует развитию рефлексии, устойчивой потребности к самосознанию, предрасположенности к творческой деятельности в различных жизненных сферах и появлению стремления к законопослушному поведению.

Изучение уровня нравственно-эстетической воспитанности как интегративного свойства личности осужденных позволило условно объединить женщин в следующие группы: 1) осужденные с низким уровнем нравственно-эстетической воспитанности, отличающиеся стойким негативным отношением к правилам жизни и нормам общества, отклоняющимся поведением и наличием антисоциальных привычек, безынициативностью, направленностью на себя, отсутствием эстетической потребности и рефлексивных умений; 2) осужденные со средним уровнем нравственно-эстетической воспитанности, представляющие собой лиц, у которых отсутствуют определенные установки на законопослушное поведение, отмечаются слабая психологическая готовность к воспитательному воздействию, редкие проявления активности в исправительном учреждении, неустойчивая направленность волевых умений и неразвитость рефлексии, эстетическая потребность слабо выражена; 3) осужденные с достаточным уровнем нравственно-эстетической воспитанности, характеризующиеся наличием положительной установки, предрасположенностью

к воспитательному воздействию, осознанностью выполнения педагогических требований, наличием знаний и представлений о нравственных ценностях, достаточно активным участием в жизнедеятельности учреждения.

Повышение уровня нравственно-эстетической воспитанности осужденных возможно посредством использования различных индивидуальных и групповых воспитательных форм и методов, таких, например, как включение воспитуемых в разнообразные исправительно-корректирующие программы эстетического направления, активизация работы священнослужителей по формированию ценностного мира осужденных, вовлечение в художественное творчество, самодеятельность и т. д.

Ключевые слова: места лишения свободы; осужденные женского пола; нравственно-эстетическое воспитание; нравственно-эстетическая воспитанность; уровни нравственно-эстетической воспитанности; воспитательная работа.

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования

Characteristic of moral and aesthetic breeding of convicted women

E. V. ZAUTOROVA – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Psychological Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Abstract

The change in economic and socio-political relations in Russian society has intensified the already complex problem of moral education imprisoned persons. Close attention in this connection deserves the category of female prisoners, which are characterized by characteristic psychological features.

One of the important sources of development in emotional and aesthetic terms, psychological and pedagogical correction of value orientations of a person is moral and aesthetic education. Its main goal is the formation in each person of the need to comply with generally accepted moral standards, the ability to see and create beauty themselves in a variety of life phenomena and situations.

By moral and aesthetic education we mean a goal-directed process, which among convicted women contributes to the development of reflection, a steady need for self-consciousness, a predisposition to creative activity in various life spheres and the emergence of a desire for law-abiding behavior.

The study of the level of moral and aesthetic breeding as an integrative property of the personality of convicts allowed to conditionally unite women into the following groups: 1) convicts with a low level of moral and aesthetic breeding, distinguished by a persistent negative attitude to the rules of life and society, deviant behavior and the presence of antisocial habits, lack of initiative, self-directedness, lack of aesthetic needs and reflective skills; 2) convicts with an average level of moral and aesthetic breeding, who are persons that do not have certain attitudes toward law-abiding behavior, have a weak psychological readiness for educational influence, rare manifestations of activity in a correctional institution, an unstable orientation of volitional skills and poor development of reflection, aesthetic need is weak expressed; 3) convicts with a sufficient level of moral and aesthetic breeding, characterized by the presence of a positive attitude, a predisposition to educational influence, awareness of the fulfillment of pedagogical requirements, the presence of knowledge and ideas about moral values, rather active participation in the life of the institution.

Among the ways to increase the level of moral and aesthetic breeding of convicts are various individual and group educational forms and methods, such as the inclusion of those brought up in various corrective programs in the aesthetic direction, the intensification of the work of clergy in the formation of the value world of convicts, involvement in artistic creation and amateur activity, etc.

Key words: places of imprisonment; female convicts; moral and aesthetic education; moral and aesthetic breeding; levels of moral and aesthetic breeding; educational work.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education

Изменения в экономических и социально-политических отношениях в российском обществе обострили и без того сложную проблему нравственного воспитания ли-

шенных свободы. Отбывающие наказание в местах лишения свободы характеризуются как лица, имеющие негативную ценностно-нормативную сферу, низкий уровень образовательного и общекультурного развития [5]. Они не стремятся к изменению своей личности, поддерживают законы тюремной субкультуры и т. д. Все это в значительной мере осложняет процесс исправления.

Выборочные криминологические исследования и статистические данные свидетельствуют о том, что с каждым годом среди осужденных неминуемо увеличивается удельный вес женщин. Применительно к некоторым видам преступлений доля совершивших их женщин выше, чем в преступности в целом, например среди виновных в хищениях чужого имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением и некоторых других [1; 9]. В связи с этим такая категория осужденных, как осужденные женского пола, которым присущи свои психологические особенности, заслуживает пристального внимания. Проблемам исправления осужденных женщин в местах лишения свободы посвящены труды Ю. М. Антоняна, Т. Н. Волковой, В. Н. Савардуновой, А. В. Чернышевой и др.

Одним из важных источников развития в эмоциональном и эстетическом плане, психолого-педагогической коррекции ценностных ориентаций личности является нравственно-эстетическое воспитание. Его основной целью выступает формирование в каждом человеке потребности соответствовать общепринятым морально-нравственным нормам, способности видеть и самим создавать красоту в разнообразных жизненных ситуациях. В рамках данного направления воспитательной работы особое внимание уделяется ценностным ориентациям личности осужденных женщин, а также коррекции асоциального поведения, развитию интереса к творческой деятельности, позитива и жизнелюбия. При этом с нравственно-эстетической воспитанностью личности напрямую связан уровень развития ее ценностной сферы. В связи с этим понятие «нравственно-эстетическое воспитание» мы рассматриваем как целенаправленный процесс, который у осужденных женщин способствует развитию рефлексии, устойчивой потребности к самосознанию, предрасположенности к творческой деятельности в различных жизненных сферах и появлению стремления к законопослушному поведению.

Нравственно-эстетическая воспитанность – это определенный уровень развития интегративных свойств, которые обеспечивают субъектную позицию личности (нравственные сознание, чувства, суждения и поведение) в ситуациях выбора, осознанное отношение к действительности и совершенствование окружающего мира через эстетическое восприятие жизни во всех ее проявлениях на основе нравственных и эстетических ценностей [4].

В содержание нравственно-эстетической воспитанности осужденных женщин заложено единство нравственных и эстетических качеств, а также способов их проявления через различное отношение к явлениям действительности и произведениям искусства, определяющих поведение и отдельные поступки человека, направляющие его деятельность.

У женщин значительно сложнее и тоньше нравственно-психологический мир по сравнению с мужчинами, а комплекс психических состояний более глубокий. Практики отмечают, что осужденные женского пола в большей степени, чем мужчины, проявляют стремление и интерес к красоте, искусству, принимают активное участие в художественной самодеятельности и различных кружках. Вместе с тем осужденные женщины отличаются повышенной восприимчивостью, плаксивостью, возбудимостью, раздражительностью и т. д. [2; 7]. У них чаще происходят нервно-психические срывы, возникают стрессовые состояния, состояния обреченности, тоски и безнадежности. При этом эмоциональные процессы явно доминируют над мыслительными. Это можно объяснить эмоциональной распущенностью, нежеланием и неумением адекватно вести себя в конфликтных ситуациях. У женщин, осужденных на большие сроки наказания, проявляется чувство безверия, безнадежности и безысходности, что сопровождается депрессией, аффективными вспышками. Данные состояния усугубляются наличием проявлений таких заболеваний, как алкоголизм, наркомания. К тому же, многие из осужденных рассматриваемой категории утрачивают социально полезные связи, не имеют ни семьи, ни определенного места жительства.

Для большинства осужденных женского пола характерно отсутствие опыта и примера социально одобряемого поведения, редко у них обнаруживаются такие качества, как дисциплинированность, контроль, саморефлексия [6]. Они утрачивают чувство прекрасного, песенное творчество разбавляют тюремным жаргоном, превращая красоту

общения в насилие и пошлость. Женщины в местах лишения свободы нередко бывают чувствительными и сентиментальными, но одновременно с этим могут вести себя эгоистично, быть равнодушными не только к мнению и достоинству человека, но даже к его жизни.

Исследования показывают, что правильная организация свободного времени может оказать большое влияние на внутренний мир человека, его отношение к самому себе, окружающим людям и обществу в целом. Сотрудники исправительных учреждений отмечают, что осужденные женщины не стремятся к многообразию в проведении досуга, их интересы являются несформированными и неосознанными, с трудом дифференцируются и проявляются в основном в таких заявлениях, как «зачем мне это?», «никаких увлечений», «делать нечего» и т. д. [8]. Многим из них присуща стойкая потребность просто убивать время, их досуговая деятельность отличается непосредственностью, примитивностью, основанной на подсознании и инстинктах.

Кроме того, отмечается, что за последние годы у осужденных женщин изменились ценностные и жизненные ориентации, они сместились в направлении лидерства, применения физической силы, агрессивности, то есть в сферу, свойственную мужчинам. Все это вызывает трудности в проведении воспитательной работы [3].

Таким образом, завершая характеристику осужденных женщин, подчеркнем, что указанные особенности необходимо учитывать в организации воспитательной работы с этой категорией преступников. Важной задачей сотрудников исправительных учреждений является выявление и поддержка позитивных устремлений осужденных женщин. Также представляется необходимым осуществление систематического воспитательного воздействия, постоянного контроля при решении сложных проблем в организации нравственно-эстетического воспитания в исправительном учреждении через установление правильных взаимоотношений между отдельными осужденными, а также их различными группами. Суды, учитывая психолого-физиологические особенности женщин, опираясь на принципы демократизма и гуманизма, назначают им менее строгие наказания, на женщин чаще распространяются амнистии.

С целью приобщения осужденных женщин к нравственным и художественным ценностям, а также воспитания у них потребности воспринимать и усваивать произведения искусства и создавать творческие продукты деятельности нами было проведено изучение их личности на базе ИК-1 УФСИН России по Вологодской области. В анкетировании приняли участие 50 осужденных женщин в возрасте от 18 до 50 лет. По итогам были получены такие результаты: у большинства обнаружен низкий уровень сформированности эстетической потребности (79 %); женщины слабо интересуются эстетической сферой, практически не проявляют активности в творческой деятельности и не принимают участия в работе кружков художественной направленности.

Также отмечается, что только 30 % осужденных осмысливают и планируют свою жизнь, у 70 % опрошенных отсутствуют четкие планы на будущее, они живут сегодняшним или вчерашним днем. Большая часть женщин свою жизнь не считает интересной, эмоционально насыщенной и наполненной смыслом. Отмечается, что у женщин, лишенных свободы, смещены ценностные ориентиры, превалирует негативно-потребительское отношение к действительности. Лидерские позиции захватили ценности индивидуального существования, такие как свобода, здоровье, материальная обеспеченность, а также те, которые реализуются через межличностные отношения, – счастливая семейная жизнь и наличие хороших друзей. Часто осужденными женщинами избирались ценности самоутверждения – независимость, самоконтроль, аккуратность. На последних местах оказались индивидуальные ценности личностного развития и роста (познание, творчество, развитие) и ценности принятия других (широта взглядов, чуткость, терпимость) [4].

Изучение уровня нравственно-эстетической воспитанности как интегративного свойства личности осужденных позволило условно разделить женщин на три группы:

1) осужденные с низким уровнем нравственно-эстетической воспитанности. Отличаются выраженно негативным отношением к правилам и нормам жизни в обществе, отклоняющимся поведением и проявлением антисоциальных привычек, безынициативностью, направленностью на себя, отсутствием эстетических потребностей и рефлексивных умений. Как правило, представительницы данной группы требуют усиленного контроля со стороны администрации и всего педагогического коллектива исправительного учреждения, трудно поддаются воспитательному воздействию;

2) осужденные со средним уровнем нравственно-эстетической воспитанности. У них отсутствует определенная установка на правопослушное поведение, отмечаются редкие проявления активности, а также слабая психологическая готовность к педагогическому воздействию, неустойчиво направленная воля и неразвитость рефлексивных умений; эстетические потребности также выражены слабо;

3) осужденные с достаточным уровнем нравственно-эстетической воспитанности. Характеризуются наличием положительной установки, предрасположенностью к воспитательному воздействию, осознанностью выполнения педагогических требований, присутствием знаний и представлений о нравственных ценностях, достаточно активным участием в жизнедеятельности учреждения. Отличаются эмоциональной отзывчивостью на художественные произведения и явления окружающего мира, могут стать ядром общественных формирований в отряде осужденных.

Послужить делу повышения уровня нравственно-эстетической воспитанности осужденных в условиях социальной изоляции, а также обеспечить снятие и преодоление негативных психических состояний женщин могут следующие индивидуальные и групповые воспитательные формы и методы:

– включение воспитуемых в различные исправительно-корректирующие программы эстетического направления;

– активизация работы священнослужителей по формированию ценностного мира осужденных;

– вовлечение в художественное творчество и самодеятельность (кружевоплетение, поэтический и музыкальный кружки, художественные студии и мастерские, спортивные секции и т. д.);

– проведение конкурсов и викторин, читательских и зрительских конференций;

– встречи с успешными людьми и творческими коллективами;

– занятия по моделированию и разрешению ситуаций морального выбора в воспитательной работе и др.

Практики отмечают, что работа по повышению уровня нравственно-эстетической воспитанности оказывает на осужденных положительное влияние: они осознают свою значимость, стараются помогать тем, кто нуждается в этом, становятся более отзывчивыми к чужим проблемам. При этом подчеркнем, что только при наличии позитивного отношения самих сотрудников исправительных учреждений, их личной готовности к осуществлению процесса приобщения осужденных женщин к художественным ценностям, достижения определенного уровня профессионализма и компетентности в данной области будет обеспечена эффективность всей работы по исправлению осужденных в местах лишения свободы. В связи с этим целесообразна оптимизация профессиональной подготовки сотрудников, организующих воспитательную работу с осужденными, осуществление ее на гуманистической платформе.

Таким образом, неразвитость и отставание личности в нравственно-эстетическом плане препятствуют формированию соответствующих ориентаций, установлению правильных взаимоотношений осужденного с самим собой, различными людьми и предметным миром, тормозят личностный рост и могут негативно влиять на эффективность исправительного процесса в условиях лишения свободы. Это убеждает в необходимости актуализировать в деятельности исправительных учреждений работу по повышению уровня нравственно-эстетической воспитанности осужденных женщин. Основным результатом данных педагогических воздействий должны стать изменения в их ценностной сфере и смысложизненных ориентациях и установках личности, а шире – повышение эффективности исправления лиц, находящихся в местах лишения свободы в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Антонян, Ю. М.** Преступность среди женщин / Ю. М. Антонян. – Москва : Российское право, 1992. – 252 с. – ISBN 5-7260-0376-4.
2. **Ветрова, И. В.** Женщины в местах лишения свободы (гендерно-правовое исследование) / И. В. Ветрова // Уголовно-исполнительное право. – 2014. – № 1 (17). – С. 9–15.
3. **Вилкова, А. В.** Гендерная концепция и методология формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола : диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Вилкова Алевтина Владимировна. – Великий Новгород, 2016. – 427 с.
4. **Зауторова, Э. В.** Нравственно-эстетическое воспитание осужденных : диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Зауторова Эльвира Викторовна. – Москва, 2011. – 443 с.
5. **Иванова, Н. А.** Гуманизация исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин в современных условиях : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Иванова Наталья Александровна. – Рязань, 2011. – 23 с.

6. **Савардунова, В. Н.** Ресоциализация несовершеннолетних осужденных женского пола, отбывающих наказание в виде лишения свободы (организационный, правовой и психолого-педагогические аспекты) : монография / В. Н. Савардунова. – Рязань: АПУ Минюста России, 2003. – 166 с. – ISBN 5-7743-0095-1.
7. **Ушатиков, А. И.** Основы пенитенциарной психологии : учебник / А. И. Ушатиков, Б. Б. Казак ; под редакцией профессора С. Н. Пономарева. – Рязань : АПУ Минюста России, 2001. – 536 с. – ISBN 5-7743-0059-5.
8. **Филиппов, Н. Л.** Организация свободного времени осужденных как фактор нравственной переориентации личности : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Филиппов Николай Леонидович. – Москва, 1998. – 280 с.
9. **Шеслер, А. В.** Устойчивые преступные группы несовершеннолетних: уголовно-правовые и криминальные вопросы : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шеслер Александр Викторович. – Томск, 1991. – 205 с.

REFERENCES

1. Antonyan YU. M. *Prestupnost' sredi zhenshchin* [Crime among women]. Moscow, 1992. 252 p. (In Russ.).
2. Vetrova I. V. ZHenshchiny v mestah lisheniya svobody (genderno-pravovoe issledovanie) [Women in prison (gender and legal study)]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal Law*, 2014, no. 1 (17), pp. 9–15. (In Russ.).
3. Vilkova A. V. *Gendernaya koncepciya i metodologiya formirovaniya duhovno-nravstvennyh cennostej nesovershennoletnih osuzhdennyh zhenskogo pola. Diss. dokt. ped. nauk* [Gender concept and methodology of the formation of spiritual and moral values of female juvenile offenders. Diss. Dsc. in Pedagogy]. Velikiy Novgorod, 2016. 427 p. (In Russ.).
4. Zautorova E. V. *Nravstvenno-esteticheskoe vospitanie osuzhdennyh. Diss. dokt. ped. nauk* [Moral and aesthetic education of convicts. Diss. Dsc. in Pedagogy]. Moscow, 2011. 443 p. (In Russ.).
5. Ivanova N. A. *Gumanizaciya ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii osuzhdennyh zhenshchin v sovremennyh usloviyah. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk* [The humanization of the execution of sentences of imprisonment in relation to convicted women in modern conditions. Author's abstract of the diss. PhD. in Law]. Ryazan, 2011. 23 p. (In Russ.).
6. Savardunova V. N. *Resocializaciya nesovershennoletnih osuzhdennyh zhenskogo pola, otbyvayushchih nakazanie v vide lisheniya svobody (organizacionnyj, pravovoj i psihologo-pedagogicheskie aspekty)* [Resocialization of female juvenile offenders serving sentences of imprisonment (organizational, legal, psychological and pedagogical aspects)]. Ryazan, 2003. 166 p. (In Russ.).
7. Ushatikov A. I., Kazak B. B. *Osnovy penitenciarnoj psihologii* [The basics of penal psychology]. Ryazan, 20013. 536 p. (In Russ.).
8. Filippov N. L. *Organizaciya svobodnogo vremeni osuzhdennyh kak faktor nravstvennoj pereorientacii lichnosti. Diss. kand. ped. nauk* [Organization of free time of convicts as a factor in the moral reorientation of personality. Diss. PhD. in Pedagogy]. Moscow, 1998. 280 p. (In Russ.).
9. SHesler A. V. *Ustojchivye prestupnye gruppy nesovershennoletnih: ugolovno-pravovye i kriminal'nye voprosy. Diss. kand. yurid. nauk* [Sustainable juvenile crime groups: criminal law and criminal matters. Diss. PhD. in Law]. Tomsk, 1991. 205 p. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2020-10044
УДК 377:378.046.4

Встроенное обучение как элемент непрерывного обучения информационной безопасности

А. В. ВИЛКОВА – заместитель начальника Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

В. М. ЛИТВИШКОВ – старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;

Б. А. ШВЫРЕВ – ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, кандидат физико-математических наук

Реферат

Обучение информационной безопасности сотрудников, не имеющих базовых представлений, является трудоемким процессом. Направленные на обучение сотрудники обычно рассматривают компьютерную безопасность как чью-то проблему, не связанную с ними, абстрагированы от нее и в принципе не понимают своего влияния на компьютерную безопасность организации в целом. Повышение эффективности обучения персонала без отрыва от выполнения должностных обязанностей является актуальной современной задачей. В статье авторы приводят результаты исследования эффективности использования встроенного электронного обучения по программам повышения квалификации, реализующего непрерывное обучение.

Встроенное обучение рассматривается на примере защиты от фишинговых атак. В настоящее время фишинг стал одной из самых распространенных угроз информационной безопасности.

Авторы отмечают, что участники, просмотревшие обучающий ролик, значительно лучше распознавали фишинговые электронные письма, чем те, которые знакомились с инструкцией.

Представленные в работе результаты свидетельствуют о том, что встроенное обучение способствует получению знаний, их сохранению и передаче. Это позволяет эффективно выявлять фишинговые сообщения без неверной идентификации законных сообщений. Участники встроенного обучения научились эффективно обнаруживать электронные письма фишинг-аккаунта.

Для измерения остаточных знаний было проведено сравнение эффективности фишинг-аккаунта и законных электронных писем до обучения, сразу по его окончании и спустя неделю. Полученные результаты показывают, что участники встроенного обучения смогли сохранить полученные знания и использовать их для распознавания фишинговых и легитимных сообщений даже после недельного интервала, в то время как участники в других группах не улучшили свои результаты.

Показано, что метод встроенного обучения является важным фактором, определяющим эффективность антифишинговой подготовки.

Ключевые слова: встроенное обучение; обучение персонала без отрыва от выполнения должностных обязанностей; информационная безопасность; фишинг; антифишинговая подготовка; оценка обучения.

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования

Integrated training as an element of extended learning of information security

A. V. VILKOVA – Deputy Head of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogy, Associate Professor;

V. M. LITVISHKOV – Senior Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogy, Professor;

B. A. SHVYREV – Leading Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Physics and Mathematics

Abstract

Training information security for employees who do not have a basic understanding is a laborious process. Employees who are sent for training usually consider computer security as someone else's problem that is not related to them, abstracted from it and, in principle, do not understand their impact on the computer security of the organization as a whole. Improving the effectiveness of staff training on the job is an urgent modern task. In the article the authors present the results of a study on the effectiveness of using integrated training for advanced training programs that implement extended education. Integrated training is considered on the example of training in protection against phishing attacks. Phishing has now become one of the most common threats for information security.

The authors note that participants who watched the video recognized phishing emails much better than those who familiarized themselves with the instructions.

The results presented in the article indicate that the integrated learning contributes to the acquisition of knowledge, its preservation and transmission, what allows to effectively identify phishing messages without incorrect identification of legitimate messages and the participants in the integrated training have learned to efficiently detect phishing account emails.

To measure the residual knowledge a comparison was made between the effectiveness of a phishing account and legitimate emails before training, immediately after graduation and after a week. The results show that participants in the integrated training were able to save the knowledge and use it in order to recognize phishing and legitimate messages even after a weekly interval, while participants in other groups did not improve their results.

It is shown that the training method is an important factor determining the effectiveness of antiphishing training.

Key words: integrated training; staff training on the job; information security; phishing; anti-phishing training; learning assessment.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education

Процесс обучения сотрудников информационной безопасности при отсутствии у последних базовых представлений о ней затруднителен [1]. Неопытные, не знакомые с основными концепциями компьютерной безопасности и не имеющие мотивации сотрудники тратят время на обучение в пустую, не осваивая в итоге учебный курс и не выполняя должностные обязанности [3]. Направленные на обучение сотрудники обычно рассматривают информационную безопасность как чью-то проблему, не связанную с ними, абстрагированы от нее и не понимают своего влияния на информационную безопасность организации в целом [12]. Чтобы обучение сотрудников информационной безопасности было эффективным, занятия должны быть и понятными, и убедительными, проводиться таким образом, чтобы привлекать внимание людей, мотивировать их к самостоятельному изучению материала и появлению интереса к проблеме.

Фишинговые атаки по-прежнему остаются распространенной и актуальной угрозой информационной безопасности [2] как корпоративных сетей, так и автоматизированных систем управления технологическими процессами и в России, и в зарубежных странах [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11]. При этом типе атак используются приемы социальной инженерии – осуществляется рассылка электронных писем, содержащих ссылку на вредоносный сайт для инфицирования информационной системы или вовлечения жертвы в интерактивный обмен данными для извлечения имени и пароля от личной электронной почты, банковской карты и т. д.

По большей части информационные электронные сообщения, отправляемые сотрудникам или клиентам службами безопасности компании, неэффективны, потому что адресаты редко читают эти сообщения. Организаторы фишинговых атак используют приемы и способы создания сообщений электронной почты, которые заставляют людей открывать их, читать и переходить по указанным ссылкам.

Таким образом, актуальным является процесс обучения сотрудников без первоначальных знаний информационной безопасности и защите от фишинговой атаки, самой распространенной в настоящее время.

Один из способов сделать обучение более привлекательным и актуальным заключается в том, чтобы интегрировать обучение непосредственно в профессиональную деятельность сотрудников. Таким образом, разрабатывается встроенная система обучения, которая учит пользователей избегать фишинговых атак.

Подразделение организации, ответственное за обучение персонала, отправляет электронные письма, имитирующие вредоносные фишинговые. В указанных отправлениях доставляется встроенное обучающее сообщение, когда пользователь попадает в цепь событий фишинговой атаки и нажимает на смоделированный фишинговый URL-адрес. Обучающийся получает предупреждение и разъяснение возможных последствий, после чего знакомится с учебным материалом, представленным в виде лаконичного и привлекательного мультфильма (анимированные персонажи в краткой и доступной форме излагают учебные материалы), в котором представлено определение фишинговой атаки, указан алгоритм, следуя которому можно избежать фишинговых атак. В анимационном фильме также показано, как легко преступникам совершать представленные атаки.

Существуют три варианта обучению антифишингу: 1) электронные ресурсы с мультипликационным фильмом; 2) обучающий тест с элементами инфографики; 3) инструкция о противодействии фишингу.

Для оценки эффективности встроенного обучения в Краснодарском государственном технологическом университете была проведена статистическая серия лабораторных и реальных исследований среди первокурсников непрофильных специальностей. Высказывалась гипотеза об эффективности обучения антифишингу посредством встроенных учебных мультипликационных фильмов, в отличие от двух других способов обучения по электронной почте.

В исследованиях принимали участие 60 чел., не имеющих представления об информационной безопасности. Результаты исследования кратко представлены ниже.

Оценка способа обучения антифишингу

	Мультипликационный ролик	Обучающий тест	Уведомления о состоянии безопасности
Участники, попавшие на фишинг-аккаунт e-mail перед тренировкой	100 %	80 %	90 %
Участники, попавшие на фишинг-аккаунт e-mail после обучения	30 %	70 %	90 %
Среднее время, затраченное на чтение учебных материалов	90 с	78 с	11 с

Получение знаний рассматривалось с учетом того, нажимали ли пользователи ссылки в законных и фишинговых письмах до и после обучения. Из результатов видно, что статистически значимые различия в приобретении знаний между тремя способами обучения заметны при использовании мультипликационного ролика. Несмотря на то, что объем учебной информации, содержащейся в ролике, значительно уступает другим вариантам, ее усвоение по сравнению с другими формами подачи материала будет опережающим. Использование зрительных ассоциативных образов в 90-секундном мультипликационном ролике способствует наиболее эффективному приобретению знаний, даже с учетом наибольшего затраченного в тесте периода времени (чтение учебных материалов об осведомленности в отношении фишинговых атак в виде инструкции, составило 11 с, обучающего теста/инфографики – 78 с, комиксов – 90 с).

При использовании инструкции в качестве источника знаний об информационной безопасности 90 % участников обращались к электронной почте с фишинговым аккаунтом до начала обучения. Ранее по его окончании улучшения ситуации не отмечалось. Участники, которые видели уведомления об информационной безопасности, отметили, что их прочтение заняло слишком много времени и при этом содержание сообщений оставалось до конца не понятным.

Просмотревшие ролик значительно лучше распознавали фишинговые электронные письма, чем те участники, которые знакомились с инструкцией. Информирование в виде обучающего теста и инфографики более результативно, чем при ознакомлении с инструкцией по противодействию фишинговой атаке, но полученная разница не была значительной: до обучения члены группы в 80 % случаев переходили по фишинг-ссылкам в полученных электронных письмах, после обучения – в 70 %, однако это нельзя считать статистически значимым. В случае использования мультипликационного ролика при моделировании фишинговой атаки все участники перешли по ссылке, после просмотра контента и прохождения обучения только 30 % участников при получении повторного фишингового письма в процессе тренинга на личную электронную почту перешли по указанной в нем ссылке. Переход участников исследования по ссылке в тренировочном фишинговом письме позволил четко отследить время освоения обучающего материала и количество переходов при повторной отправке фишингового письма.

Таким образом, существующая практика отправки уведомлений об информационной безопасности по электронной почте неэффективна, поскольку сотрудники не хотят тратить время на ознакомление с ней. При определении приоритетных форм обучения большое значение имеют возрастная группа, национальная культура и менталитет. Востребованность мультипликационных материалов в данном случае имеет ярко выраженную возрастную обусловленность. Отмечается низкая эффективность текстовой информации, чуть выше эффективность материала с элементами инфографики. Стоит отметить важность визуализации подаваемой информации, по крайней мере для обучения молодежи по программам высшего образования. Популярность мультипликационного фильма определяется правильно подобранным составом популярных в молодежной среде персонажей, вызывающих симпатии целевой аудитории. Осознание участниками того, что они подверглись учебной фишинговой атаке, мотивировало их на ознакомление с учебными материалами.

Для оценки качества остаточных знаний и способности транслирования полученных знаний у лиц, прошедших встроенное электронное обучение, проводились исследования, где использовалась модель фишинговой атаки. Были определены четыре группы пользователей: 1) прошедшие встроенное обучение; 2) получившие невстроенное обучение; 3) осведомленные об угрозе; 4) не участвовавшие в образовательном процессе – контрольная группа. Участники группы встроенного обучения получили имитированное фишинговое письмо, посмотрели короткий обучающий антифишингу мультфильм, когда нажали на ссылку, содержащуюся в электронном письме. Участники невстроенного обучения получили тот же обучающий мультфильм на электронную почту, но без поддельной имитации фишинговой ссылки. Третья группа была осведомлена о существовании угрозы фишинговой атаки, для этого ее участникам на электронную почту было отправлено короткое электронное письмо от «друга», который упоминает фишинг, не предоставляя никакой информации о том, как обнаружить угрозу и защититься от нее. Участники контрольной группы также получили электронное письмо от «друга», но не прошли обучение и не были осведомлены.

Исследование проводилось в два этапа с интервалом в семь дней. На первом этапе участники увидели 36 электронных писем в папке «Входящие»: 12 электронных писем с

обучающим материалом и 24 дополнительных электронных письма. На втором этапе участники получили еще 15 писем.

Представленные в работе результаты свидетельствуют о том, что встроенное обучение способствует получению знаний, их сохранению и передаче. Это позволяет эффективно выявлять фишинговые сообщения без неверной идентификации законных сообщений, научиться участникам эффективно обнаруживать электронные письма фишинг-аккаунта. Хотя они не не продемонстрировали значительных различий в умении правильной идентификации электронных писем фишинг-аккаунта до начала тренинга, однако работали гораздо лучше по сравнению с участниками других групп сразу после обучения. Это может быть отчасти связано с тем, что участники встроенного обучения были мотивированы тратить в два раза больше времени на просмотр и чтение мультфильма, чем те, кто находился на невстроенном обучении. Участники встроенного обучения тратили в среднем 77 с на просмотр мультфильма, а участники невстроенного обучения – порядка 27 с.

Чтобы измерить остаточные знания, было проведено сравнение эффективности фишинг-аккаунта и законных электронных писем до обучения, сразу по его окончании и через неделю. В результате участники встроенного обучения смогли сохранить полученные знания и использовать их для распознавания фишинговых и легитимных сообщений даже после недельного интервала, значительно улучшили свои результаты по отношению к электронным, в то время как участники в других группах не улучшили свои результаты.

Полученные сведения подтверждают и расширяют результаты исследования, в котором говорилось, что встроенное обучение может быть эффективным методом обучения пользователей различать легитимные и фишинговые сообщения электронной почты. Тот факт, что отсутствует значительное снижение производительности после одной недели, говорит о том, что пользователи, вероятно, будут продолжать обучение в течение более длительных периодов времени. Группа, осведомленная о фишинговой угрозе, существенно не отличалась от контрольной группы. Таким образом, рассказывать пользователям о фишинге, не предоставляя им информацию о способах и методах определения фишинговых или других зловредных действий и защиты от них, не имеет смысла.

Низкие результаты, продемонстрированные группой невстроенного обучения, которые незначительно отличалась от контрольной, свидетельствуют о том, что метод обучения является важным фактором, определяющим эффективность антифишинговой подготовки.

Чтобы оценить встроенный подход к обучению на практике, было проведено экспериментальное исследование по измерению остаточных знаний через месяц после окончания обучения, участниками которого стали 153 слушателя курсов повышения квалификации по направлениям, отличным от информационной безопасности, трудоспособного возраста, представителей различных организаций и предприятий, не обладающие знаниями о фишинговой атаке как угрозе информационной безопасности. Организаторами были специально разработаны фишинговые электронные письма-стимуляторы, не несущие угрозу.

Участники эксперимента были случайным образом распределены по трем группам: контроля, одиночной тренировки и многократной тренировки. Всем участникам, независимо от условий, в течение месяца была отправлена серия из трех законных и семи смоделированных электронных писем с фишингом, в теле каждого из которых находился смоделированный фишинговый URL-адрес, симулированного фишингового веб-сайта, запрашивающего личные учетные данные, необходимые для входа на вебсайты. Участники в условиях однократного и многократного обучения, щелкнувшие по URL-адресу, в первый день увидели обучающий мультфильм вместо симулированного фишингового веб-сайта. Участники в режиме многократного обучения, щелкнувшие по URL-адресу через две недели, также увидели учебный мультфильм (второй мультфильм по содержанию был идентичен первому, но отличался другими персонажами и измененной сюжетной линией). Контрольная группа не получала антифишинговой подготовки в рамках исследования.

Разработанные семь текстовых электронных писем с фишингом тематически были связаны с изменением пароля, ограничением пропускной способности, недоставленным электронным письмом, регистрацией событий, призов и наград, скидок на товары и услуги, то есть всем, что содержится в электронных письмах, которые участники обычно получают в повседневной жизни. Все фишинговые сообщения отображали фишинговые URL-адреса в теле сообщений.

При этом в эксперименте не копировали обычную фишинговую тактику использования HTML для сокрытия фишинговых URL-адресов от пользователей.

С целью гарантировать, что совокупные коэффициенты ответов в день не будут смешаны с потенциальной разницей в естественных коэффициентах ответов для отдельных электронных писем или с взаимозависимостью уровней ответов между электронными письмами, использовались мероприятия противодействия.

Результаты показывают, что сотрудники в группах однократного и многократного обучения, попавшие на первое фишинговое сообщение, показали значительно лучшие результаты, когда получили второе фишинговое сообщение, чем те, кто находился в контрольной группе. Кроме того, не будем скрывать значительной утраты остаточных знаний через месяц. Также отметим, что существенных различий между частотой переходов по фишинговым ссылкам участников всех трех групп в первый день и количеством переходов по фишинговым ссылкам участников контрольной группы по дням исследования не было обнаружено. То обстоятельство, что пользователи, которые дважды видели обучающие курсы, с меньшей вероятностью дадут информацию поддельным фишинговым веб-сайтам, чем те, кто видел обучающий мультфильм только один раз, доказывает педагогическую основу обучения в целом.

Обучение пользователей распознаванию фишинговых писем с применением встроенных обучающих мультфильмов не повышает вероятности идентификации законных электронных писем как фишинговых. Также не обнаружены существенные различия между тремя группами в скорости ответов на законные электронные письма в первый и последний дни.

Встроенная система обучения способствует эффективному усвоению знаний пользователей на практике. Сотрудники, прошедшие ее, сохраняли полученные знания не менее месяца. Прошедшие обучение дважды значительно реже предоставляли информацию имитированным фишинговым веб-страницам по его окончании. Стоит отметить, что не выявлено влияние обучения на увеличение вероятности ложноположительных ошибок. Получен неожиданный результат: обнаружена небольшая разница в восприимчивости к фишинговым атакам по признаку пола, однако возраст является фактором предрасположенности к фишингу, поскольку участники 18–25 лет чаще попадают в фишинг, чем люди более старшего возраста.

Исследование продемонстрировало эффективность встроенного подхода к обучению с использованием обучающих моментов в сочетании с наглядными и действенными учебными материалами. Участники, которые подверглись фишинговой атаке через электронное письмо (перешли по ссылке и получили встроенное обучение), имели на 50 % меньше шансов быть ей подвергнутыми повторно, чем те, кто не прошел обучение после получения первого фишингового электронного письма.

Несмотря на то что существует множество образовательных веб-сайтов по борьбе с фишингом, большинство пользователей вряд ли посещают их добровольно. Кроме того, исследование показало, что, хотя некоторые из этих веб-сайтов способствует формированию у пользователей «подозрения» в отношении всей электронной почты, они не раскрывают методы, помогающие отличить законные электронные письма от фишинговых. Благодаря же встроенному обучающему подходу происходит усиление бдительности пользователей при сохранении желания взаимодействовать с законными сообщениями электронной почты.

Таким образом, встроенный подход к обучению позволяет осуществлять удобное и быстрое непрерывное обучение информационной безопасности, при котором каждое смоделированное фишинговое электронное письмо является обучающим элементом, а также служит для проверки того, научился ли получатель отличать легитимные сообщения от фишинговых. Предложенная система не только обучает пользователей примерно за 2 мин, но и регулярно оценивает их эффективность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вилкова, А. В.** Проблемы непрерывного обучения персонала информационной безопасности / А. В. Вилкова, В. М. Литвишков, Б. А. Швырев // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 4 (77). – С. 29–31.
2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. – URL: https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html (дата обращения: 15.01. 2020).
3. **Швырев, Б. А.** Образовательные потребности в информационной безопасности / Б. А. Швырев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 5-1. – С. 31–33.

4. **Швырев, Б. А.** Основные понятия национальной кибербезопасности государств, входящих в Северо-Атлантический альянс : монография / Б. А. Швырев. – Краснодар : Новация ; Москва : НИИ ФСИН России, 2018. – 114 с. – ISBN 978-5-907-133-28-0.
5. Criteria for Measurement for CAE in Cyber Operations Advanced. – URL: https://www.nsa.gov/resources/students-educators/centers-academic-excellence/cae-co-advanced/ (дата обращения: 15.01.2020).
6. Cyber Skills. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/808985/Sector_Specific_Guidance__Cyber_Skills.pdf (дата обращения: 15.01.2020).
7. Learn about NSA's university-level research partnerships. – URL: https://www.nsa.gov/resources/students-educators/research-partnership/ (дата обращения: 15.01.2020).
8. NSA Partners with Schools. – URL: https://www.nsa.gov/resources/students-educators/ (дата обращения: 15.01.2020).
9. **Pedley, D.** Understanding the UK cyber security skills labour market / D. Pedley, D. McHenry, H. Motha, J. Shah. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/767422/Understanding_the_UK_cyber_security_skills_labour_market.pdf (дата обращения: 15.01.2020).
10. Policy paper «Initial National Cyber Security Skills Strategy: increasing the UK's cyber security capability – a call for views, Executive Summary. – URL: https://www.gov.uk/government/publications/cyber-security-skills-strategy/initial-national-cyber-security-skills-strategy-increasing-the-uks-cyber-security-capability-a-call-for-views-executive-summary (дата обращения: 15.01.2020).
11. **Craig, R.** The history of training, in The ASTD Training and Development Handbook. – 4th edition. – New York : McGraw-Hill, 1996. – 1071 p. – ISBN-13:978-0070133594.
12. **Skudalova, O. V.** Personal factor of a social entrepreneur in the context of the inclusive economy development / O. V. Skudalova et al. // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. – 2019. – Vol. 8, no. 8. – Pp. 2996–3002.

REFERENCES

1. Vilkova A. V., Litvishkov V. M., SHvyrev B. A. Problemy nepreryvnogo obucheniya personala informacionnoj bezopasnosti [Problems of continuous training of information security personnel]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – World of science, culture, education*, 2019, no. 4 (77), pp. 29–31. (In Russ.).
2. *Doktrina informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii* [Information Security Doctrine of the Russian Federation]. Available at: https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html (accessed 15.01.2020). (In Russ.).
3. SHvyrev B. A. Obrazovatel'nye potrebnosti v informacionnoj bezopasnosti [Educational Information Security Needs]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk – International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2019, no. 5-1, pp. 31–33. (In Russ.).
4. SHvyrev B. A. *Osnovnye ponyatiya nacional'noj kiberbezopasnosti gosudarstv, vhodyashchih v Severo-Atlanticheskij al'yans* [Basic concepts of national cybersecurity of the states belonging to the North Atlantic Alliance]. Krasnodar, Moscow, 2018. 114 p. (In Russ.).
5. *Criteria for Measurement for CAE in Cyber Operations Advanced*. Available at: https://www.nsa.gov/resources/students-educators/centers-academic-excellence/cae-co-advanced/ (accessed 15.01.2020). (In Eng.).
6. *Cyber Skills*. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/808985/Sector_Specific_Guidance__Cyber_Skills.pdf (accessed 15.01.2020). (In Eng.).
7. *Learn about NSA's university-level research partnerships.* Available at: https://www.nsa.gov/resources/students-educators/research-partnership/ (accessed 15.01.2020). (In Eng.).
8. *NSA Partners with Schools.* Available at: https://www.nsa.gov/resources/students-educators/centers-academic-excellence/cae-co-advanced/ (accessed 15.01.2020). (In Eng.).
9. Pedley D., McHenry D., Motha H., Shah J. *Understanding the UK cyber security skills labour market*. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/767422/Understanding_the_UK_cyber_security_skills_labour_market.pdf (accessed 15.01.2020). (In Eng.).
10. *Policy paper «Initial National Cyber Security Skills Strategy: increasing the UK's cyber security capability – a call for views, Executive Summary.* Available at: https://www.gov.uk/government/publications/cyber-security-skills-strategy/initial-national-cyber-security-skills-strategy-increasing-the-uks-cyber-security-capability-a-call-for-views-executive-summary (accessed 15.01.2020). (In Eng.).
11. Craig, R. *The history of training, in The ASTD Training and Development Handbook*. New York, 1996. 1071 p. (In Eng.).
12. Skudalova O. V., Malanina Y. N., Tsibizova T. Y., Vilkova A. V., Litvishkov V. M., Shvyrev B. A., Poliakova I. V. Personal factor of a social entrepreneur in the context of the inclusive economy development. *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*, 2019, vol. 8, no. 8, pp. 2996–3002. (In Eng.).

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ ОТЗЫВЫ

Отзыв ведущей организации на диссертацию Э. В. Рыжова на тему «Уголовная ответственность за доведение до самоубийства», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» (научный руководитель – доктор юридических наук профессор Ю. В. Голик)

Л. Л. КРУГЛИКОВ – профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

А. Л. САНТАШОВ – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент

В настоящее время по многим вопросам преступлений против жизни и здоровья, в том числе и вопросу привлечения к уголовной ответственности за доведение до самоубийства, нет однозначного понимания. Дискуссия о квалификации рассматриваемых преступлений среди отечественных ученых продолжается по сей день. Трудности при квалификации преступлений против жизни и здоровья испытывают практические работники правоохранительных органов. Непоследовательная позиция по вопросу применения некоторых составов преступлений против жизни и здоровья прослеживается в решениях судов вышестоящих инстанций по конкретным уголовным делам.

По количеству самоубийств (суицида) Россия находится на одном из первых мест в мире. Причины тому, в первую очередь, социально-экономического характера, однако определенную долю самоубийств составляют те, которые происходят из-за негативного влияния на жертв третьих лиц.

Несмотря на небольшое количество преступлений, регистрируемых по ст. 110 УК РФ, в общей массе преступлений против личности, этот состав востребован современной уголовно-правовой системой и его применение на практике не является чем-то исключительным.

Наконец, в результате внесенных законодателем в 2017 г. изменений ст. 110 УК РФ была дополнена частью второй, предусматривающей 12 новых составов этого преступления. В этой связи назрела необходимость проведения глубокого, всестороннего научного анализа вопросов установления и дифференциации уголовной ответственности за доведение до самоубийства, а также квалификации различных его видов.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней обоснован ряд теоретических положений, развивающих представление о формах вины и способах совершения преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ. Диссертационная работа Э. В. Рыжова служит более чем своевременным и достойным ответом на законодательный вызов и потребность правоприменительных органов в рекомендациях по повышению эффективности действующих и поиске новых уголовно-правовых средств противодействия доведению до самоубийства. Следует отметить, что представленная работа является одним из первых самостоятельных, цельных и законченных научных исследований монографического характера, посвященных данной проблематике, в котором с теоретических и практических позиций осмыслены квалифицированные составы доведения до самоубийства.

Теоретико-практическая значимость проведенного диссертационного исследования заключается в том, что автором выявлены закономерности развития уголовно-правовых норм об ответственности за доведение до самоубийства, определены особенности построения и функционирования этой уголовно-правовой нормы на современном этапе. Сделанные в работе выводы и сформулированные предложения могут быть использованы в научных исследованиях и правотворческой деятельности, а данные правоприменителю рекомендации востребованы при обобщении судебной практики и расследовании уголовных дел о преступлениях этой категории.

Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в связи с совершением доведения до самоубийства.

Предмет научного анализа составили нормы отечественного и зарубежного уголовного законодательства, отечественный и зарубежный исторический правовой опыт, научные подходы, статистические данные, следственная и судебная практика по исследуемой проблеме.

В качестве основной цели работы соискатель поставил разработку теоретико-практических положений, раскрывающих сущностные при-

знаки основного и квалифицированных составов доведения до самоубийства, определяющих формы и методы совершенствования соответствующей уголовно-правовой нормы, а также устанавливающих критерии отграничения доведения до самоубийства от склонения к совершению самоубийства и содействия совершению самоубийства.

Выносимые на защиту положения, составляющие в совокупности концептуальную основу исследования, характеризуются глубиной и тщательностью проработки, сопровождены убедительной аргументацией и свидетельствуют о высокой теоретической и практической значимости выполненной диссертации, научной новизне полученных результатов. В целях повышения уровня уголовно-правовой защиты от преступных посягательств, устранения дефектов правотворчества и обеспечения соблюдения принципа справедливости соискателем предлагается авторская концепция развития норм уголовного законодательства об ответственности за доведение до самоубийства (с. 9–11), а также предложен авторский проект федерального закона «О внесении изменений в статью 110 Уголовного кодекса Российской Федерации» (с. 215–216).

В ходе проведенного диссертационного исследования решены, в частности, следующие поставленные соискателем задачи: дано определение понятия «доведение до самоубийства»; прослежена эволюция представлений об ответственности за самоубийство и доведение до самоубийства; изучен зарубежный опыт уголовно-правовой регламентации доведения до самоубийства; исследованы проблемные вопросы конструирования объективных и субъективных признаков основного состава доведения до самоубийства; раскрыто содержание квалифицирующих признаков анализируемого состава преступления; проведен сравнительный анализ уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за доведение до самоубийства и смежные с ним составы преступлений; разработаны рекомендации по совершенствованию законодательства, следственной и судебной практики по уголовным делам о доведении до самоубийства.

Методология работы свидетельствует о том, что диссертант не просто в общей форме сослался на научные принципы исследования, но и реально овладел общенаучным диалектическим и специальными методами научного познания. Соискателем выявлены противоречия и недостатки различных законопроектных разработок и действующего уголовного законодательства, осуществлен переход от системного к сравнительно-правовому анализу. При этом автор не навязывает свои убеждения и выводы, а обосновывает основные предложения и рекомендации, сделанные в ходе проведенного исследования, подкрепляя их аргументами фактического, логического и законодательного характера.

Наряду с диалектико-материалистическим методом, учитывающим как статику, так и динамику изучаемых явлений, при подготовке диссертации использовались также логико-правовой, сравнительно-правовой, социолого-правовой, историко-правовой, системно-структурный, статистический и другие научные методы познания, применяемые в российской уголовно-правовой и криминологической науке и отечественном правоведении в целом.

При разработке понятийного аппарата Э. В. Рыжовым использовались методы индукции, анализа и синтеза. Данные о количестве самоубийств и сведения о расследованных уголовных делах изучены с использованием метода статистического анализа. С помощью историко-правового метода удалось проследить эволюцию правовых норм, устанавливающих ответственность за деяния, инспирирующие самоубийство, а с помощью сравнительно-правового метода обнаружены сходства и различия в соответствующих уголовно-правовых нормах. Методы правового моделирования и аналогии позволили исследовать квалифицирующие признаки доведения до самоубийства посредством использования знаний о тех же квалифицирующих признаках других преступлений против личности.

Диссертационное исследование базируется на изучении широкого круга законодательных и иных нормативных материалов, литературных и других источников, причем не только по уголовному, уголовно-исполнительному праву и криминологии, но и по уголовному процессу, философии, социологии, психологии, педагогике и др.

В диссертации использовались открытые статистические данные Федеральной службы государственной статистики, ведомственные статистические данные Следственного комитета Российской Федерации, обзоры судебной практики, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, судебная практика по уголовным делам рассматриваемой категории (изучено 72 судебных акта за 2011–2018 гг.), информационные публикации по материалам уголовных дел, размещенные на официальном сайте Следственного комитета Российской Федерации в сети Интернет. При проведении диссертационного исследования Э. В. Рыжовым привлекался собственный опыт работы в следственных органах. Все это обеспечило необходимую достоверность сформулированных автором теоретических и практических выводов, предложений, рекомендаций.

Апробация результатов исследования подтверждается тем, что выводы и рекомендации, сделанные в работе, докладывались автором на научной конференции молодых ученых «Служа закону – служим Отечеству» (Москва, 30 мая 2017 г.) и межвузовской молодежной научно-практической конференции «Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития» (Москва, 8 декабря 2017 г.). Результаты диссертационного исследования апробировались автором в ходе практических занятий со студентами и магистрантами Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Теоретические и практические рекомендации, высказанные автором в диссертационном исследовании, нашли свое отражение в шести публикациях автора, три из которых – статьи в журналах, включенных в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

В автореферате сформулированы основные идеи и выводы диссертации, показан вклад автора в разработку избранной темы, обозначены степень новизны и практическая значимость результатов исследования. Содержание автореферата полностью соответствует положениям, отраженным в диссертации.

Можно констатировать, что диссертация Э. В. Рыжова является серьезным комплексным монографическим исследованием уголовно-правовых проблем применения ст. 110 УК РФ, на основе которого обоснован ряд теоретических предложений, развивающих представление о формах вины и способах совершения данного преступления. В работе учтен как отечественный, так и зарубежный законодательный и практический опыт в рассматриваемой сфере.

Диссертантом сформулирована довольно стройная система положений, образующих в совокупности концепцию развития норм уголовного законодательства, регламентирующих ответственность за доведение до самоубийства. Представляется, что полученные диссертантом результаты способны положительно повлиять на законотворческий и правоприменительный процессы, организацию деятельности правоохранительных органов, а также учебный процесс в высшей школе и системе профессиональной подготовки и переподготовки работников судебных и следственных органов.

В целом диссертация представляет собой логически стройную и обоснованную систему взаимосвязанных предложений по совершенствованию законодательных и правоприменительных мер, направленных на снижение количества суицидов в России. Работа легко читается, изложена грамотным, ясным и понятным языком.

Структура диссертационного исследования включает в себя кроме традиционных введения, заключения и библиографии три главы, состоящие из восьми параграфов, и приложения.

Во введении обосновывается актуальность избранной темы, определяется методология проведения исследования, формулируются его цели и задачи, обозначается теоретическое и практическое значение, представлены положения, выносимые на защиту.

Первая глава диссертации посвящена рассмотрению философского, исторического и сравнительно-правового аспектов ответственности за доведение до самоубийства.

По мнению диссертанта, проблема существования уголовной ответственности за доведение до самоубийства сводится к трактовке понятия «право на жизнь» и признанию либо непризнанию наличия у человека права на смерть. По этому поводу возможны две точки зрения: право на смерть является частью права на жизнь, и самоубийство представляет собой реализацию этого права: право на жизнь ни при каких обстоятельствах не может включать в себя право на смерть. Согласно господствующему в отечественной науке и российском обществе мнению самоубийство – явление, противное социальной природе человека (с. 13–17 и др.).

В рамках исследования исторического аспекта проблемы диссертантом предложено в эволюции нормативных представлений о самоубийстве и доведении до самоубийства в России выделять пять исторических этапов: донормативный (до XII в.), канонический (XII–XVIII вв.), карательный (1715–1845 гг.), мотивационно-канонический (1845–1917 гг.), мотивационный (с 1917 г. по настоящее время) (с. 27–46).

Проведенный Э. В. Рыжовым сравнительно-правовой анализ уголовных кодексов 42 государств позволил ему судить о том, что российские уголовно-правовые нормы, запрещающие деяния, инспирирующие суицид, в большей степени сходны с подобными нормами африканских и азиатских стран, устанавливающими весьма строгие виды и размеры уголовных наказаний (с. 47–64).

В законодательствах абсолютного большинства изученных стран уголовно наказуемым является преступное воздействие на конкретное лицо, в то время как ст. 110² Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает уголовную ответственность за преступное воздействие в отношении неопределенного круга лиц – организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства.

Во второй главе рассматриваются проблемы уголовно-правовой характеристики доведения до самоубийства и осуществляется его сравнение со смежными составами преступлений.

По мнению диссертанта, способы доведения до самоубийства должны оцениваться не с точки зрения их количества, а с точки зрения способности в тех обстоятельствах, в которых находится потерпевший, сформировать в нем решимость совершить самоубийство. Необходимо учитывать, что в зависимости от жестокости и характера деяния даже однократное преступное воздействие на потерпевшего (например, серьезное публичное оскорбление, размещение в общем доступе сведений о частной жизни лица, разглашение данных о наличии у него социально значимого заболевания и т. п.) может указывать на доведение до самоубийства (с. 65–89).

При исследовании объективной стороны данного преступления большую роль играет определение причинной связи. Прямой причинной связи между деянием виновного и самоубийством потерпевшего (покушением на самоубийство) быть не может. Преступные последствия в данном случае всегда обусловлены привходящими обстоятельствами, которыми являются осознанные действия потерпевшего (привходящая причинность).

Следует отметить, что одним из свидетельств оригинальности рецензируемого диссертационного исследования является творческий подход автора к изучаемому нормативному материалу, который воспринимается им как более чем данность, доступная лишь для комментирования.

Критическое осмысление правовой регламентации уголовной ответственности за доведение до самоубийства и имеющихся точек зрения по поводу конструирования субъективной стороны данного состава преступления позволяют автору прийти к выводу, что вина в доведении до самоубийства может выражаться как в форме умысла (прямого и косвенного), так и в форме неосторожности (легкомыслия и небрежности).

Вполне обоснованным, на наш взгляд, является заключение автора о том, что в 2017 г. УК РФ был дополнен ст. 110¹, устанавливающей уголовную ответственность за склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства. В связи с этим возникла потребность в разграничении составов преступлений, предусмотренных ст. 110 и 110¹ УК РФ, тем более что данный вопрос ввиду своей новизны в науке уголовного права детально еще не исследован.

В третьей главе диссертации автор излагает уголовно-правовую характеристику квалифицированных составов доведения до самоубийства.

Заслуживающей внимания представляется точка зрения диссертанта о том, что анализ квалифицирующих признаков доведения до самоубийства, указанных в ч. 2 ст. 110 УК РФ, свидетельствует о необходимости их критического осмысления в современных условиях с учетом данных правоприменительной практики, что успешно продемонстрировано автором (с. 120–160).

Анализ квалифицирующих признаков «в отношении несовершеннолетнего» и «лицо, заведомо для виновного находящееся в беспомощном состоянии» ввиду значительного объема представлен диссертантом в параграфе втором данной главы (с. 161–180).

В завершение анализа квалифицированных составов преступления автор вполне резонно обращает внимание на очевидное несоответствие между наказанием и последствиями, наступившими в результате совершения преступления, в тех случаях, когда самоубийство не было совершено, а имело место покушение на самоубийство.

Работу завершает заключение, где в концентрированном виде подводятся итоги диссертационного исследования, делаются выводы, лежащие в основе наиболее важных положений, выносимых на защиту.

Большинство из сформулированных в диссертации научных положений и выводов, как правило, убедительно аргументированы. При их обосновании соискатель весьма удачно использует как собственные научные результаты, так и результаты, полученные другими исследователями, анализировавшими те или иные аспекты разрабатываемой проблемы, ссылается на действующие российские и зарубежные правовые документы. Это дает основание считать выводы, сделанные автором, достоверными и заслуживающими доверия. Сказанное выше характеризует научно-квалификационную работу Э. В. Рыжова с положительной стороны.

Вместе с тем отдельные положения рецензируемого диссертационного исследования вызывают замечания.

Во-первых, в параграфе первом главы второй автору следовало бы более четко выразить свою позицию по вопросу об объекте доведения до самоубийства (жизнь, личность, отношения по поводу жизни). Например, это могло выглядеть так: объект преступления – общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни человека от неправомерного

воздействия других лиц, потерпевший – человек, любое физическое лицо, предмет – жизнь как способ биологического существования человека в телесной оболочке при психической деятельности.

Во-вторых, в параграфе втором главы второй, рассматривая формы вины в доведении до самоубийства, автор утверждает, что данное преступление может быть совершено с любой формой вины, в том числе и по небрежности. Установление формы вины в доведении до самоубийства должно осуществляться путем толкования уголовного закона с учетом особенностей объективной стороны преступления. Диссертанту следовало бы конкретизировать свою позицию по данному вопросу при публичной защите.

В-третьих, в трактовке Э. В. Рыжова понятие зависимости носит весьма неопределенный характер (с. 183–184), что вряд ли оправдано с точки зрения применения правил законодательной техники при конструировании норм УК РФ. При таком авторском подходе получается, что любое доведение до самоубийства совершается в отношении потерпевшего, находящегося от виновного в зависимости.

Кроме того, вряд ли с позиций законодательной техники можно признак систематичности толковать как оценочный, ведь он является одним из криминообразующих. В противном случае будет иметь место расширение усмотрения правоприменителя и различная уголовно-правовая оценка идентичных деяний.

В-четвертых, диссертация выглядела бы более завершенной, если бы автор в конце каждого параграфа делал краткие выводы по его содержанию.

Изложенные выше замечания не являются существенными и носят преимущественно полемический характер. Многие из них касаются частных вопросов и не ставят под сомнение значительный вклад Э. В. Рыжова в разработку одной из острейших проблем современного этапа развития нашего общества и не затрагивают общей положительной оценки его диссертационной работы.

Высокий теоретический уровень исследования, его актуальность, новизна и практическая значимость, обусловленная наличием целого комплекса обоснованных предложений по совершенствованию законодательства и практических рекомендаций по его применению, позволяют сделать вывод, что диссертация на тему «Уголовная ответственность за доведение до самоубийства» является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований представлено решение задачи, имеющей существенное значение для науки уголовного права.

Таким образом, выполненная работа полностью соответствует требованиям, предъявляемым к диссертационным исследованиям разд. II Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, а ее автор – Эдуард Валерьевич Рыжов – заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право».

ИНФОРМАЦИЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ

Расширен список специальностей, по которым журнал «Пенитенциарная наука» включен в перечень научных изданий, публикующих основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней

С 04.02.2020 решением Министерства науки и высшего образования Российской Федерации расширен перечень научных специальностей и соответствующих им отраслей науки, по которым научно-практический журнал «Пенитенциарная наука» (до августа 2019 г. – «Вестник института: преступление, наказание, исправление») федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук.

Шифр 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки) добавлен к уже имеющимся научным специальностям: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки); 12.00.08 – Уголовное

право и криминология; уголовно-исполнительное право (юридические науки); 12.00.09 – Уголовный процесс (юридические науки); 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность (юридические науки); 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность (юридические науки); 12.00.14 – Административное право; административный процесс (юридические науки); 19.00.06 – Юридическая психология (психологические науки).

Повышение статуса публикуемых в журнале материалов по данной специальности в очередной раз подтвердило актуальность и новизну тем, обсуждаемых в разделе «Педагогические науки». Это стало возможным благодаря профессионализму и ответственному подходу к отбору публикуемых материалов членов редакционного совета и редакционной коллегии журнала, в том числе доктора педагогических наук, профессора Э. В. Зауторовой, доктора педагогических наук, доцента Л. В. Ковтуненко и доктора педагогических наук, доцента О. Б. Пановой.

Достижения журнала – это одновременно большая ответственность и стимул к новым свершениям, что невозможно без размещения на страницах издания интересных, проблемных, новаторских материалов лучших представителей пенитенциарной науки.

Приглашаем авторов к публикации статей в журнале «Пенитенциарная наука».

Наши контакты: интернет-страница издания http://jurnauka-vipe.ru, e-mail: vestnik-vipefsin@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонов А. Г., профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент. E-mail: antonovanton1@mail.ru

Бабаян С. Л., профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, доцент. E-mail: bsl09@mail.ru

Букалерова Л. А., профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор. E-mail: l_a_buka@mail.ru

Быков А. В., начальник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор. E-mail: samnauka@mail.ru

Вилкова А. В., заместитель начальника Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент. E-mail: mavlad67@mail.ru

Воробьев С. М., профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент. E-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru

Гарибян К. К., магистрант Российского государственного гуманитарного университета, инспектор информационно-аналитической группы уголовно-исполнительной инспекции УФСИН России по г. Москве. E-mail: kamo.garibyan@bk.ru

Дербина О. В., доцент кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: kozlovaola@mail.ru

Дечкин О. М., преподаватель кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета ВИПЭ ФСИН России. E-mail: olegD4105@mail.ru

Зайнутдинов Д. Р., доцент кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова, руководитель юридического отдела Института социальных и гуманитарных знаний, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: knight_1988@mail.ru

Зауторова Э. В., профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования. E-mail: elvira-song@mail.ru

Калачева А. В., начальник отдела организации дознания Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Вологодской области. E-mail: kalacheva76@mail.ru

Кевля Ф. И., старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор. E-mail: fkevlya@mail.ru

Ковалев С. В., заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по кадрам. E-mail: ono-vipe@mail.ru

Кузьмин С. И., профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор. E-mail: kuipovro.vipe@mail.ru

Лапшин В. Е., профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности Владимирского

юридического института ФСИН России, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: ve_lapshin@mail.ru

Легкий А. О., адъюнкт научно-педагогического факультета учреждения образования Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: tati2034@yandex.ru

Литвишков В. М., старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор. E-mail: mavlad67@mail.ru

Малышев К. Б., профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук. E-mail: konbormal@mail.ru

Малышева О. А., доцент кафедры общей психологии психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук. E-mail: konbormal@mail.ru

Поникаров В. А., профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент. E-mail: Minrs@yandex.ru

Румянцев Н. В., главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры административного права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент. E-mail: rumyantsevn.v@yandex.ru

Санташов А. Л., профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент. E-mail: santashov@list.ru

Селиверстов В. И., профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. E-mail: vis_home@list.ru

Сизов Д. О., курсант 3 курса юридического факультета ВИПЭ ФСИН России. E-mail: dima_sizov_99@mail.ru

Силкин В. П., доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: silkin.viacheslaw@yandex.ru

Скрипкина Т. П., заведующий кафедрой социальной психологии Института психологии им. Л. С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета, доктор психологических наук, профессор. E-mail: skripkinaurao@mail.ru

Смирнов А. М., главный научный сотрудник НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: samnauka@mail.ru

Соболев Н. Г., начальник кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук. E-mail: sobolev-nikolay@ mail.ru

Сухондяева Т. Ю., доцент кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: vgpu-net@mail.ru

Терещенко Т. Г., заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права уголовно-исполнительного факультета Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: tati2034@yandex.ru

Уторова Т. Н., старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: tatianautorova@yandex.ru

Чирков А. М., профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор медицинских наук, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. E-mail: ono-vipe@mail.ru

Шаркова Е. А., доцент кафедры юридических дисциплин Военной академии Республики Беларусь, кандидат юридических наук. E-mail: sharkovaelena@gmail.com

Шаханов В. В., доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент кафедры публично-правовых дисциплин факультета права и управления Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: Shakhanov.vyacheslav@mail.ru

Швырев Б. А., ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, кандидат физико-математических наук. E-mail: bor2275@yandex.ru

Якушина Е. С., заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского Университета МВД России им. В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук. E-mail: evgeniya.rybina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Antonov A. G., Professor of the Department of Criminal Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor. E-mail: antonovanton1@mail.ru

Babayan S. L., Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Senior Researcher of the Research Institute of the Federal Pe-

nal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor. E-mail: bsl09@mail.ru

Bykov A. V., Head of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor. E-mail: samnauka@mail.ru

Bukalerova L. A., Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor. E-mail: l_a_buka@mail.ru

Chirkov A. M., Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Medicine, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety. E-mail: ono-vipe@mail.ru

Dechkin O. M., Lecturer of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Investigation of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: olegD4105@mail.ru

Derbina O. V., Associate Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: kozlovaola@mail.ru

Garibyan K. K., Undergraduate student of the Russian State University for the Humanities, Inspector of the Information-analytical Group of the Penal Inspection of the Federal Penal Service of Russia Moscow. E-mail: kamo.garibyan@bk.ru

Kalacheva A. V., Head of the Inquiry Department of the Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Vologda Region. E-mail: kalacheva76@mail.ru

Kevlya F. I., Senior Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogy, Professor. E-mail: fkevlya@mail.ru

Kovalev S. V., Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia for Personnel. E-mail: ono-vipe@mail.ru

Kuzmin S. I., Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor. E-mail: kuipovro.vipe@mail.ru

Lapshin V. E., Professor of the Department of Personality. Psychology and Special Pedagogy of the Vladimir State A. G. and N. G. Stoletov University, Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Professional Activities of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogy, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: ve_lapshin@mail.ru

Legky A. O., Adjunct in the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: tati2034@yandex.ru

Litvishkov V. M., Senior Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogy, Professor. E-mail: mavlad67@mail.ru

Malyshev K. B., Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Psychology. E-mail: konbormal@mail.ru

Malysheva O. A., Associate Professor of the Department of General Psychology of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics. E-mail: konbormal@mail.ru

Ponikarov V. A., Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor. E-mail: Minrs@yandex.ru

Rumyantsev N. V., Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Dsc. in Law, Associate Professor. E-mail: rumyantsevn.v@yandex.ru

Santashov A. L., Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor. E-mail: santashov@list.ru

Seliverstov V. I., Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Moscow State M.V. Lomonosov University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation. E-mail: vis_home@list.ru

Shakhanov V. V., Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines of the Law and Management Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D. in Law. E-mail: Shakhanov.vyacheslav@mail.ru

Sharkova E. A., Associate Professor of the Department of Legal Disciplines of the Military Academy of the Republic of Belarus, PhD. in Law. E-mail: sharkovaelena@gmail.com

Shvyrev B. A., Leading Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Physics and Mathematics. E-mail: bor2275@yandex.ru

Silkin V. P., Associate Professor of the Law Department of the Institute of Managenent, Economics and Law of the Vologda State University, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: silkin.viacheslaw@yandex.ru

Sizov D. O., 3rd year cadet of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: dima_sizov_99@mail.ru

Skripkina T. P., Head of the Department of Social Psychology at the Institute of Psychology named after L. S. Vygotsky of the Russian State University for the Humanities, Dsc. in Psychology, Professor. E-mail: skripkinaurao@mail.ru

Smirnov A. M., Chief Researcher of the Research Center-2 of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: samnauka@mail.ru

Sobolev N. G., Chief of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the

Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology. E-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

Sukhondyaeva T. Yu., Associate Professor of the Civil Law Department of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: vgpunet@mail.ru

Tereshchenko T. G., Deputy Head of the Department of Penal Law of the Penal Department of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: tati2034@yandex.ru

Utorova T. N., Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D. in Law. E-mail: tatianautorova@yandex.ru

Vilkova A. V., Deputy Head of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogy, Associate Professor. E-mail: mavlad67@mail.ru

Vorobyov S. M., Professor of the Department of State and Law Theory, International and European Law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor. E-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru

Yakushina E. S., Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, PhD. in Law. E-mail: evgeniya.rybina@mail.ru

Zainutdinov D. R., Associate Professor of the Department of State and Law Theory and Public Law Disciplines of the Kazan Innovation V. G. Timiryasov University, Head of the Legal Department of the Institute of Social and Humanitarian Knowledge, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: knight_1988@mail.ru

Zautorova E. V., Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the International Academy of Scien-ces of Pedagogical Education. E-mail: elvira-song@mail.ru